

Владимир Михайлов

Решение номер три (сборник)

«Автор»

2005

Михайлов В. Д.

Решение номер три (сборник) / В. Д. Михайлов — «Автор», 2005

Когда стреляют пушки, стучат клавиши компьютеров, шуршат казначейские билеты – колдуны и маги помалкивают, просто потому, что здесь, в мире, населенном прагматиками и атеистами, их нет и быть не может. Но куда тогда могла исчезнуть целая планета, не оставив по себе и следа? Почему ходят упорные слухи о каких-то таинственных формулах управления реальностью, якобы найденных полвека назад монахом-математиком? И чем объяснить потрясающую, удачливость самого богатого мошенника современности, как не вмешательством потусторонних сил? Или причины в другом? Тогда в чем? В сборник вошли произведения: • Методика Наюгиры • Триада куранта • Джокеры Марса • Игра в звуки • Отработавший инструмент отправляют в переплавку • О спорт, ты... • Дом • Ревность • Решение номер три • День после соловьев, год седьмой • Хождение сквозь эры

© Михайлов В. Д., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Методика Наюгиры	5
Триада куранта	39
1	39
2	40
3	42
4	45
5	47
6	50
7	55
8	56
9	58
10	62
11	67
12	71
13	74
14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Владимир Михайлов

Решение номер три (Сборник)

Методика Наюгиры

– Каждый человек имеет право убивать и быть убитым, – медленно, как бы с затруднением выговорил Горбик.

– Что-что? – не понял Изольд. – По-моему, ты заврался, профессор. Какой-нибудь хвостик тебя подвёл – ты его расшифровал не в ту сторону.

– Да просто пришла ему пора сострить, – высказал свое мнение и Кромин. – У них, лингвистов, остроты такие – специальные, только для внутреннего пользования...

Горбик не обиделся. Он вообще обладал характером спокойным и миролюбивым.

– С хвостиками все в порядке, – откликнулся он невозмутимо. – А перевёл я совершенно точно – насколько вообще перевод может быть адекватным. С любого языка на любой, он всегда приблизителен. Дело в том, что каждое слово многозначно, основной смысл тащит с собой целый ворох обертонов, и они в разных языках не совпадают по причине различного прошлого, национального характера, да мало ли...

– Господин учитель, – прервал его Кромин, – позвольте выйти? Живот схватило, клянусь просторами сопространства!

– Сколь серы особи, с которыми я вынужден общаться! – вздохнул Горбик, картинно разведя руками. – Я умолкаю. Погрязайте и далее в своём невежестве, о презренные рабы материального мира!

Кромин засмеялся. Его было очень легко рассмешить. Если только он не был занят делом. Дел, правда, каждый день было много.

Изольд же оставался совершенно серьёзным. Как и всегда. И не позволил разговору уйти в сторону.

– То есть, если я тебя правильно понял, это и в самом деле у них где-то записано?

– Если бы «где-то» – полбеда, – сказал Горбик. – На террану название этого источника переводится как Конституция, Основной закон. По которому, надо полагать, и живёт это не весьма процветающее общество.

– Ну-ка, повтори, что у тебя там получилось? – попросил Кромин. Смеяться ему почему-то расхотелось.

– Каждый человек имеет право убивать и быть убитым, – повторил профессор лингвистики, едва ли не единственный на Земле специалист по наюгире – языку, на котором на этой планете и разговаривали.

– Очень занятно, – покачал головой Изольд. – Это заставляет меня вспомнить, что у нас имеется оружие. Где оно, коллега Кромин?

– В багаже, где же ещё.

– А багаж?

– В процессе доставки. Ещё вопросы?

– А почему... – начал было Изольд.

– А потому, – ответил Кромин, не дожидаясь продолжения, – что в чужой монастырь со своей пушкой не ходят.

– Фу, коллега! – упрекнул Горбик. – Подобный жаргон в нашей академической среде...

– Примите мои искренние извинения, профессор, – и Кромин изящно поклонился.

– Извинения приняты. Тем не менее, надеюсь, что, усваивая их язык, вы не станете особенно налегать на сленг. Нам важно прежде всего освоить литературный вариант...

– Можете быть спокойны, профессор, – сказал Изольд. – Именно так мы и намерены поступать. Не волнуйтесь.

– Не могу сказать, что я чрезмерно взволнован. Однако хотелось бы, чтобы наш багаж оказался здесь как можно скорее. Насколько я помню, по программе моя первая встреча с аборигенами должна начаться менее чем через час, – а мне не во что переодеться; не хотят же они, чтобы я предстал перед здешней научной элитой в таком виде!

И Горбик провёл ладонями по дорожному комбинезону, надетому ещё на Терре, перед посадкой на корабль; комбинезон и вправду выглядел не очень презентабельно: в нём лингвист провалялся в противоперегрузочном коконе всё время разгона, прыжка, выхода и торможения. Дома он не рискнул бы показаться в таком виде даже собственной семье.

– Все мы выглядим не лучше, – рассеянно отозвался Кромин; тон его свидетельствовал, что это его не очень-то и волновало. – Ничего, всё будет в порядке. Нас отвезут в полагающиеся нам по контракту квартиры, багаж наверняка окажется уже там, потом, естественно – ванна, небольшой отдых, и уже после этого – знакомство с местными достопримечательностями. Железный ритуал, который соблюдается везде, – а уж я-то не впервые в такой ситуации. Научный обмен – святое дело.

Тем более что мы оказались первыми представителями инопланетной науки в этом мире. Уверен, что сегодня нам предстоит ещё и банкет в нашу честь; надеюсь, что никто из нас слишком не увлечётся горячительными напитками. Если они тут есть, конечно. А уж с завтрашнего дня начнётся обычная работа: лекции, студенты, в свободные дни – экскурсии, ну, и всё такое прочее.

– Что касается банкета, – сказал Изольд, – я буду очень жалеть, что на нём не окажется Муллавайоха: за столом он бывает неподражаем. Интересно, почему...

И снова Кромин не дал ему договорить.

– Потому, магистр, что таковы правила первого визита. Муллавайоху придётся наматывать виток за витком целую неделю; как правило, именно такой срок требуется для того, чтобы мы смогли убедиться: все в порядке, все пункты контракта выполняются.

– Разве бывает иначе? – с сомнением в голосе спросил Изольд.

– Жизнь полна неожиданностей, – ответил Кромин.

– Не хотелось бы, чтобы эти неожиданности произошли с нами, – отозвался Горбик. – В частности – чтобы мне пришлось в таком виде...

* * *

Он не договорил, потому что единственная дверь карантинного помещения, в котором они находились после посадки, беззвучно скользнула вверх, складываясь гармошкой, и перед прилетевшими предстали три человека; точнее – три обитателя мира Наюгиры; впрочем, отличить их от представителей многоликой земной расы смог бы, пожалуй, только весьма образованный и очень опытный гуманоид.

Трое остановились, едва переступив порог; несколько мгновений длился обмен испытующими взглядами: у хозяев и гостей складывалось первое впечатление друг о друге. Ничего удивительного: переговоры вели и контракт заключали совсем другие люди и другие наюгиры.

Вошедшие были примерно одного роста и телосложения, и одеты были почти одинаково – если говорить о фасоне: они носили неширокие брюки, темно-серые длинные, до колен, свободно падающие и лишённые рукавов – кафтаны, что ли, или, может быть, следовало назвать их всё-таки жилетами? – под которыми виднелись рубашки с глухими стоячими воротниками – у двоих салатного цвета, у третьего – белого. Приглядевшись, можно было заметить, что у наюгиров в зеленоватых рубашках ткань одежды была поглубже, рыхлая, а не гладкая, отсвечивающая, как у третьего. Черты их лиц тоже казались более грубыми. Во взглядах этих двоих

ничего нельзя было прочесть, кроме сдержанного любопытства, желания побольше увидеть и запомнить. В отличие от них выражение на лице третьего наюгира постоянно менялось. И, судя по живой мимике, чувства и настроения его тоже были весьма подвижны. Это подтверждали и руки главы делегации, явно с трудом сохранявшие спокойствие. Двое его помощников несли каждый по объёмистой, хотя, похоже, и не очень тяжёлой сумке. Теперь оба опустили свою ношу на пол. Достаточно было беглого взгляда, чтобы земляне поняли: к их багажу сумки эти никакого отношения не имели.

Немая сцена длилась лишь несколько мгновений; затем абориген в белой рубашке мягко двинулся вперёд, к землянам, остальные же двое остались стоять у открытого дверного проёма. Остановившись в двух шагах, наюгир приподнял руки, обратив раскрытые ладони вверх; на лице его возникла исполненная доброжелательности улыбка, тонкие губы широкого рта шевельнулись, и он заговорил, переводя взгляд поочередно с одного из прибывших на другого и третьего.

Изольд и Кромин вопросительно глянули на Горбика, ожидая перевода. По напряжённому, нахмурившемуся лицу коллеги они поняли, что их спутник серьёзно озадачен.

– Что такое? – спросил Кромин вполголоса. – Неприятности?

Горбик поднял брови, поджал губы прежде, чем ответить так же негромко:

– Ничего не могу понять. Вроде бы это наюгира, но то ли у него дефект речи, то ли это какой-то диалект... Улавливаю общий смысл, но и только. Кажется, обычная протокольная речь: поздравляет с прибытием и тому подобное. Но...

Профессору пришлось прервать самого себя: наюгир умолк, улыбка его чуть изменилась, выражая теперь искренний и глубокий интерес к тому, что скажет ему землянин.

Вздохнув, Горбик заговорил, тщательно, отдельно произнося каждое слово, каждый звук. И с каждым произнесенным словом лицо слушавшего выражало всё большее удивление. Мало того: даже в неподвижных взглядах его свиты мелькнули какие-то огоньки: усмешки?

Тем не менее Горбик произнёс весь заранее заготовленный текст. Когда он умолк, наюгир, чья улыбка теперь снова выражала доброжелательство с какой-то примесью, быть может, сожаления и даже извинения (это последнее могло, впрочем, лишь показаться), произнёс ещё несколько слов, точно так же не понятых профессором, как и вся предшествовавшая речь. Затем, не поворачиваясь к стоявшим у двери, наюгир приподнял правую руку и чуть шевельнул ею.

В следующее мгновение стоявший у двери справа подхватил с пола свою сумку, приблизился к Горбику, вновь опустил свою ношу на пол, кивнул головой (что, возможно, должно было означать вежливый поклон) и, пятясь, вернулся на своё место.

Наюгир, которого можно было, пожалуй, назвать руководителем комиссии по встрече и размещению прилетевших (так, во всяком случае, окрестили его про себя земляне), указал Горбику на сумку и произнёс ещё несколько звуков. По сопровождавшим их жестам можно было – на этот раз – без труда понять, что он предлагает профессору раскрыть сумку и извлечь то, что в ней находилось. Горбик вежливо улыбнулся в ответ, кивнул и, нагнувшись, попытался выполнить указанное действие. Правда, с замком он справился не сразу, и белому воротничку пришлось помочь землянину в этом. Замок, оказалось, открывался очень легко, хотя и непривычно: его даже не нужно было трогать, но найти и нажать две кнопки, находившиеся на противоположных торцах сумки; просто, но неожиданно.

Видимо, не ожидая более помощи от землянина, руководитель встречи собственноручно извлёк из сумки что-то красное, мягкое, блестящее, сложенное в несколько раз. Встряхнув, развернул. Это было нечто вроде мантии – традиционной, профессорской, какие и на Земле кое-где носили по сей день. Вслед за мантией последовал головной убор – высокий цилиндр без полей, такого же, что и мантия, цвета. И, наконец, какой-то свиток – и тут же показал жестами, что разворачивать его не нужно, а весёлой улыбкой – по-видимому, то, что свиток

этот, как и всё прочее – всего лишь традиция, и их не следует принимать всерьёз. Тем не менее он сам накинул мантию на плечи Горбика, помог продеть руки в широкие рукава и водрузил на голову профессора цилиндр – правда, немного косо, так что Горбику пришлось поправить головной убор самому. Мягкий корабельный комбинезон скрылся под мантией, и теперь Горбик выглядел даже как-то сверхпрофессорски. Стоявшие у двери двое исполнителей «ролей без слов» одобрительно кивнули и несколько раз переступили с ноги на ногу; чёрт его знает – может быть, в этом мире именно так выражалось одобрение.

Полюбовавшись на Горбика, наюгир изобразил обеими руками несколько округлых жестов, явно не означавших ничего, кроме удовлетворения; затем руки очень плавно вытянулись в сторону двери – и это, надо полагать, было приглашением выйти из карантина и отправиться куда-то – куда следовало.

Переглянувшись, все трое двинулись к выходу. Наюгир, однако, повернувшись к остальным двум, раскинул руки широко, как бы преграждая путь, и произнёс что-то, забыв, – или делая вид, что забыл – что издаваемые им звуки для гостей так и остаются поистине звуком пустым. Однако и жестов было достаточно, чтобы понять: приглашение покинуть карантин относилось к одному лишь Горбику, прочим же следовало остаться здесь и ещё подождать – неизвестно, чего. Правда, у них на этот день никаких дел предусмотрено не было – в отличие от Горбика: видимо, потребность в овладении терраной, языком мира, приславшего сюда трёх специалистов, была тут настолько велика, что профессора сразу же включили в работу. Их же задача была противоположной: обучиться под руководством здешних преподавателей наюгире и увезти это знание домой. Известно, что без языка нет общения, а без общения невозможны никакие отношения между странами – кроме разве что войн. Но воевать никто вроде бы не собирался: все известные людям миры были не менее цивилизованы, чем сама Терра, иными словами – хотя бы наполовину от желаемого.

Прежде чем выйти, наюгир подал знак другому сопровождающему, и вторая сумка была незамедлительно поднесена и поставлена перед остающимися. Белорубашечный указал на неё пальцем, взмахнул руками, словно что-то на себя надевая, потом поднёс палец к большой круглой кнопке рядом с дверью. Кромин кивнул и повторил те же движения – в знак того, что всё понял. Наюгир улыбнулся.

В дверях Горбик остановился на миг, обернулся и помахал своим коллегам рукой.

Они ответили ему тем же.

Когда дверь, приглушённо прошелестев, опустилась за ушедшими, оставшиеся ещё с минуту глядели им вслед. Они вдруг почувствовали себя странно расслабленными, исчезло желание что-то делать, двигаться, разговаривать. Изольд даже зевнул – сладко, протяжно.

– Ну, ну, – проговорил Кромин, преодолевая лень. – Что-то с нами этакое происходит?

– Последствия перелёта, вероятно, – предположил Изольд.

– Наверное. Ладно, отдыхать будем ночью – если только их ритмы совпадают с нашими.

Увидим. А пока – давай-ка распотрошим этот узел. Нелепые одеяния какие-то, а?

– Традиции обогащают жизнь, – сказал Изольд наставительно.

– Это смотря какие. Как это у них нажимается? Ага...

Сумка послушно распахнулась.

– Нет, это не то. Видно, мы на профессоров у них не тянем.

– Ничего удивительного, – согласился Изольд, расправляя вынутую из сумки одежду. –

Он же приехал, чтобы обучать, а мы – учиться. Так что мы тут – всего лишь студенты.

– Угу. Давай-ка облачимся – думаю, этого они от нас и ждут.

Он принялся стаскивать с себя корабельный комбинезон. Остался в одном белье.

– А вдруг зайдёт какая-нибудь местная дама?

– Ну и пусть дама; нам вроде бы стесняться нечего, у нас всё на месте и в исправности...

Изольд поморщился. Он не любил разговоров на игривые темы.

Кромин натянул тугие штаны, вынул из сумки рубашки, одну бросил Изольду.

– Наряжайся, коллега.

– Не люблю красного цвета, – сказал Изольд. – Боюсь, со вкусом у них не всё в порядке.

– Пусть это будет самым большим разногласием. – Кромин надел безрукавку, оглянулся в поисках зеркала; его не оказалось. – Ну, как я на твой взгляд?

– Ты ослепителен, – сказал Изольд серьёзно. – На погибель местным красавицам.

– Если только язык жестов у них такой же, как у нас. Как полагаешь – долго нам придётся осваивать их мову?

– В бытовом плане – думаю, овладеем быстро. Наверняка же у них есть какие-нибудь методики ускоренного обучения. Ну, а если говорить о тонкостях – жизни не хватит. Мы и своим родным не владеем во всём его великолепии. – Изольд переодевался, с опаской поглядывая на дверь: он был человеком стеснительным. – Брюки тесноваты, по-моему.

– Ничего, растянутся. Мне тоже так сперва показалось, но вроде нигде не давят.

– Да, похоже. – Изольд окинул Кромину взглядом. – А что это у тебя там такое?

Кромин в это время пристраивал что-то у себя под новой рубашкой. Какую-то плоскую коробочку, которую он извлёк из нагрудного кармана комбинезона.

– Да так – мелочи жизни. Пригодится для занятий.

– Диктофон? А я вот не догадался.

– Ничего: наверняка обеспечат. Ну, готов?

– Наше оставим здесь?

Кромин секунду подумал:

– Имуущество казённое, не станем им разбрасываться.

Изольд затолкал комбинезоны в сумку, закрыл её, поднял. Кромин подошёл к двери, нажал большую кнопку и целую секунду не отпускал. Возможно, он жал бы на неё и дольше, но дверь взлетела именно через секунду, и двое в зелёных рубашках – но не те, что приходили с распорядителем, или кем он там был, – ступили на порог.

Повинуясь жесту, земляне вышли из карантинного помещения. Сразу же за дверью у Изольда вежливо, но настойчиво отобрали сумку.

– По-моему, нас грабят, – спокойно сказал Кромин. – У тебя там не осталось ничего компрометирующего?

– Что у меня могло быть такого?

– Мало ли: вдруг забыл презервативы?

Изольд, похоже, обиделся. Или обиделся бы – будь у него время на это. Но двигаться пришлось быстро, едва ли не бегом – по длинному коридору вперёд, туда, где за прозрачной дверью сиял солнечный день.

* * *

– Цивилизация, – пробормотал себе под нос Кромин, закончив осматривать своё новое жильё. – Ничто не забыто, всё предусмотрено заботливыми хозяевами... Почти президентский люкс.

И в самом деле: отведенная ему территория состояла из трёх, по его расчёту, жилых помещений, обставленных мебелью, очень похожей на привычную, домашнюю; он подумал даже, что кровати, столы, стулья, диваны и всё прочее было, возможно, скопировано с родных образцов специально для них – чтобы прилетевшие чувствовали себя если и не совсем как дома, то, во всяком случае, как можно ближе к привычному быту. Хотя на Земле, откровенно говоря, у Кроминя такого не было: чтобы и десятиметровый бассейн кроме обычной ванной, и зал – не зал, но достаточно обширная комната с тренажёрами на любой вкус, а ещё – информационный уголок, как он его назвал, – два экрана, каждый занимал без малого всю стену, оба

они образовывали угол, так что поначалу Кромину показалось было, что это просто угловое окно, за которым – не совсем обычный, но всё же несомненно городской пейзаж при обозрении с достаточно высокой точки: кровли, улицы, маленькие движущиеся фигурки жителей, машины – отсюда, с высоты птичьего полёта, неотличимо напомилавшие то, что давно стало привычным на Земле, да и не только там...

– Сильно смахивает на Федерацию Гра, – пробормотал Кромин для собственного сведения. – Подражают? Но не может же быть, чтобы до такой степени. Очень знакомый перекресток, и здание тоже...

Он постоял ещё с минуту, наблюдая, и вдруг картина исчезла, мгновенно сменилась другой – и это было уже морское побережье, широченный белый пляж, размашистая дуга бухты, зонты, люди – лежащие, идущие, купающиеся; длинное, обтекаемое судно близ горизонта, несколько голубых птиц в воздухе – впрочем, может быть, то были тоже люди, снабжённые летательными приспособлениями, очень похожими на крылья, – рука невольно потянулась за биноклем, которого здесь, понятное дело, не было... Всё это виделось тоже сверху, а кроме того, картинка перемещалась справа налево – словно бы Кромин и сам летел вдоль белой полосы приобя.

– И это я где-то уже видел... Ну да, конечно!

Только тут Кромин понял, что это не окно, а ещё через пару минут убедился в том, что окон здесь и вообще не было – хотя свет был как бы нормальным, дневным, а то, что поначалу показалось ему окнами в других помещениях, тоже принадлежало к миру электроники. Кромин не очень удивился, как ни странно, – только усмехнулся и покачал головой, продолжая расхаживать по причудливо спланированным комнатам, плавно, а иногда и неожиданно переходившим одна в другую – без единой двери. Перемещаясь с места на место, он вроде бы искал что-то, что, по его мнению, обязательно должно было здесь быть – но искал ненавязчиво, не вертя головой, не пялясь на что-то, но лишь бегло взглядывая и отпечатывая увиденное в памяти. Кое-что он, как ему показалось, нашёл – но убедиться в этом можно было, лишь проверив, – а сейчас делать это было бы преждевременно. Кромин не переставал улыбаться, порой покачивал головой, как бы восхищаясь, как если бы играл роль провинциального увальня, попавшего в столицу, для жаждущих развлечения зрителей; Кромин спинным мозгом чувствовал, что таковые имеются, – не хватало, впрочем, уверенности, что именно развлечься им хотелось, а не чего-то другого.

Наконец освоившись с обстановкой, в которой ему предстояло находиться, как он полагал, не день и не два, Кромин решил было навестить коллегу Изольда – его апартаменты находились тут же, на этом этаже, дверь с той же площадки, только не соседняя, а через одну; всего дверей на этаже было три, как он запомнил. Ничего не скажешь – предусмотрительно... – не мог не согласиться он. Ну что же – зайдём, слегка отпразднуем новоселье.

Кромин заглянул в бар; там оказалось немало всякого, вкусы землян были учтены – а может быть, и они тоже совпадали со здешними? Физиология-то, похоже, одна, значит, и химизм похожий, тогда и алкоголь производит на тех и других одно и то же действие.

Придирчиво разглядывая бутылки, смахивавшие очертаниями то на рыцарскую башню, то на минарет, то на военную ракету, и – одна – даже на трижды перекрученный бараний рог, хотя нет (он всмотрелся), на самом деле то была змея, свернувшаяся спиралью и стоящая на хвосте, голова ее была поднята вертикально, шейный капюшон раздут – как у кобры, в распахнутых челюстях торчал зверёк, вроде мыши; он оказался пробкой. Подивившись на сосуд, Кромин выбрал, однако, другой, имевший нормальную бутылочную форму. Откупорил, понюхал – всё правильно, это и нужно было. Сунул бутылку в объёмистый карман лапсердака, как Кромин про себя иронически называл выданное хозяевами одеяние (хотя у настоящего лапсердака рукава имеются), и направился к выходу.

На этом, однако, его визит и закончился. На двери не было ни малейших признаков хоть какого-нибудь устройства для открывания – ни ручки, ни кнопки, ни скважины замочной, ни пульта – ничего. Она была гладкой, как только что залитый каток, ухватиться, чтобы потянуть на себя, было не за что, а на вежливые, хотя и не самые слабые толчки дверь не реагировала. Выйти просто-напросто было невозможно – если не использовать взрывчатку или слесарный инструмент, которых тут, естественно, не оказалось.

Убедившись в том, что в данное время он наглухо изолирован от окружающего мира, Кромин, однако же, не воспринял это как трагедию; судя по выражению лица – не очень даже и огорчился. Насвистывая песенку, он вернулся в свой райский уголок – так он назвал условно своё жильё, – возвратил бутылку туда, откуда взял, ещё минуту-другую полюбовался на экраны, где картинка успела смениться, наверное, раз десять; зевнул, потянулся: все-таки нужен ведь человеку отдых – тут тебе и перелёт, и столько новых впечатлений... Багаж был ещё до его прихода доставлен сюда, всё в целости и сохранности. Только «Марины» не было – как говаривали в морской пехоте, – милой девушки, калибр – одиннадцать, в магазине – сорок пять, подствольник с кумулятивными пирожками, лазер – не только для прицеливания. Любимица личного состава, незаменимая в ближнем бою, она исчезла, как и весь боезапас, как и нож из того же репертуара – при лёгком нажиме пересекается полуторадьюмовый трос из химически чистого железа. Впрочем, Кромин подозревал, что их конфискуют, и с этой мыслью успел смириться. Тем более что не это было в багаже самым важным. Он извлёк из чемодана всё для туалета, а также пижаму. Несессер отнёс в ванную и там же переоделся в пижаму, как бы случайно повернувшись в ту сторону, откуда, по его соображениям, за ним приглядывали; пусть полюбуются на его достоинства. Внутренне он смеялся, но лицо оставалось сонным – могло показаться, что сил у него достанет только-только добраться до постели.

Он и добрался до неё, откинул покрывало и одеяло, критически поглядел на простыню, даже пощупал, поморщился для порядка и лёг, ещё раз сладко зевнув. Натянул одеяло на голову – видимо, дневной свет мешал ему уснуть. И задышал равномерно.

Минут пять прошло. За это время Кромин успел медленными, сантиметр за сантиметром, движениями – такими, что одеяло оставалось неподвижным – вынуть из кармашка пижамы и перенести к глазам тонкую пластинку, вроде кредитной карточки. На самом же деле любой врач опознал бы в ней всего лишь сердечный стимулятор, простенькую электронную штучку.

Опознал бы врач – и ошибся. Хотя это тоже была электроника, но совсем другая; временами, впрочем, тоже способствующая сохранению здоровья. Держа её перед глазами (лежал Кромин на правом боку, повернувшись лицом к стене), нажал одну из четырёх кнопок, что находились в нижней части пластинки. Кнопка зажглась тусклым белым огоньком. Порядок. Он нажал вторую. И она тоже засветилась – но не так сразу, и огонёк её был куда тусклее. Однако был всё-таки. «Далеко они его загнали, – подумал Кромин о профессоре Горбике. – Наш этаж вроде бы третий – точно, третий, а он где-то – под самой крышей. Но тем не менее он в порядке, и багаж тоже получил».

Теперь можно было и в самом деле поспать в ожидании дальнейших событий. Кромин и уснул – быстро и спокойно.

* * *

Спал он долго и безмятежно; никто не потревожил его весь остаток дня и всю ночь, а сам он не проснулся ни разу, хотя дни здесь были на четверть длиннее привычных, земных, и ночи соответственно тоже. Столь долгое бездействие было для Кромина необычным; не исключено, что такой глубокий сон чем-то поддерживался – излучением нужной частоты, быть может. Зато проснулся он свежим, бодрым, хорошо отдохнувшим и готовым к действию. Попытался

вспомнить, что ему снилось – с этого Кромин обычно начинал свой день, к снам он относился серьёзно, – но память ничего не подсказала. Наверное, сон был слишком глубоким. Кромин решил не придавать этому большого значения, хотя какой-то маячок в подсознании так и остался включённым и не позволял забыть о пусть и лёгком, но всё же сбое в управлении сознанием.

Когда у двери прозвучал нежный, мелодичный звонок, предупреждавший, как Кромин сразу догадался, что кто-то намерен нанести ему визит (то было именно предупреждение, вряд ли кто-нибудь собирался испросить его разрешения, поскольку дверь открывалась только снаружи), Кромин успел уже проделать все утренние процедуры и одеться. Из вежливости он облачился во всё то, что было им выдано вчера, хотя с большим удовольствием воспользовался бы своими, привезенными с Земли вещами. Если он чего-то и не успел из утренней программы, так это – послать в адрес своих товарищей проверочный сигнал, как сделал это накануне перед сном; но в этом большой беды не было: и Горбика, и Изольда он рассчитывал увидеть за завтраком, время которого, по его ощущениям, настало. С ничего не выражавшей улыбкой на губах, обязательной при официальных контактах, Кромин вышел в просторную прихожую и остановился как раз в тот миг, когда дверь начала, как было здесь принято, уходить вверх.

На пороге стоял тот самый, в белой рубашке, что встречал их вчера, и так же его сопровождало двое; только на этот раз то были не рабочего вида ребята с отсутствующим взглядом и в зелёных воротничках, но совсем другие: два человека в таких же алых мантиях и цилиндрах, в какие вчера облачили Горбика перед тем, как увезти куда-то за несколько километров. Они шагнули вперёд все разом, как по команде. И распорядитель сказал:

– Разрешите приветствовать вас, доктор Кромин, и выразить надежду, что вы хорошо отдохнули после столь нелегкого путешествия.

Продолжая всё так же официально улыбаться, Кромин кивнул и ответил:

– Благодарю вас; всё было чудесно, и я чувствую себя великолепно.

И только тут сообразил, что прекрасно понял всё то, что сказал ему вошедший, а тот, в свою очередь, ничуть не хуже разобрался в его ответе. Иными словами – что распорядитель заговорил с ним на терране, легко и свободно, без малейшего акцента, и даже интонации его, вся манера разговора показались очень знакомыми.

Да, конечно: потому что то были интонации и манера профессора Горбика, который для того и прибыл сюда, чтобы познакомить наюгиров с доселе неведомым им языком Терры.

* * *

– Я просто потрясён, – выразил Кромин вслух своё удивление.

Да это, наверное, можно было понять и по выражению его лица – хотя оно изменилось лишь на миг, и чтобы уловить это мгновенное изменение, следовало быть специалистом; здесь же если такие и имелись, то вряд ли разбиравшиеся в земной вазомоторике. Однако Кромин и не собирался скрывать удивления: не изумись он, это показалось бы неестественным, а он ведь был человеком откровенно-простодушным – или, во всяком случае, таким ему следовало выглядеть.

– Неужели вы способны за один день – да нет, что я, – за одну ночь до такой степени усвоить язык – далеко не самый простой на свете! И фонетика, и интонации, не говорю уже о словаре. Воистину, у вас потрясающие способности!

Белорубашечный улыбался с достоинством, как человек, сознающий, что хвалят его по заслугам. Но когда все они прошли в первую из комнат, которая вполне могла служить гостиной, уселись в кресла и распорядитель заговорил – смысл его слов оказался противоположным:

– Нет, уважаемый доктор, я никак не могу принять на свой счёт ваше восхищение: мои способности ничуть не поднимаются над средними – во всяком случае, в области языков. Нет,

нет. Дело не во мне и ни в ком из нас; дело в методике усвоения. – Он дважды кивнул, совсем как терранин, хотя – по наблюдениям, сделанным другими людьми в другое время – это движение головой как знак согласия не было свойственно наюгирам. – Эта методика передачи знаний в любой области практикуется в нашем мире уже многие столетия, и о её результатах имели возможность судить представители многих цивилизаций – всех, с кем мы устанавливали нормальные отношения. Замечу попутно: мы устанавливаем их далеко не со всеми, ни в коем случае не со всеми... Теперь пришла ваша очередь испытать наши способы и оценить их по достоинству, и решаюсь уверить вас заранее: у вас овладение нашей наюгирой – а ведь именно за этим вы прибыли сюда – вряд ли потребует больше времени, чем ушло у меня на детальное ознакомление с терраной, вашим прекрасным языком.

– Просто не могу поверить!

Кромин сказал это совершенно искренне.

– Придётся, друг мой, придётся!

Хоть бы раз он сбился, остановился в поисках нужного слова, неправильно построил фразу... Но нет: говорит совершенно, как Горбик. Куда лучше, наверное, чем сам Кромин.

– Конечно, – сказал Кромин вслух, – я всегда был самого высокого мнения о профессоре Горбике как о преподавателе. Но ведь получается, что за эту самую ночь он успел овладеть этой вашей методикой и тут же воспользоваться ею, чтобы передать вам свои знания! Что, она настолько проста?

– В ней действительно нет ничего сложного. Да, собственно, преподавателю и не приходится овладевать ею специально, это происходит как бы само собой... Да, кстати, о преподавателях: эти два господина, оказавшие мне честь сопровождать меня к вам, – они тоже преподаватели, как и профессор Горбик, и смею заверить – прекрасные знатоки наюгиры, как литературной, так и просторечной, и так далее. Тот, что сидит справа, передаст свои знания вам, доктор Кромин, второй же – вашему коллеге, доктору Изольду. Собственно, я и пригласил их посетить вас, чтобы вы познакомились, посмотрели друг на друга...

– Наверное, нам ещё не раз придётся общаться с ними?

– Н-ну... вообще-то это не является обязательным.

– Однако... Простите, как я должен к вам обращаться?

– Я всего лишь ректор этого учебного заведения. Но вы хотели что-то сказать?

– Хотел сказать, что догадываюсь: передача знаний под гипнозом? Но может ли этот известный способ приводить к таким прекрасным результатам?

– Наша методика несколько отличается от упомянутой вами. Хотя... есть, пожалуй, и определённое сходство. Одним словом – у нас принято, чтобы отдающий знания и воспринимающий их знакомились перед тем, как произойдёт сама передача. Это, если угодно, ритуал, традиция – у нас их много... Но у нас ещё будет время поговорить об этом и, наверное, о многом другом. А сейчас позвольте мне пригласить вас позавтракать со мною.

– Простите, а мои друзья и коллеги?

– О, доктор Изольд, разумеется, будет с нами. Мы посетили его перед тем, как прийти к вам, а сейчас отправимся завтракать все вместе.

– А профессор?

– Профессор Горбик, к сожалению, не сможет присоединиться к нам. Он сейчас очень занят подготовкой к своей работе. Это, знаете ли, довольно кропотливое занятие.

Это было Кромину известно. Тем не менее он старательно удивился.

– Я полагал, что все мы будем работать рядом...

– Нет, такого условия в ваших контрактах нет. И это было бы крайне неудобно, потому что место изучения чужих языков у нас никогда не находилось и не находится вблизи того места, где происходит передача наюгиры.

– Что, тоже традиция?

– Да, разумеется, разумеется. Но потом вы, конечно, сможете увидеть его, мы дадим вам такую возможность, мы в ней никогда не отказываем. А пока – напоминаю: завтрак ждёт нас, и доктор Изольд, я уверен, очень проголодался.

Ректор встал. Кромин успел сказать:

– Одну минуту. Надо же завершить знакомство.

И повернулся к тому в мантии, что был представлен ему как его преподаватель в ближайшем будущем:

– Я очень рад познакомиться с вами и обещаю не пожалеть сил для того, чтобы работать со мной вам было как можно легче.

Профессор смотрел на него, не улыбаясь и не моргая, только брови его чуть дрогнули. Не сразу он раскрыл рот, чтобы произнести три или четыре слова. На наюгире.

– Что... они ещё не прошли обучения терране?

– Им это не нужно, – проговорил распорядитель спокойно.

– Но как же...

– Вы всё поймёте сами. Несколько позже. Сейчас скажу только, что усваивать террану, как и любой другой язык, имеет право лишь ограниченное количество наюгиров. Те, кому это действительно может понадобиться в работе. А вовсе не каждый желающий.

Он произнёс несколько слов на наюгире, и оба преподавателя разом встали и первыми направились к выходу.

– Прошу вас, – и распорядитель указал на выход. Жест его (отметил Кромин) остался чисто наюгирским – медленным, широким, плавным.

– Благодарю. Я и в самом деле проголодался не менее, пожалуй, чем мой коллега.

– Надеюсь, – сказал ректор, – что завтрак вас не разочарует.

Проходя в дверь, Кромин споткнулся о выступавший порожек и чуть не растянулся на полу; распорядитель-ректор вовремя поддержал его, хватка белорубашечного была уверенной и сильной, свидетельствовала о хорошо развитой мускулатуре – хотя по беглому впечатлению этого и не сказать было. Кромин покрутил головой, удивляясь собственной неловкости. Сказал:

– Слишком долго спал, наверное.

– Просто устали, – предположил ректор. – Ничего, мы вас поставим на ноги.

Нет, терраной он успел овладеть в совершенстве; видимо, Горбик и на самом деле был незаурядным педагогом: методика методикой, но решает дело в конце концов тот, кто ею пользуется.

Так, во всяком случае, подумал Кромин.

* * *

На столе было пять приборов; пятым участником оказался, как и следовало ожидать, Изольд – тоже выспавшийся и даже разругавшийся со сна. Блюда были лёгкими, трудно понять – рыба то была или мясо, а может быть, и ни то ни другое – синтетика какая-нибудь, всё – воздушное, словно взбитое, но сытное – голод утолили быстро. Запивали из высоких бокалов непрозрачным напитком цвета кофе с молоком, но вкус оказался совершенно другим: смахивал на очень лёгкое пиво, в голову не ударяло, но настроение постепенно делалось бодрым и приходило ощущение, что всё в полнейшем порядке, и дальше дела пойдут так же успешно; хотя, если подумать, что они с Изольдом тут такого успели? Горбик другое дело: не ударил в грязь лицом, не посрамил терранской лингвистики, за одну ночь обучил ректора – и, надо думать, не его одного. Но ничего: и они оба себя ещё покажут...

Меньше всех ел и больше всех говорил ректор. Оба здешних преподавателя воздавали завтраку должное, но в разговоре не участвовали – потому, наверное, что вёлся он, по необ-

ходимости, на терране, которая (Кромин это запомнил) учёным мужам оказалась ненужной. В общении эти двое участвовали разве что глазами – часто и внимательно всматривались в будущих учеников, каждый в своего, а встретившись с землянами взглядом, лишь улыбались. Кромину показалось, впрочем, что улыбки эти были протокольными, обязательными, шли от ритуала, не от души. Возможно, подумал он, их беспокоит, сумеют ли так же лихо, как Горбик, перемахнуть через планку – а её терранский профессор поднял весьма высоко. В своих лингвистических способностях Кромин вовсе не был уверен, пока он, кроме терраны, знал всего лишь три языка – эморский, иссорский и Федерации Гра и овладевал ими в своё время не быстро и с усилиями. Но, может быть, пресловутая здешняя методика и в самом деле способна творить чудеса?

Он спохватился: обдумывать можно будет и потом, сейчас главное – слушать.

– ...Нет, – говорил тем временем ректор, отвечая на заданный Изольдом вопрос. – Для овладения той технологией, за которой вы к нам и прилетели, вовсе не нужно проводить время на предприятиях и испытательных полигонах. При её передаче мы пользуемся всё той же методикой, и результат всегда стопроцентный.

(Чисто терранское выражение; у наюгиров – это и раньше было известно – исчисление было двенадцатиричным, куда более удобным, чем разошедшееся ещё в давние времена с Терры по большинству миров десятиричное.)

– Но видеть не менее важно, чем...

– О, разумеется, вы увидите. Но это будет уже как бы последний мазок; вы будете видеть, до конца понимая, отдавая себе полный отчёт в том, что именно происходит на ваших глазах; мало толку, если вы смотрите и ещё не понимаете...

Неудобно, решил Кромин, вовсе не участвовать в разговоре. Приличия требуют...

– Если не секрет – каково наше расписание на этот день и ближайшие последующие?

– Разве это может быть секретом? После завтрака вы покажетесь врачам...

– Наше здоровье вызывает сомнения?

– Ни в коем случае. Однако для усвоения знаний по нашей методике организм должен быть приведен в определённое состояние: его восприимчивость, концентрация внимания, открытость памяти... Медики просто помогут вам обрести нужную форму.

Изольд, видимо, не любил врачей; во всяком случае, легкая гримаса, возникшая на его лице, позволяла сделать такой вывод. Она не осталась незамеченной.

– Не волнуйтесь: практически это не связано ни с какими грубыми вмешательствами... Да вот я сам могу послужить живым примером: перед тем как перенять знания у вашего коллеги, я общался с теми же самыми врачами, которые примут вас, и, как видите, нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти, да и физическое моё состояние не оставляет, как говорится, желать лучшего...

Это Кромин мог бы подтвердить – если бы возникли сомнения.

– Итак, врачи; а затем? – спросил он.

– Несколько часов вы будете совершенно свободны: разумно будет, если вы используете время, чтобы прогуляться по окрестностям – потом у вас может просто не остаться времени для этого, ваша научно-техническая программа весьма насыщена. Мы предлагали несколько растянуть её во времени, но ваша сторона не согласилась: видимо, на Терре очень нужны вы – или наши технологии. Так что вам придётся работать в поте лица.

– Наверное, у вас накопился немалый опыт по передаче технологий? Ведь во многих областях Наюгира является лидером.

(Вопрос был с двойным дном: известно было, что Наюгира практически не передавала своих технологий никому; Терра была едва ли не первой.)

– Ну, Федерация Гра тоже претендует на приоритеты – хотя... Но это, кстати сказать, неважно. Мы достаточно богаты, чтобы не торговать нашими технологиями – как и техникой.

Так что ваш мир в этом отношении является, могу смело сказать, привилегированным. Хотя вряд ли вы сейчас можете оценить это в полной мере.

– Нет, отчего же, – не согласился Кромин. – Мы весьма в этом заинтересованы – можете судить хотя бы по быстроте, с какой нас направили сюда. Мне только не совсем ясно: почему?

– Почему – что?

– Почему именно нашему миру предоставлено такое преимущество?

Ректор усмехнулся.

– Ну... решение было принято не сразу. Были и противники такого предпочтения. Но сторонников оказалось больше. Почему? Мы внимательно изучили вашу историю – и нашли в ней много общего с нашим собственным прошлым. Правда, с определённого времени развитие у вас и у нас пошло по разным путям; но вы ещё можете вернуться к тому перекрёстку и выбрать другой путь. Для этого вы должны быть намного сильнее, чем сейчас. Таков ответ на ваш вопрос в самом общем виде. Вы удовлетворены?

Кромин не был до конца удовлетворён. Но подумал, что сейчас не время погружаться в исторические изыскания.

– Да, благодарю вас.

Преподаватели тем временем закончили завтрак. Они одновременно поднялись, отошли на четыре шага, остановились.

– Встаньте и вы, – негромко подсказал ректор. – Это очень важно. Ритуал прощания...

И поднялся сам. Кромин с Изольдом последовали его примеру.

Преподаватели разом, словно солдаты по команде, повернулись к ним. И низко, в пояс, поклонились.

– Вы тоже... – Это было сказано едва слышно.

И склонился сам. Терране повторили движение за ним – хотя и не так синхронно, как сделали это двое наюгиров.

Распрямившись, преподаватели – опять-таки вместе – произнесли несколько слов на наюгире. Повернулись. И ушли.

Оставшиеся, по приглашению ректора, уселись снова: видимо, время, отведенное для завтрака, ещё не истекло. Похоже, что намеченного распорядка здесь, на Наюгире, придерживались строго.

– Итак, – спросил ректор, – есть ли у вас какие-нибудь вопросы? Мы располагаем некоторым временем.

– Наверное, мы ещё не раз будем затруднять вас вопросами – во время обучения, – сказал Изольд. – Но сейчас у меня слишком мало информации, чтобы о чём-то спрашивать.

– Мелочь, – проговорил Кромин, – но мне просто любопытно. Ведь наш коллега профессор Горбик знал ваш язык, – вроде бы знал, он, во всяком случае, считал, что знает, – а когда вы впервые посетили нас в карантине, вы, по-моему, никак не могли понять друг друга. Это и на самом деле было так?

– Это своего рода недоразумение, – ответил ректор с готовностью. – Он изучал наш язык, как я догадываюсь, только по письменным источникам. И произносил так, как написано. Наш же язык исторически преобразовывался так, что произношение не раз менялось, орфография же оставалась прежней. Если угодно, тоже традиция. Да вам, наверное, и ранее приходилось сталкиваться с такими явлениями: пишется одно, говорится другое.

– Да, и у нас на Терре бывало такое, – согласился Изольд.

– Это он рассказал вам, как изучал наюгиру дома?

– Это моё умозаключение. Ваш коллега не мог мне рассказать этого: ведь тогда я ещё не владел терраной.

– Ну, а после того, как вы уже заговорили? Неужели вы больше не встречались с ним?

Ректор лишь отрицательно покачал головой.

– Но почему? Разве не интересно было бы...

Ректор жестом прервал Кромина, чтобы сказать:

– Это было невозможно.

– А когда сможем увидеться с ним мы?

Ректор совсем по-земному пожал плечами:

– Это будет очень нелегко. Видите ли, в вашем мире вы, быть может, и равны; но у нас он принадлежит к донорам знаний, вы же – к воспринимающим. А по нашим установлениям, общение между теми и другими может быть только на деловой основе – но вам ведь не нужно, чтобы ваш коллега преподавал вам террану?

– Опять традиции, – пробормотал Изольд. Ректор услышал.

– Если угодно, да. Однако время нашего завтрака истекло. Благодарю вас за весьма приятное общество. Гуляйте, наслаждайтесь пейзажами. Когда захотите вернуться в ваши помещения – затруднений не будет: снаружи двери открываются самым простым образом. Нажмёте на пластинку – и вы дома. Но пока побудьте здесь: к вам придут, чтобы пригласить к докторам. Скоро.

Он коротко поклонился и, чётко ступая, направился к выходу.

Уже вдогонку ему Кромин послал последний вопрос:

– А что говорили нам наши преподаватели, когда прощались?

Ректор обернулся на ходу:

– То было одно из основных правил нашего мира.

– Какое же?

– Каждый имеет право убивать и быть убитым.

– Надеюсь, – проговорил Изольд, слегка нервничая, – это имеет отношение только к вашим гражданам?

– Гражданами Наюгиры являются все, находящиеся на её поверхности. Так что не беспокойтесь: ваши права защищены законом точно так же, как, например, мои.

Сказав это, ректор скрылся в коридоре.

Кромин даже не попытался спросить его, каким образом можно будет открыть дверь изнутри – если такое взбрёт в голову. Не было нужды: он успел уже понять, как это проще всего сделать. Это – к вопросу о пользе дверных порогов.

* * *

Врачебный осмотр они прошли быстро и без лишней суеты. Прежде всего им наголо обрили головы; Изольд, у которого волос оставалось не так уж много, и он потому ими дорожил, выразил словесный протест – его, естественно, не поняли: медикам террана, видимо, тоже была ни к чему. Кромин посоветовал не противиться: в конце концов, если они приехали сюда за знаниями, то цепляться за свою причёску вряд ли имело смысл: цена явно не самая высокая. Изольд вздохнул и лишь грустно смотрел на сбритые пряди. Сам Кромин ничего против не имел: у него волос имелось в достатке, и он знал, что новые вырастут ещё гуще. Лишь бы голова оставалась на месте.

Что же касалось собственно осмотра, то Кромину показалось, что был он достаточно поверхностным: ничего не брали на анализ, зато воспользовались множеством датчиков, чьи показатели, видимо, суммировались в компьютере – но возникавшие на дисплее символы терранам ничего не говорили. Врачи обменивались краткими репликами – то была, разумеется, по-прежнему непонятная наюгира. Потом испытатели и испытуемые перешли в другой кабинет, там аппаратура не походила на первую, датчики тоже выглядели по-другому, похоже, каждый из них не просто снимал токи, но тут же и пропускал их через встроенный микрокомпьютер; а впрочем, это лишь догадки были, основанные на терранских аналогиях, – на самом же

деле назначение маленьких матовых полушарий, накрепко присасывавшихся к голове, могло быть и совершенно иным.

Закончив налеплять датчики, обоим терранам на головы надели мягкие обручи с небольшими экранами, располагавшимися прямо напротив глаз. Потом приборы загудели, приняв нагрузку. Кромин...

...Кромин открыл глаза, глубоко вздохнул. Несколько секунд соображал – где он и почему. А, да, осмотр. Всё там же, в кабинете. На почти горизонтальном кресле. Экрана больше не было, как и датчиков. Ощущения? Лёгкая усталость, даже приятная, как после... ну да, после этого самого. Пульс в норме. Время? Он справился у своих внутренних часов. Ерунда какая-то. Не мог же он просидеть тут без малого сутки. Кромин слегка повернул голову; на соседнем кресле Изольд сидел и тоже хлопал глазами, пытаясь прийти в себя. У Кромина подкорка показывала, что времени было – на два часа меньше, чем когда начался осмотр. Ага; значит, они и в подкорку залезли и перевели мои часы на местное время – тогда всё понятно. Лихо работают. Теперь следовало вести себя так, как поступает человек, вернувшийся с прогулки домой и обнаруживший, что дверь дома открыта настежь – хотя ключи всё время были у него в кармане, и комплект их был единственным, пальцы с папиллярными линиями и радужку глаза тоже никто вроде бы не заимствовал – и тем не менее... Остаётся только проходить комнату за комнатой, вспоминая, что где стояло и где лежало и велик ли недочёт. Так он и сделал. Нет, ничего не вынесли. Хотя и трогали: кое-что смещено. Ну, а сейф им удалось найти и вскрыть? Кромин сосредоточился. Нашли. Но вскрыть не удалось. И на том спасибо. И однако уже то, что они это хранилище обнаружили, обещает некоторые осложнения. Ну, ладно. Вроде бы все процедуры закончились?

Он оторвал спину от кресла, уселся, потом спустил ноги на пол; манжеты, которыми он был пристёгнут к подлокотникам и подножке, кто-то уже позаботился расстегнуть. На его движения никто не обратил внимания, не попытался помешать. Все врачи – участники осмотра собрались вокруг компьютера и – судя по интонациям – довольно круто спорили, тыкая пальцами в символы на дисплее, кривые разной пологости и разноцветные пятна. Вывод из этого пока можно было сделать только один: наюгира оставалась для Кромин – и Изольда тоже – закрытой книгой, да и вообще ничего нового ни в памяти, ни в сознании своём Кромин не обнаружил. Значит, – заключил он, – вложить в него ничего не вложили; что же тогда: скопировали нечто? Может быть – но там всё в порядке. Скорее всего – просто, так сказать, унавозили почву для посева, который ещё предстоял. Это, однако, не могло пройти бесследно: если что-то изменилось в Кромине, он обязан это почувствовать, он достаточно хорошо владел и телом своим, и сознанием. И он занялся инвентаризацией, пока врачи всё спорили, причём то один, то другой искоса поглядывали на него жёлтыми наюгирскими глазами.

Нет, не вложили и не забрали; что же тогда? Кое-что немного перестроили. В этом Кромин убедился очень быстро. Сейчас – очнувшись – он чувствовал себя в кабинете совсем не так, как перед началом осмотра. Тогда – с опаской воспринимал окружающее, сейчас – очень доброжелательно, это относилось и к помещению, и к врачам, и ко всей этой аппаратуре, и – шире – ко всем тем наюгирам, с которыми пришлось здесь встретиться, к ректору в первую очередь, а что касается преподавателей, то к ним он сейчас испытывал чуть ли не какую-то нежность, без малого, как к братьям родным. Да и ко всей Наюгире: прекрасная планета, чудесный мир, исключительным везением надо считать то, что ему удалось попасть сюда. А уж как только он овладеет здешним языком – почувствует себя наверняка совершенно счастливым!.. Вот какое настроение владело им сейчас, он и в самом деле так чувствовал – и в то же время как бы наблюдал всё это со стороны, из глубины самого себя, из укромного уголка, где нормальный, здравый, рабочий взгляд на мир сохранился в первозданном виде. Сейф оказался надёжным, ничего не скажешь. Но вести себя сейчас следовало естественно, то есть – пови-

новаться чувствам, симпатиям, желаниям, стремиться к овладению языком и всеми другими знаниями, которые им намерены здесь дать.

И к тем, которые не намерены дать, – тоже.

Это была реплика уже из тёмного уголка. Из сейфа.

Ну что же, так и поступим.

Кромин не встал, а вскочил с кресла, улыбаясь, оглаживая медиков нежным взором, столкнувшись с которым, на лету ломались неуверенно-подозрительные взгляды одних врачей и тонули столь же радостные – других, не столь бдительно настроенных. Кромин подошёл к Изольду, тоже вдруг разулыбавшемуся, хлопнул по плечу, потянул за руку:

– Подъём, коллега. Нам ещё предстоит прогулка. Ручаюсь – это будет удивительная прогулка по романтическим тропкам, сквозь прекрасные заросли, вдоль голубой реки с золотистым песком берегов...

Ничего этого они ещё не видели Кромин с Изольдом. Но почему-то уже твёрдо знали, что всё так и будет, всё они увидят – и придут ещё в больший восторг. И разом – как солдаты по команде – двинулись к выходу.

Их никто не остановил, хотя спинами оба ощущали провожающие их взгляды. И Кромин не видел, конечно, спиной, но знал, что один из врачей сейчас же – не успеют двое скрыться из глаз – поднесёт к губам коробочку связи и предупредит – чтобы их, не дай бог, не потеряли из виду. Потому что главное-то ведь ещё только предстояло.

* * *

– Прекрасный мир, – сказал Изольд с неожиданной для него проникновенностью. – Можно только позавидовать, не правда ли? Хотя бы вот это: на Терре нас бы давно уже комары заели, а тут – ни единого, словно их и в природе нет. Побочные следствия применения эногара, я полагаю.

– Эногара?

– Есть тут у них такой минерал.

«Странно, – подумал мельком Кромин. – Он вроде бы чистый лингвист, как и Горбик. При чём тут минералы?»

Они медленно шли по тому самому песочку, по самой кромке вдоль голубой речки, приглушённо бормотавшей что-то на интернациональном языке воды. Здание, из которого они недавно вышли, возвышалось в сотне метров справа, чёрт-те-сколькоэтажное, упирающееся в небеса, высоченное и такое же голубое, как и вода, и должно было, казалось, диссонировать с окружающей дикой (впрочем, неплохо, похоже, выдрессированной) природой; однако не воспринималось таким и не давило своим присутствием, но напротив, дополняло и совершенствовало всё остальное – наверное, благодаря хорошо продуманной архитектуре. Хорошо было здесь, честное слово, хорошо. И воздух был сладок, душист и – возникало впечатление – даже целебен.

– Мир – конфетка, – подтвердил Кромин. – Но чего-то мне ещё не хватает... Ага! Понял. Хочу выкупаться!

И правда – здесь было тепло и безветренно, да ещё и безлюдно, так что купаться можно было в натуральном своём виде.

– Блестящая идея! Давай!

Они разделлись мгновенно и кинулись в речку – с шумом и брызгами. Течение было не быстрым, под стать равнинной ленивой речке, и не помешало переплыть на тот берег и сразу же – обратно, и снова туда, и ещё раз – обратно. При этом они совершенно не устали. Да и как-то нелепо было бы уставать в таком райском местечке. Но, когда вылезли наконец и растянулись на

прогретом песочке, такая лень вдруг охватила обоих, что одеваться, возвращаться, заниматься чем-то показалось противоестественным, а главное – ненужным.

– Благодать... – пробормотал Кромин, переворачиваясь на другой бок; теперь он оказался спиной к Изольду, но всё ещё можно было вести пустой, ни к чему не обязывающий разговор – от нечего делать. – А хорошо, что они нас выбрали в союзники. Мы и на Терре можем навести такую красоту. Вот получим технологии...

– Да, – откликнулся Изольд, не поворачиваясь; голос его поэтому доносился словно откуда-то издалека. – Ты, кстати, какими технологиями занимаешься на Терре?

– Да разными, – ответил Кромин не сразу. – Телеакустикой в последнее время... до того – телеметрией в общем. Ну, и всякими прочими...

Сказав это, он помахал рукой около уха, словно отгоняя муху или комара; насекомых тут, однако, не было. Отгонял же он мысль – нет, даже не мысль, а скорее назойливое и неприятное ощущение, исходившее, видимо, из того самого уголка его мозга, что остался незатронутым при медицинском осмотре.

– Что это у тебя там? – спросил Изольд.

– Да так – что-то в голове...

– Не в голове. На спине – между лопатками.

– Да ничего – что там может быть?

– Может – не может, а есть. Дай-ка, я посмотрю... – Изольд с кряхтением поднялся на четвереньки, приблизился, протянул руку.

– Ой! – отозвался Кромин на неожиданную боль. – Ты что, живодёр по совместительству? Зачем царапаешься?

– Уж потерпи. Сейчас, сейчас... Как прилипло, а? – Изольд сосредоточенно сопел, Кромин лишь покряхтывал от боли. – Ага, есть. На вот, полюбуйся...

И он поднёс на кончике пальца чуть ли не к самым глазам Кромина маленький кружок, с таблеточку седатива, шершавую, цвета человеческой кожи, сделанную из непонятного материала: пластик не пластик, но что-то в этом роде.

– Я сначала решил, что это кто-нибудь вроде пиявки – прилипла в воде. Но это не живое. Это, очень возможно...

– Ну-ка, повернись спиной, – прервал его Кромин.

– Думаешь?..

– Это – лошадиное занятие. Что думать, если можно посмотреть.

– Вот, гляди в своё удовольствие.

Кромин глянул.

– Ага. Твоя очередь страдать...

Минуту спустя они рассматривали и вторую бляшку. Потом Кромин вырыл в песке ямку, положил таблетки туда и аккуратно засыпал, примял песок ладонью.

– Датчики, – сказал Изольд уверенно. – Когда это они успели нас пометить?

– Пока мы там храпели в креслах, понятно. Так, на всякий случай – чтобы не терять нас из виду. И слышать, понятно.

– Так и оставим их здесь?

– Они всё равно слышали, что мы обнаружили датчики. Если мы их прилепим туда, где они были – это будет подозрительно. Естественно для нас – удивиться, обидеться и отделаться от непонятных вещей. Поскольку это означает недоверие с их стороны, мы же прибыли к ним без всяких задних мыслей.

Кромин снова помахал рукой: задние мысли, только что им упомянутые, теперь уже бурно вихрились в мозгу. Крутились вокруг одной точки: значит, тот врач, что поспешил звонить кому-то, не о том сообщал, что терране отправились на прогулку: это датчики и так показывали. Что же потребовало столь срочного доклада?

Так или иначе, загорать им расхотелось.

– Пошли, – сказал Кромин. – События, как говорится, назревают.

– Как думаешь: у Горбика всё в порядке?

– Хочу надеяться. Выясним в доме. Есть там у меня хитрая коробочка. Спросим у неё.

– Пошли.

Коробочки дома, однако, не оказалось. Хотя всё прочее сохранилось в неприкосновенности. Те, кто изъясил прибор, сработали очень профессионально.

– Будет очень весело, – такое умозаключение сделал Кромин перед тем, как Изольд удалился в своё помещение.

– Когда, интересно, они начнут обучать нас?

– Пожалуй, даже скорее, чем собирались.

* * *

И в самом деле: за ними пришли уже через полчаса – по местному, то есть минут через двадцать по терранскому отсчёту времени.

Против ожидания, их провели не в какой-то учебный класс, лабораторию или другое помещение научного назначения. Они шли уже знакомым путём и вскоре оказались в той же столовой, где завтракали с ректором несколько часов тому назад. И он снова присутствовал там – а вот преподавателей не было. Пока, во всяком случае.

Они расселись за столом на тех же местах, какие занимали во время первой трапезы. Ректор выглядел столь же спокойным и доброжелательным, каким был с утра. Он улыбался.

– Волнуетесь? – только и спросил он, когда терране заняли свои места.

– Разве есть повод? – вопросом же ответил Кромин, не изображая, впрочем, излишнего удивления.

– Совершенно никакого, – успокоил их ректор. – Я спросил потому, что сейчас вы впервые встретитесь с нашей методикой; в жизни каждого из вас это – очень важное событие.

– Надеюсь, мы выживем? – поинтересовался Изольд, весело улыбаясь; глаза его, однако, оставались серьёзными.

В ответ ректор лишь рассмеялся – похоже, очень искренне.

– Наши врачи не обнаружили у вас никакой серьёзной патологии, которая позволяла бы опасаться за ваше здоровье. Есть, – он, словно спичкой по коробку, чиркнул взглядом по лицу Кромина, – есть небольшие аномалии, но они не мешают...

– Вы хотите сказать, что аномалии в моём здоровье? – невежливо прервал его Кромин.

Быть может, ректор и ответил бы на столь прямой вопрос. Но уже появились официанты. Каждый из них нёс на маленьком подносе объёмистый бокал, даже кубок скорее, наполненный почти до краёв непрозрачной и густой жидкостью – похожа она была на фруктовый сок с мякотью. Кубки были накрыты салфетками. Официанты поставили кубки перед каждым из терран. Затем появился третий, тоже с подносом, на котором возвышался, однако, простой бокал с красной жидкостью. Ректор взял бокал. Поднял.

– Время и вам поднять кубки, – проговорил он неожиданно торжественным тоном. – И выпить – за ваши грядущие успехи.

– А вы пьёте что-то другое? – не без подозрения молвил Изольд, безуспешно разглядывая на просвет свой бокал.

– Разумеется. У меня – просто вино. Откровенно говоря, хорошее. Но у вас ещё будет время попробовать его.

Кромин понюхал свой бокал.

– Не сказал бы, что пахнет привлекательно.

– Вы совершенно правы. Но это вовсе не веселящий напиток. То, что содержит ваш кубок, можно назвать одним словом: метод. Тот самый. Напиток очень полезный, так что смело можете выпить его – за ваше здоровье и за ваше знание.

Терране переглянулись; Кромин едва заметно пожал плечами.

– Что ж, – сказал он. – Мы вам верим.

– Если даже и не вполне, – усмехнулся ректор, – питьё от этого не станет менее полезным. Ну, итак... – И ректор поднёс свой бокал к губам, медленно выцедил вино и причмокнул от удовольствия.

– Пьём, – решительно сказал Кромин. И медленно, глоток за глотком, осушил свой кубок. Изольд последовал его примеру.

– Пфуй, – сказал он, ставя пустой кубок на стол. – Если бы не боязнь обидеть хозяев, я откровенно сказал бы, что давно мне не приходилось пить такой пакости.

– Бывает хуже, но реже, – охотно подтвердил Кромин.

И в самом деле: питьё оказалось солоноватым, с каким-то сырым запахом и привкусом чуть ли не свежей крови.

– Ничего удивительного, – проговорил ректор. – Это род лекарства, а они не всегда бывают сладкими. Но сейчас вы сможете погасить неприятные ощущения во рту.

И действительно – официанты уже приближались снова. Но на этот раз они несли такие же бокалы с красным вином, какой перед тем был подан ректору. Впрочем, его не обнесли и на этот раз.

– А теперь, – провозгласил он, – за успех наших общих дел!

– Может быть, стоило бы обождать преподавателей? – подумал вслух Кромин. – А то получится как-то невежливо. Всё-таки от них ведь всё зависит.

Ректор неожиданно засмеялся – громко, искренне.

– Вам пришлось бы ждать их очень долго, – выговорил он сквозь смех. – Вино успело бы прокиснуть. Нет уж, давайте выпьем сейчас.

Не оставалось ничего другого, как последовать его приглашению.

Вино и в самом деле оказалось превосходным.

Но Кромин, смакуя напиток, явственно ощущал во рту неожиданный привкус горечи.

Он знал, что это – не от вина. И попытался сообразить: от чего же?

Однако уже накатывал неожиданный сон – подминал, мягко давил, соблазнял тишиной, свежими простынями, мягкой подушкой...

* * *

Рано или поздно всему приходит конец – и сну тоже.

Кромин проснулся в своей постели. Открыл глаза. И увидел над собою – близко – чьё-то лицо. Наюгирское. Смутно знакомое. Сделал мгновенное усилие, чтобы вспомнить.

– А, доктор. Здравствуйте.

Странно: язык как-то непривычно ворочался во рту. После давешнего угощения, что ли? Но память сработала точно: наюгир, склонившийся над ним, был одним из врачей, проводивших осмотр.

– Здравствуйте, доктор Кромин. Поздравляю вас.

– Благодарю. Только – с чем?

Дьявол: выходит, врач тоже выучился терране? А ведь тогда и виду не подал...

– С тем, что вы прекрасно заговорили на наюгире, нашем языке. По произношению вас не отличишь от коренного жителя столицы.

– Ах, вот как?..

Нельзя, конечно, произносить такие слова. Нельзя показывать кому бы то ни было, что ты чем-то удивлён, что воспринял что-то как неожиданность. Но на этот раз остановить рефлекс не удалось; видимо, что-то в голове и на самом деле разладилось. Однако ошибку нужно исправить.

– Выходит, внушение во сне – в нём и заключается ваша методика? Дело знакомое. Правда, результаты говорят сами за себя.

С каждым словом язык во рту прыгал, артикулируя незнакомые звуки, всё легче и естественней. Результат действительно заслуживал восхищения.

– Нет, ничего похожего, ваше предположение ошибочно. Но об этом вы ещё успеете поговорить. А сейчас – давайте-ка посмотрим, как вы себя чувствуете.

– Прекрасно чувствую, доктор, прекрасно.

– Мне тоже так кажется. Однако моя обязанность – убедиться в этом. Нет-нет, не вставайте. Аппаратура не потребуется, всё, что нужно, у меня с собой.

Он раскрыл на краю кровати чемоданчик. Несколько инструментов и портативный компьютер, только и всего.

– Сядьте, пожалуйста. Свесьте ноги...

Нормальный осмотр, которому можно не уделять серьёзного внимания. Сейчас самое время подумать. Если медикус прав и во сне Кромин не подвергался никакому внушению, тогда знание языка вошло в его память – каким же образом? С тем солёным пойлом, которым их угостили накануне?

– Скажите, доктор, а как себя чувствует мой коллега?

– Доктор Изольд? Столь же благоприятно, как и вы. Знаете, я очень этому рад. Потому что правота оказалась на моей стороне.

Ох, тщеславие, тщеславие. Это оно заставляет порою сказать лишнее. Хотя – что взять с врача, его ведь не учили скрывать свои мысли.

– А что – ваши коллеги считали, что мы не сможем усвоить язык? Не хватит способностей?

– Наклоните-ка голову – к правому плечу, вот так... Ухо по-прежнему отличное. Теперь к левому... Прекрасно. Нет, я бы не сказал, что это были мои коллеги. Хотя такие мнения звучали и в нашей среде. Но мы основывались как на чисто физиологических, так и на моральных соображениях, а они... Теперь будьте любезны снова прилечь, да, на спину. Меня интересует ваша печень.

– С ней что-то не в порядке?

– Надеюсь, что нет; тем не менее, это один из немногих органов, расположенных и действующих у вас несколько не так, как у наюгиров. Откровенно говоря, увидев её, я был удивлён: мы выглядим настолько близкими друг к другу, но вот печень – и почки тоже, кстати... Но, возможно, то был просто частный случай, аномалия – это и среди нас случается. Это было, кстати, одной из причин, по которой несколько моих коллег высказывались против применения методики к вам.

– Именно ко мне?

– К терранам вообще. Я же считал, что это не повод. И, как видите, оказался прав. Хотя печень ваша... – сейчас врач внимательно глядел на дисплей своего компьютера, – действительно столь же аномальна, как и та, другая... Но вы ведь понимаете: мы не могли быть полностью убеждены – ведь та печень, как и весь организм, не подвергались воздействию методики, так что мы могли только предполагать – а вот сейчас я уже почти совершенно убеждён в том, что применение метода не оказывает на терран никаких отрицательных воздействий – как и на нас самих. Ну, всё, доктор Кромин, я очень рад найти вас в прямо-таки оптимальном состоянии.

И врач принялся убирать свои инструменты в чемоданчик.

– А вас не волнует, – поинтересовался Кромин, – что ваша откровенность в разговоре со мной может кому-то не понравиться?

Он уже почти уверен был, что его вопрос не вызовет удивления – напротив, окажется вполне понятным.

Врач лишь приподнял локти в стороны; терране в таких случаях пожимают плечами.

– Почему? Нас вообще никто не слышит...

– Ну, ну, – иронически проговорил Кромин (хотя на наюгире это прозвучало, конечно же, совсем иначе).

– Уверяю вас. Есть нерушимое правило: когда врачебный осмотр проводится по месту нахождения больного, вся контрольная аппаратура отключается. Сейчас – тоже.

– Соблюдение врачебной тайны? – Кромин постарался, чтобы это прозвучало как можно ироничнее. Нужная интонация возникала как-то сама собой: он и в самом деле овладел языком, как родной терраной.

– Да; и это очень серьёзно. Ведь если мы, допустим, находим у пациента серьёзную патологию, и это не останется абсолютной тайной, то в конце концов это может дойти и до него самого и подействует на его психику. Он поймёт, что состояние здоровья выводит его из числа тех, на кого распространяется Первый закон. А это для наюгира – очень тяжёлый удар.

Первый закон? Рискнём предположить...

– Каждый имеет право убивать и быть убитым?

– Видите, даже вы уже успели усвоить это.

– С нашей, терранской, точки зрения быть убитым – не такое уж завидное право.

– Потому что вы не понимаете. Каждый счастлив отдать свою жизнь на благо Наюгиры. И каждому становится горько, если он лишается этой почётной возможности.

– Ага. Не к этому ли относятся те моральные возражения ваших коллег, о которых вы говорили?

– Нет, разумеется, вовсе не к этому. Коллеги сомневались: соответствует ли нашей морали – наделять таким мощным оружием, как наюгирский язык, существ из других миров – вот как вы, например; существ, ещё не усвоивших нашего мировоззрения. Ну, и кроме того – в процессе работы имело место некоторое нарушение традиционных ритуалов; однако мои единомышленники и я убедили всех в том, что ради такого необычного случая можно пойти и на некоторое отступление от правил. Кстати, вопрос о мировоззрении относился именно к вам: что-то в вашем сознании оставалось для нас неясным.

– Теперь-то, надеюсь, вы во всём разобрались? – усмехнулся Кромин.

– Возможно; но когда я направлялся к вам, эта запись находилась ещё в процессе расшифровки.

– От души благодарю вас, доктор, – сказал Кромин. – Вы помогли мне разобраться очень во многом.

Он встал с кровати; сладко потянулся.

Печень печенью, подумал Кромин, но о нервной системе он ничего такого не сказал. Будем надеяться, что она в общем совпадает...

– Я очень рад... – начал врач.

Нервная система сработала исправно: отключилась после первого же профессионального удара – твёрдым ребром ладони по переносице. Удар пришлось сдержать – чтобы не убить медика наповал: с ним ещё было о чём поговорить.

Кромин быстро оделся. Разорвал простыню и на всякий случай связал свою жертву по рукам и ногам. Заткнул рот. Убедился, что врач, находясь в отключке, дышит исправно. Очень хорошо.

Он раскрыл чемоданчик, перебрал инструменты. Среди них не было ничего, похожего на механизм для открывания дверей. Ладно, не страшно: мы воспользуемся вот этой длинной

штуковиной – для чего бы она ни предназначалась в наюгирском здравоохранении. Где там заходит за порог язык защёлки – ясно помнилось со вчерашнего.

Кромин без труда отворил, а вернее – поднял дверь. Высунув голову, огляделся. Было пусто. Одна дверь – справа от него, одна – слева. За какой из них – Изольд?

Этого он не знал и решил подчиниться интуиции.

На этот раз она подвела, ещё не оправившись, как видно, после применения здешней методики. Дверь легко взлетела вверх – и прямо за ней оказался наюгир. Один из тех, что вчера сопровождали ректора, – но может быть, просто очень похожий на тех крепкой фигурой и спокойно-пустым взглядом жёлтых глаз. Оружие в его руках – то ли большой пистолет, то ли маленький автомат – было направлено прямо в грудь Кромина. Ага: десантный излучатель. Импульсный. Производство Федерации Гра...

Импульсы запоздали на долю секунды: возможно, стрелок не сразу сообразил: можно ли стрелять в человека, не обладавшего правом быть убитым. Подвела низкая правовая подготовка. А когда он нажал на клавишу, Кромин перед ним на уровне импульса уже не было: нырок в ноги вооружённого, захватить, рвануть на себя – не выпуская лодыжек из рук, чтобы не позволить противнику извернуться в воздухе, сгруппироваться, как следует... Голова глухо ударилась о пол. Вырвать оружие. Рукояткой – по голове; тут миндальничать уже не приходится. К счастью, оружие было хорошо настроено – импульс прозвучал просто как приглушённое «пуф». Кромин прислушался; не слышно было, чтобы бежали на выручку. Ну и ладушки. Добить? Нет, лишнее. Связать? Вполне уместно. Но сначала осмотримся в помещении.

Он пробежал по комнатам с оружием на изготовку. В прихожей – пусто. В первой, что поменьше, – то же самое. Обстановка была как две капли воды похожа на то, что он видел вокруг себя, находясь в отведенных ему апартаментах. Вторая, та, что с экранами...

Здесь обнаружилась неожиданность. Это помещение было раза в два больше – за ним виднелось как бы начало второй такой же квартиры. Нет, не начало: ещё одна спальня, такая же, как та, в которой он проснулся совсем недавно. И человек лежал там на кровати. Некто в медицинской униформе. Быстрее к нему!

Кромин вовремя остановился, едва не врубившись выдвинутым вперёд стволом излучателя в экран. Что-то словно щёлкнуло в голове, и всё встало на свои места. Конечно же, то было не продолжение этого отсека, но всего лишь экран – такой же, как те, что красовались в его комнате. Только там сменяли друг друга пейзажи и городские виды, здесь же оставалось неподвижным изображение его комнаты с уложенным на постель и основательно связанным врачом. На втором же экране – том, что находился под прямым углом, – виднелось другое помещение, с письменным, наверное, столом и двумя другими, уставленными аппаратурой; гадать о её назначении не приходилось. «Наивный парень, – бегло подумал Кромин о враче, – решил, что ему позволят действовать бесконтрольно...» В середине этой комнаты, реальной, в которой он сейчас находился, напротив экрана, почти в середине помещения, стояло удобное кресло (у него такое тоже было, но он даже не успел им воспользоваться), и на сиденье его валялись здоровенные наушники, каждый из них был снабжён короткой антенной. Всё было, как и следовало ожидать, только оператор не сидел в кресле. Но его надо искать где-то рядом: не охранник же, в самом деле, занимался прослушиванием и просмотром, охранник и есть охранник...

В комнате на втором экране отворилась дверь, кто-то входил. Но смотреть дальше было некогда: где оператор – вот что сейчас самое важное.

Кромин насторожился. И кинулся назад, к выходу. Перепрыгнул через валявшегося стража. Выглянул. По коридору убежал наюгир – пригнувшись, виляя, словно боясь выстрела в спину. Кромин решил обойтись без кровопролития. Наюгиры – коротконогие, бегают медленно, а коридор оказался достаточно длинным, чтобы нагнать и подножкой свалить на пол, а потом поднять за шиворот. Оператор не сопротивлялся, только срывающимся тонким голосом

ком просил пощады. А никто и не собирался его убивать, мёртвый – кому он был бы нужен? Хотя и есть у него право быть убитым... Но вот есть ли у Кромина право убивать? Пусть живёт, живым он ещё послужит.

– Ходи ногами, – посоветовал Кромин оператору – на прекрасной наюгире, разумеется. И подтолкнул в спину – на случай, если тот от страха вообще ничего не понимает. Оператор подхватил полы длинной безрукавки и помчался назад даже быстрее, пожалуй, чем удирал оттуда. Пришлось припустить за ним бегом, хотя и не на полной скорости. А вернувшись в комнату с экранами – пихнуть в кресло, в котором ему и полагалось находиться. Оператор потянулся было и за наушниками, но вот в этом ему было отказано.

– Что ещё можно видеть отсюда?

Хорошо всё-таки, чёрт бы побрал, свободно владеть языком. Да здоровствует методика Наюгиры.

– Другой изолятор... где этот – второй.

Речь явно шла об Изольде.

– А, это, значит, изоляторы? И эта секция тоже?

– Нет, это – пост контроля.

– Что ещё здесь есть, кроме изоляторов и постов?

– Многое. Столовая, кладовые, секция связи, помещения охраны и персонала, центр наблюдения – очень многое.

– Охраны много?

– По-моему, человека четыре, может быть – пять.

– На такое здание?

– Они тут никогда не бывают нужны. Они есть только потому, что так велит древняя традиция.

– А что самое важное из всех этих служб?

– Не знаю... – И в ответ на угрожающий жест Кромина: – Наверное, это пост ректора. И ещё – учебный сектор, научный, сектор права, сектор ритуалов...

– Можешь показать?

– Только изоляторы. Остальное – не мой уровень разрешённого...

– Но ты можешь?

Оператор нерешительно кивнул, словно боясь подтвердить свои возможности вслух.

– Что в этом коридоре за стенами? Такой длинный – и всего три двери.

– Там – научный сектор.

– А где пост ректора?

– Самый верхний этаж.

– Коридор можно изолировать изнутри? Запереть?

– Не знаю... Нет, честное слово – не знаю, никогда не думал об этом.

– Ну и зря. Ладно, займёмся делом. Экран слева, когда я вошёл, что-то показывал. Сейчас – выключен. Кто выключил?

– Я управляю только правым. А по левому – к нам выходят начальники. Они могут нас просматривать в любое время, но экран включают только, когда хотят что-то нам сообщить или приказать.

– Они просматривают эту комнату?

– Этот пост, да.

– Кто?

– Командир связи, его помощник... Иногда, наверное, и сам ректор.

– Значит, сейчас они могут за нами следить?

– Конечно.

Кромин огляделся – чтобы ничего не увидеть.

– Где их камера? Не нахожу.

Оператор кивнул на экран:

– Там же, за стеклом – оно поляризовано.

– Можно его выключить совсем?

– Только с их поста.

– А питание?

– Вы же видите – экраны вмонтированы в стену. Шины питания – внутри, в панелях.

Разбить его вдребезги? Ни к чему: всё равно долго здесь оставаться нельзя.

– Отвечай быстро: за вторым изолятором ты тоже смотришь? Как там мой коллега?

– Нет... Мне не поручали. Только за вами.

Так, похоже, развитие идёт по худшему из возможных вариантов.

– Ну-ка, покажи мне... другой изолятор.

Оператор повиновался немедля. Постель со связанным врачом исчезла; вместо неё на правом экране появилась ещё одна такая же комната с экранами. Она была пуста.

– Просматривай все помещения там, одно за другим.

Пока – ничего. Малая комната – пусто. Прихожая – пусто. Дальше оператор замешкался.

– Ну? Давай в темпе!.. Просмотри туалетную.

– Но... так не принято, это неприлично...

– Сейчас я тебя поучу приличиям!

Больше оператор не спорил. Показал. Как и предполагал Кромин, пусто оказалось и там.

Оператор тихо перевёл дыхание – похоже, с облегчением.

– Ладно, хватит. Ты слышал что-нибудь о том, что собираются с ним делать?

– Что вы! – искренне удивился оператор. – Кто же станет говорить мне...

– Да не тебе. Но при тебе, может быть?

Оператор быстро задёргал локтями. Кромин почему-то сразу понял, что движения эти означают полное отрицание. Он поверил.

– Тогда показывай мне всё подряд: посты, залы, уголки, закоулки...

– Я не могу, доктор – у меня за это отберут знание! Я не хочу ничего такого...

– Ничего, ты молодой – успеешь заново выучиться. Давай!

Оператор на несколько секунд уставился на Кромину остановившимися глазами; они выражали ужас. Кромин не понял причины такого отчаяния, хотя разгадка была уже близко, настойчиво постукивала в виски. Но сейчас надо было не думать, но действовать.

– Ну?!

Но глаза оператора вдруг потухли, перестали выражать что-либо. Руки бессильно соскользнули с пульта. С губ слетело едва слышное:

– Лучше убейте меня прямо сейчас...

– Хлипок ты, брат, оказался, – с досадой проговорил Кромин. – Ладно. Освободи-ка место. Возьми тот стул. Поставь рядом. Садись. Показывай, как переключать. Всё по очереди, с самого начала.

Оператор действовал, как во сне, робот – и тот проявлял бы больше чувств. Подтащил стул поближе к креслу, сел; показал, как набирались несложные комбинации. Всё оказалось очень просто.

– А теперь сиди тихо, не дыши.

Похоже, парень понял приказание буквально, учащённое дыхание его перестало доноситься до слуха. Кромин даже покосился: не помирает ли? Нет, пока вроде жив...

Он набрал первую из комбинаций.

Наверное, тут обитали сторожа: в продолговатом помещении всего оказалось по пяти: коек, тумбочек, узких и высоких шкафов, пять гнёзд в оружейной пирамиде; только стол посреди комнаты был один на всех. В пирамиде виднелись три излучателя; и охранников тоже

было трое: двое спали, один сидел за столом, подперев голову кулаками, бездумно глядел куда-то в сторону – скорее всего смотрел на другом экране какую-то запись. Понятно: четвёртый – на посту внизу, у входа, последний же лежит тут, у входа – и, похоже, ещё не очнулся. Пять человек всего; даже когда начальство поймёт, что ситуация здесь, на этом посту, вышла из-под их контроля – вряд ли оно решится действовать такими вот силами. Наверняка вызовет откуда-нибудь подкрепление. Значит, какое-то время ещё есть. Использовать его получше – вот задача.

Второй просмотр. Пустой обширный зал. Мрачноватый, слабо освещённый. Посредине – что-то вроде постамента – на таких устанавливают на Терре гробы, когда прощаются с ушедшими. Здесь постамент был пуст. Вокруг него, на расстоянии метров трёх, стояли глубокие, удобные кресла. Людей – наюгиров, конечно, – не было. Кромин не стал даже спрашивать, что это за помещение. Ритуальное, скорее всего. Ему оно вряд ли понадобится.

Он включал одно помещение за другим; оператор, по-прежнему едва дыша, сидел с закрытыми глазами: не мог позволить себе смотреть на то, что ему видеть не полагалось. Хорошо их тут воспитали. Это что? Понятно: центр связи. Вот им, может быть, и придётся воспользоваться. Жаль – экран не подсказывает, как туда попасть.

– Эй, парень! Как туда пройти – знаешь?

Оператор – не открывая глаз:

– Я ничего больше не знаю. Ничего...

Спокойно этак выговорил, умиротворённо. Наверное, решил для себя, что жизнь уже кончилась, хотя дыхание ещё не пресеклось.

– А где узнать? Думай! Не то сделаю тебе больно...

Кажется, подействовало.

– Все данные – в помощнике, в памяти.

– Какой тут, к чёрту, помощник?

Но тут же сам сообразил: едва не подвёл чужой язык. Слова «компьютер» у наюгиров нет, есть – помощник.

– Где он?

– В первом расширении.

Расширение – значит, комната. И правда: пробегая, краем глаза заметил там в углу, на столе, что-то похожее.

– Ладно, потом покажешь. Поспи пока.

Только на шестом просмотре Кромин увидел, наконец, то, чего искал.

Нарисовался снова зал, но не такой просторный, как тот, что был с постаментом. И обстановка была совсем другой. Скорее походила на лабораторную. Длинные столы, на них – электроника, посуда; у стены, совсем как на Терре, – прозрачные шкафчики с инструментами. Не слесарными, понятно.

Кромин тихонько просвистел сквозь зубы мотивчик. Странно – не здешний (наверняка ведь здесь и свои песенки были), но привычный, земной.

То было помещение – медицинское – где происходил осмотр. Только людей в нём собралось, пожалуй, больше, чем в тот раз. На всех – докторские балахоны, но у многих под ними виднелись не врачебные комбинезоны, а те же узкие брюки, что и на Кромине были сейчас; похоже – официальная чиновничья униформа, принятая в этом мире.

Но не это было там главным.

Стояли там и те же кресла для пациентов, уже знакомые терранам – они походили не то на зубоврачебные, не то на те, что предназначаются исключительно для дам – хотя в деталях, конечно, далеко не совпадавшие. И в одном из этих устройств полусидел, полулежал безмятежно улыбающийся Изольд с неподвижными глазами, глядевшими прямо на Кромину с опе-

ратором. И столь же неподвижная, застывшая, словно вылепленная улыбка виднелась на его губах.

– Эй! – и Кромин помахал коллеге рукой. Но безрезультатно.

Пришлось вывести оператора из оцепенения, угостив крепким тычком – локтем в бок:

– Подъём, молодёжь. Нужна твоя консультация.

Оператор моргнул. Ответил хотя и не очень бодро, но по делу:

– Он вас не видит и не слышит.

– Он же прямо на меня смотрит!

– Он смотрит на экран – но видит там совсем другое.

– Что показывают в таких случаях? Только не говори, что не знаешь.

Парень ответил – не сразу, неохотно:

– Готовят к передаче знания.

– Ему?

– Нет – тогда они были бы в учебном секторе.

– Значит, от него?

– Да.

– Это опасно?

Оператор не ответил.

– Я спрашиваю: в этом есть опасность для него?

В ответ спрошенный пробормотал:

– Каждый имеет право быть убитым.

– Шевели языком – пока он у тебя есть. Это связано с методикой?

– Это и есть методика...

– Ты можешь объяснить подробнее?

– Нет. Нет!

– Почему?

– Мне страшно.

– Но я должен знать! Пока ещё можно что-то предотвратить.

– Это невозможно. Но если хотите... можно увидеть то, что ему там показывают.

– Родил наконец-то. Как?

Оператор протянул руку к пульту – медленно, словно преодолевая незримую преграду.

– Хотите двустороннюю связь? Или только слышать их?

– Сначала – посмотреть и послушать.

– Перехожу на третью камеру...

* * *

Экран, мигнув, загорелся снова. Но картинка была уже другой. Кресло теперь виднелось с тыла, от Изольда обозримой осталась лишь макушка, прочие присутствующие тоже были обращены к третьему объективу спинами. Зато экран был виден полностью.

Но на нём не было ничего страшного. Наоборот, очень радостно было смотреть на то, что экран показывал.

Там виднелась та же самая маленькая эстрада, что они заметили во время прогулки. На солнечной поляне. Почудилось даже – нет, конечно, только почудилось, – что повеяло тем ласковым, тёплым, душистым ветерком, какой овеял их тогда.

На эстраде стоял человек. Наюгир, конечно.

Или – не наюгир?

– Крупнее! – скомандовал Кромин. – Ну!

Оператор повиновался. Сработал трансфокатором камеры.

Да. Человек. Если совсем точно – профессор Горбик.

Почему-то он был не в тоге, которую на него напялили в карантине, и без нелепого цилиндра на голове, но в длинной – до земли – белоснежной мантии. На голове красовался веночек из каких-то ярко-желтых цветов.

Горбик улыбался и вежливо кланялся тем, кто окружал возвышение. Десятка два наюгиров – одни в безрукавках, другие – в таких же красных одеяниях, как Горбиково вчерашнее. Но кроме этих – взрослых – на лужайке были и дети. Они стояли группками, человек по семь-восемь, при каждой группе находились двое взрослых. И взрослые, и дети неотрывно смотрели на профессора. Потом паренёк, по земным меркам – лет двенадцати, выбежал из своей группы, подбежал, никем не остановленный, к самой эстраде, в следующую минуту взобрался по крутой лесенке. В руках мальчика была корзина с цветами – тяжёлая, судя по тому, как он тащил её.

Мальчик низко поклонился Горбику, и профессор ответил тем же. Потом мальчик заговорил.

(– Звук! – прошипел Кромин оператору. – Ну же!)

– Достославный и глубокоуважаемый профессор! Мы пришли поблагодарить тебя за то, что ты прилетел к нам издалека, чтобы передать нам твоё великолепное знание. Оно – единственное в нашем прекрасном мире и незаменимое...

«Ну прямо Цицерон! – подумал Кромин невольно. – Чешет и чешет без единой запинки, а ведь не простые предложения, сложные. Славно их тут обучают...»

– Мы обещаем тебе и клянёмся, – продолжал между тем юный наюгир, – что усвоим каждую крупицу твоего знания, а когда придёт наше время – так же, как ты сейчас, передадим его другим, тем, кто придёт после нас. И никогда не забудем, от кого мы получили это знание: от тебя! Твоё имя, выбитое на Колонне Славы, никогда не окажется забытым. Да гремит оно вечно!

Продекламировав всё это, мальчик с натугой поднял цветочную корзину. Горбик наклонился и перехватил её. И одновременно все собравшиеся подняли над головой букеты, которыми, оказывается, запаслись заблаговременно. Послышался одобрительный гул. Говорливый мальчик рысью сбежал по лесенке – и тотчас же, один за другим, на эстраду стали подниматься все остальные, и большие, и малые, каждый кланялся и клал свои цветы к ногам профессора, так что вскоре перед Горбиком возник целый холмик.

«Как на похоронах», – подумал Кромин.

На экране всё происходило быстро; лишь две-три минуты прошло, и наверху осталось лишь двое: Горбик – и ещё один, в котором Кромин без труда узнал ректора. Ректор взял Горбика под руку, они неторопливо спустились по лесенке; собравшиеся разделились, образовав живой коридор, по которому двое прошли под всё тот же одобрительный гул, пересекли лужайку и направились к зданию.

На этом запись кончилась.

– Переключи на старую, быстро!

Оператор не возражал, и сразу можно стало увидеть Изольда, как и вначале, в лицо.

Изольд улыбался.

– Ну, как вам это понравилось, доктор?

Спрашивал ректор.

– Это впечатляет, – ответил Изольд. – Трогательно. Я бы сказал даже – чудесно.

– Ну, вот видите!

– Но я ведь, собственно...

Он говорит свободно, непринуждённо, понял Кромин. Похоже, что не находится под давлением. Но к чему всё это вообще?

– Вы хотите сказать, доктор Изольд, что не находите в этом ничего страшного? У вас нет возражений? Вы сами готовы пройти через подобный ритуал?

– Не вижу причин для отказа. Но я хотел бы увидеть и продолжение: вы показали мне, как я понял, ритуал перед передачей знаний; а как происходит сама передача?

– Вы увидите и это; но не сразу. Мы ещё дадим вам время, чтобы все новые впечатления улеглись в вашем сознании; что же касается всех деталей – то, если не возражаете, мы передадим их вам по той же нашей методике.

– Я хотел бы, собственно, своими глазами увидеть весь процесс: начиная от добычи энюгара, затем – обработки, технологии применения; ведь именно такими были условия контракта?

«Чёрт, – подумал Кромин, – опять этот энюгар? Ах, Изольд, хитрейший муж...»

– Сейчас могу сказать вам лишь одно: всему своё время. Порядок ознакомления с нашей методикой проводится по давно и хорошо разработанной схеме; так что вам придётся ещё потерпеть. Что касается вашего коллеги, доктора Кромин, то с ним дело обстоит непросто: его ещё нужно найти. Потому что в помещении его нет. Возможно, он снова захотел прогуляться... Но мы найдём его в ближайшие несколько минут, и в дальнейшем вы с ним будете проходить все процедуры вместе.

* * *

– Всё ясно, – проговорил Кромин невесело. – Хорошо: выключай всю музыку. И быстро уходим.

– Куда? – спросил оператор нерешительно.

– Там видно будет. Обстановка покажет.

И Кромин повернулся к выходу, не забыв подхватить оружие.

Оператор окликнул его:

– Смотрите...

– Ну, что там ещё у тебя? – И Кромин оглянулся.

Левый экран засветился. На экране виднелся ректор. Теперь он был уже в своём кабинете – сидел за столом. Встретившись взглядом с Кроминым, осуждающе покачал головой:

– Это всё совершенно излишне, доктор Кромин. Хотя бы потому, что вам и вашему коллеге тут ничто не грозило и не грозит.

– А доктору Горбику? Кажется ведь, что и ему ничего не грозило?

– Видите ли...

– Ещё нет, – сказал Кромин. – Но хочу обязательно увидеть. Своими глазами. Так что извините – у меня нет времени на содержательную беседу. Потом как-нибудь...

Он отвернулся. Взял за плечо оператора, не перестававшего кланяться изображению ректора, и вытолкнул его в прихожую и дальше – в коридор.

– Доктор Кромин, послушайте... – донеслось до него из комнаты, где ярко светились оба экрана. – Вы неправильно воспринимаете увиденное вами...

– Да заткнись ты, – пробормотал Кромин. – Эй, парень! Загрузи мне план здания. Хочу понять, как отсюда выбраться.

Оператор без особой охоты сел за компьютер в малом расширении, как это тут называлось. Пробежал пальцами по клавиатуре. Схема возникла на дисплее.

– Молодец, – похвалил Кромин. – Теперь обозначь все выходы.

– На уровне поверхности?

– Есть и другие?

– Есть подземные. И ещё верхние – но для них нужен транспорт, на котором можно улететь.

– Заманчиво, но не годится. Куда ведут подземные?
– По-разному. Почему бы вам не воспользоваться выходами на поверхность?
– Время ушло. Не сказать, что напрасно, и тем не менее... Ближайшее воинское подразделение далеко отсюда?

– По воздуху добраться можно за пять минут.
– Считай, что они уже здесь. Так что с подземными?
– Есть несколько подземных постов – на разных расстояниях. Но ими не пользуются уже очень давно; они возникли, когда в мире было ещё беспокойно – пока всеобщая власть не утвердилась. Не знаю, есть ли там энергия, да и вообще выходы, может быть, давно выведены из строя.

– Ладно, пойду на риск. Обозначь путь – от нашей двери до места, где начинается ход... На каком расстоянии от дома самый ближний?

– Северо-западный? Метров триста...
– Не годится. А самый отдалённый?
– Южный. Три с лишним. Только – оттуда выход на равнину, не под крышу. – Некое предостережение прозвучало в голосе оператора, но Кромин предпочёл не замечать этого.

– Вот и славно, что не под крышей. И вообще – всегда любил южное направление. Показывай. Только задачу ставь с оговоркой: чтобы в обход мест, где можно встретиться с кем-нибудь.

– Вряд ли возможна полная гарантия...
– Найди самую надёжную из всех возможных.
Он внимательно изучил, запоминая, засветившуюся на экране богатую зигзагами кривую, перескакивавшую с этажа на этаж, из одного коридора в другой.

– Сторожевые посты по дороге есть? Хотя – ясно, до сих пор не было. Пошли.
– Но я не...

– Хочешь, чтобы я тебя бросил тут? Ты же не настолько любишь меня, чтобы скрыть, в каком направлении я удалился. Да не трясись ты: я не собираюсь перенимать твоё знание, так что жизнь твоя в безопасности – пока ты со мной. Всё. Побежали.

Чемоданчик с компьютером он не забыл прихватить с собой.

Около выхода Кромин нагнулся, оттаскивая вырубленного охранника так, чтобы он не мешал опустить дверь. Тот дышал равномерно. Всё в порядке.

Миг он помешкал: удлинить путь – вытащить Изольда, захватить с собой?

Но здравый смысл подсказывал, что у него самого очень немного шансов выбраться из всей этой передрыги живым. Слишком глубоко он, похоже, залез в некоторые подробности здешнего образа жизни – в те, которые Наюгира вряд ли захочет рекламировать в других мирах. Изольд же, может, и уцелеет: если они всерьёз хотят вести переговоры с Террой, то используют его – тем более что он-то знает ровно столько, сколько ему показывают. Нет, бежать надо, не пытаясь освободить его. Главная задача сейчас – всю собранную информацию перегнать Муллавайоху наверх. А уж дальше – как повезёт.

И Кромин побежал, левой рукой подталкивая оператора, правой – удерживая оружие на изготовку. Лёгкой была машинка, удобной, сподручной. Побежал не к лифтам: путь не лежал через них, а, согласно указаниям компьютера, по запасным, пожарным, служебным лестницам, через коридоры и проходы обслуживания, в одном месте даже – по вентиляционной трубе сквозь два этажа.

– Интересно, – пробормотал Кромин на бегу, – для чего же такие хитрые маршруты заложены в память? Не для меня же, это было бы слишком трогательно.

Оператор услышал, хотя это, собственно, не было вопросом к нему.

– Очень давно... Ещё до накрытия... Когда была опасность внутренних непорядков...

Он выгалкивал слова с трудом: бег по переходам и лестницам давался ему не так легко, как Кромину. Похоже, Наюгира давала своим операторам куда более слабую общую подготовку, чем Терра – людям, собирающимся усваивать чужие методики.

* * *

Хотя пришлось однажды всё-таки сделать привал, потому что оператор стал по-настоящему задыхаться и бежать больше не мог, до входа в нужный туннель они добрались без приключений. Остановились перед невысокой сводчатой дверью; Кромин постучал по ней костяшками пальцев, металл отозвался низким гулом. Он дёрнул за ручку, потом толкнул дверь – безрезультатно.

– Чёрт – заперто...

– Раскройте компьютер. Или лучше дайте – я. – Похоже, оператор на какое-то время стал и правда серьёзным союзником.

– А что – там указан код?

– Это ведь служебный аппарат; в нём есть всё, что относится к Зданию. В частном, понятно, не было бы, пришлось бы пробовать вероятности.

Не пришлось, к счастью: дверь исправно отворилась, едва нужная комбинация была найдена и задействована. Они вошли в подземелье.

– Только не забудь запереть дверь!

– Тут автоматика.

– А заблокировать можно? Чтобы открыть её стало затруднительно.

– Попробую.

Это заняло немного времени.

– Теперь – вперёд, не останавливаясь.

Оператор только порывисто вздохнул, снова пускаясь бежать.

Лампы в подземелье не горели, но потолок и стены покрывала светящаяся краска, так что можно было продвигаться, не рискуя налететь на препятствие – если оно тут вдруг окажется.

* * *

Кромин ожидал увидеть в конце туннеля просто площадку перед ведущей на поверхность лестницей, но оказалось не так: тут была целая квартирка из трёх помещений, в которой можно было расположиться не без удобства. Похоже, пост этот являлся частью чего-то, вроде укрепленного района – в те времена, когда такие районы были в этом мире необходимы. Сейчас на Наюгире вроде бы властвовал мир – несмотря на то, что... Ладно, подумаем над этим потом – если будет время. Главное – выйти на связь с Муллавайохом. Для этого придётся, хочешь не хочешь, выбираться на поверхность и оставаться там до тех пор, пока не получит сверху квитанцию. Но сначала осмотримся как следует здесь.

Кромин нажал выключатель. Без последствий.

– Света нет, – сообщил он оператору. Тот, присев на лежанку, старался привести в норму дыхание.

– Отключено, да.

– Откуда они узнали, что я здесь?

– Вряд ли они знают. Просто – этими постами давно не пользуются, я же говорил.

– Значит, и наблюдение тут не работает?

– Его тут никогда не было. В те времена, когда это устроили, телевидения ещё не существовало. Вы не обратили внимания: это не бетон, а кирпич и дикий камень.

– Да, в самом деле. Постой, а выход наверх можно будет открыть без тока?

- Если он только не завален. Попробуем... Доктор!
 - Ну, вот он я.
 - Когда вы отпустите меня?
 - Отпущу, сказано же.
 - Когда же?
 - Спроси чего полегче.
- Оператор вздохнул и больше вопросов не задавал.

* * *

Выход наверх удалось открыть без чрезмерных усилий. Просто с кряхтением подняли, толкая изнутри, массивную крышку, закрепили в вертикальном положении, пожмурились от яркого дневного света. Стоя на верхней ступеньке лестницы, Кромин огляделся.

– Да-а, – только и проговорил он. – Как на другой планете...

Ничего иного сказать было нельзя. Потому что здесь не росли развесистые деревья с ласковой тенью; твердая, как бетон, потрескавшаяся земля вряд ли могла бы вскормить хоть одну, самую ничтожную былинку. Лишь вдалеке, километрах в двух, виднелась зелёная заросль – скупое и резко очерченное безжизненным пространством. Над оазисом поднималось здание Базы – видны были его верхние этажи, и всё. Воздух здесь уже не радовал ароматом, не ласкал гортань, но скорее царапал её. Не было ни следа хоть какой-то жизни ни на поверхности, ни в воздухе; впрочем, нечто виднелось высоко над головой, но это не было птицей. И с первого взгляда становилось ясно: этим путём никуда не уйти. Под гневным солнцем Наюгиры, без пищи, без воды – да и будь она, много ли её запасёшь, если нести придётся на себе?

– И далеко тянется эта пустыня? – невольно спросил Кромин, хотя и сам уже всё понял.

Оператор ответил невесело:

– Так выглядят три четверти нашего мира. Наверное, увидеть это впервые и на самом деле страшно. Мы привыкли – за тысячи лет.

– До такого безобразия ваша цивилизация довела планету – со всеми вашими хвалёными методиками?

– Вовсе нет, – сказал оператор обиженно. – Когда-то она была такой вся – кроме узких полосок вдоль рек, но рек у нас мало. Вся история Наюгиры – это борьба за оживление её поверхности. Сейчас таких баз, как эта, уже много; но расширяются они медленно. Поэтому нам и нужна помощь других миров. Вот вашего, например.

– Но все почему-то отказываются сотрудничать с вами? Ничего удивительного; если только на Terre узнают о вас хотя бы то, что знаю я, то вряд ли найдётся хоть один человек, которому придёт в голову иметь с вами дело.

– Возможно, вы и правы, доктор Кромин, – если узнают только то, что знаете вы. Но вы успели узнать очень немного – а понять и того меньше. Вот если вы узнаете по-настоящему много о нас – тогда, я уверен, ваше мнение изменится и вы сможете показать нас так, как мы того заслуживаем. Впрочем, если даже вы не захотите... Благодаря визиту вашей делегации у нас уже есть некоторое количество наюгиров, владеющих терраной, а вскоре их будет ещё больше. Никогда не надо делать поспешных выводов, доктор Кромин; разве не этому учили вас, специалиста своего дела, на Terre? Я уверен, что и в вашем мире помимо мнений требуют ещё и доказательства, чтобы сделать вывод? Кстати, опустите оружие: оно здесь излишне. Думаю, что и вы сами поняли это.

Кромин медленно опустил оружие.

– Да, ректор, – ответил он. – Но у меня доказательств столько, что они убедят и самого нерешительного.

Он сказал «ректор», потому что именно этот наюгир только что поднялся к ним по лестнице, пройдя тем же путём, что и они сами. И сейчас стоял рядом – без охраны, без оружия, совершенно уверенный, видимо, в своей безопасности.

* * *

Порыв ветра налетел из пустыни, жаркий, шершавый и хлёткий. Ректор поморщился. Сказал:

– Спустимся: думаю, разговор наш затянется, а этот ветер коварен и приносит болезни.

– Согласен, – ответил Кромин. – Но мне нужно несколько минут, чтобы вызвать с орбиты катер. Здесь прекрасные условия для посадки.

Он произнёс эти слова спокойно, тоном человека, владеющего положением. Да и в самом деле: он был тут единственным вооружённым, и если даже ректор привёл с собой охрану, да хоть солдат – с той позиции, что занял сейчас Кромин, можно было мгновенно поразить всякого, кто появится на нижней ступеньке узкой лестницы. А следовательно, можно было диктовать условия, одновременно дав понять, что он здесь не одинок: есть ещё некто на орбите.

– Предлагаю изменить последовательность, – невозмутимо сказал ректор. – Прежде всего наш разговор – переговоры, если угодно. А потом уже вы поступите, как вам заблагорассудится: вызовете катер или не вызовете, улетите или останетесь, сообщите вашим соотечественникам тот вывод или другой, противоположный. Заметьте: я прошу вашего согласия, хотя мог бы сказать и по-иному: в наших силах – распылить ваш катер, едва он начнёт сходить с орбиты, и это весьма затруднит ваше положение. Я даю вам возможность вести переговоры на равных; если вам угодно выбрать другой вариант – сделайте одолжение!

Ага, вот, значит, какова ситуация.

– Хорошо. Я согласен спуститься. – Кромин оглядел местность: нигде – никого, так что ждать удара в спину во время спуска вроде бы не приходится. – Вы пойдёте за мной, отставая на десять ступеней. Ступайте громко, чтобы я слышал каждый ваш шаг. На последней ступеньке остановитесь – я скажу, когда можно будет войти.

– Вы хорошо обучены, доктор.

Кромин не счёл нужным ответить. Вместо этого перевёл оружие в режим полной мощности, огня на уничтожение. И не сошел, а скатился по лестнице, прыгая через три-четыре ступеньки сразу и приземляясь на носки – чтобы железо не очень гудело. Палец лежал на клавише огня, готовый вжать её до предела, едва кто-либо промелькнёт внизу. Если его хотели захватить обманом – сейчас для этого был самый удобный момент.

Но никто не появился. Кромин соскочил с последней ступеньки, пригнулся, выглянул из-за угла; в ближайшем помещении поста не было ни души. Стремительно ворвался в среднюю комнату, в проёме отработанным движением нырнул, встретил пол левой ладонью, правая рука с излучателем была вытянута вперёд; если по нему хотели хлестнуть встречным огнём – трассы прошли бы поверху, а перенести прицел противник уже не успел бы. Но и здесь не было никого. В третье помещение Кромин заглянул уже почти спокойно. Никто не ждал его и тут.

Это как будто бы должно было свидетельствовать о честных намерениях ректора. Но не очень-то в его честность верилось. Всё говорило в пользу другого варианта.

Кромин вернулся к лестнице. Оба наюгира послушно ожидали его на нижней ступеньке, как им и было велено. Не опуская оружия, Кромин хмуро проговорил:

– Входите. Садитесь рядом.

Сам он уселся напротив, у противоположной стены.

– Ну, что же вы хотите мне сказать? Что вы – цивилизация каннибалов? Людоедов? Но это я и сам уже понял. Что ещё?

* * *

Он ожидал, что ректор хотя бы опустит глаза. Ничего похожего; наюгир по-прежнему смотрел на него – спокойно и, кажется, чуть печально. Потом медленно кивнул:

– Да, нас можно назвать и так – хотя сегодня это будет уже неточно. – Он вздохнул. – Исторически – да, это так. Нам суждено было оказаться в мире с богатейшим минеральным царством – и крайне бедным растительным, а следовательно, и животным. В течение тысячелетий мы отвоёвывали у пустыни и оживляли один клочок за другим; но и сейчас большая часть планеты такова, какой вы её только что видели наверху. Нам нужна помощь со стороны, прежде всего – помощь продуктами питания, за которые мы можем хорошо заплатить теми ископаемыми, порой очень редкими, которых постоянно не хватает в большинстве цивилизованных миров. Но нам не хотят помогать. Мы как бы поставлены вне закона. Хотя давно уже не используем себе подобных в пищу. И хотя нет такого мира, который в своё время не прошел бы через эту стадию развития. Просто остальным удалось отказаться от этого раньше. . .

– Если бы вы отказались! – не вытерпел молчания Кромин. – Но ведь и сейчас!

– Нет, мы не едим друг друга, я уже сказал.

– Но вы убиваете себе подобных!

– А вы? Разве вы не воюете и не казните?

– Но это совсем другое!

– Почему же? Убийство есть убийство, а уж если говорить о мотивации, то наша, я уверен, даже благороднее.

– По-вашему, убить профессора Горбика было проявлением благородства?

– Это было вызвано необходимостью.

– По-вашему, жестокая традиция – это необходимость?

– Нет. Наоборот: необходимость – это традиция.

– Не совсем понимаю.

– Между тем, всё очень просто. Наши предки долгие годы жили, не развиваясь, способные только удержать себя от вымирания. Но умнейшим из них становилось всё более ясно, что эта борьба с природой окончится нашим исчезновением. Нужно было много знаний и умений для того, чтобы начать пусть и медленно, но всё же одолевать жестокую природу. Нужно было как можно быстрее распространять и знания, и умения среди наюгиров. Те же самые проблемы, собственно, в своё время стояли и у вас – но у вас они решались значительно легче.

– Почему же так?

– Потому, что мы не могли тратить целые годы на обучение. Двадцать лет жизни было у нас чуть ли не максимальным пределом. А ведь человеку мало получить знание – нужно успеть применить его, чтобы мир продвинулся ещё хоть на крошечный шаг вперёд. Мы должны были найти способ быстрой, почти мгновенной передачи больших объёмов знаний и навыков. И мы нашли его.

– Вы хотите сказать. . .

– Я хочу сказать, что наша находка не является чем-то новым для вас – как и для остальных живых миров. У вас это было найдено ещё во второй половине столетия, которое вы называете двадцатым, и получило название «Транспорта памяти». Не стану утомлять вас подробностями; скажу только, что у вас уже очень давно узнали, что если ввести необученному животному экстракт мозга другого, обученного, – просто сделать укол – то второе животное получает всё то, что хранилось в памяти первого, поскольку в мозгу всё это кодируется на молекулярном уровне. То же самое узнали и мы. Но вы остановились на уровне животных – во всяком случае, в официальной практике, потому что у вас уже куда раньше было налажено

обучение словом и показом. У вас было время, которое вы могли тратить на это, а у нас его не было – и мы сразу же пошли дальше. Перешли к людям.

– Но это же варварство! Жестокость!..

– Вы – очень богатый мир, как нельзя лучше пригодный для жизни. И потому у вас была возможность объявить главной ценностью вашей цивилизации – человека. Личность. О, вы далеко не всегда придерживались этого правила – но во всяком случае оно провозглашалось. А у нас главной ценностью всегда было – и сегодня остаётся – сохранение всей расы. Всех наюгиров. Вот почему каждый из нас со всеми нашими личными интересами – исчезающе малая величина по сравнению с миром, с нашим человечеством. Вот почему всё законодательство и всё воспитание у нас исходит из того, что наюгир рад, счастлив принести свои собственные интересы, самого себя в жертву ради блага всех. Мы обучаемся мгновенно; вы, кстати, тоже – не случайно ведь вы сразу же заговорили на наюгире. Такая методика применяется у нас более двухсот лет; и за это время мы стали жить вдвое дольше. Наше число умножилось. И надеемся на дальнейшие улучшения... Вы уже могли увидеть: наша сегодняшняя технология если в чём-то уступает вашей, то очень ненамного. А дальше...

– Но ведь если один убитый обучает одного живого...

– Кто вам сказал? Один преподаватель позволяет обучиться теперь уже двадцати наюгирам.

– Так что теперь террану у вас усвоило двадцать?

– Пока – да. Но не менее пятнадцати из них уже возведены в ранг преподавателей. И каждый из них...

– Да, да. Я понял. Скажите только: к чему вам такое количество владеющих терраной? Не думаете же вы, что Терра, узнав обо всём этом, захочет вести с вами дела? Что мой мир простит вам убийство профессора Горбика и доктора Изольда?

– Доктору Изольду ничего не грозит. Он уже начал заниматься тем делом, ради которого его сюда прислали: технологией добычи и транспортировки эногара – того самого вещества, которое вы так и не смогли синтезировать у себя дома и который вам так нужен; у нас же он – естественный, и залежи его велики.

– Доктор Изольд?..

– Что, вы даже не знали, что он прислан сюда именно с этим заданием? Удивительно. А впрочем – он ведь тоже не знал о вашей миссии. Вы разведчик, если не ошибаюсь.

– Да чёрт с ним... Но Горбика-то вы убили! От этого вам не отвертеться!

– Дорогой доктор, – в голосе ректора прозвучало едва ли не сожаление. – В вашей профессии такая наивность непростительна.

– Хотите сказать, что и Горбик жив? В таком случае – органы какого же человека изучали ваши врачи?

– Его, его. Нет, его нет более в живых, к моему глубокому сожалению. Но неужели вы думаете, что мы предварительно не получили на это согласия тех, кто послал вас сюда?

– Вы хотите сказать, что Терра знала...

– Именно это. Я ведь не напрасно сказал вам: и у вас человек и сегодня приносится в жертву интересам всего мира; просто у вас не хватает смелости или честности сказать об этом прямо. Так, как это делаем мы. Хотите спросить ещё о чём-нибудь?

– Идите к дьяволу, – устало сказал Кромин.

– Есть у вас какие-либо другие пожелания?

– Есть, – кивнул Кромин. – Я хочу домой.

– С нашей стороны нет никаких препятствий этому. Кстати: когда за вами прилетят, обратите внимание: это будет не катер, а капсула, рассчитанная лишь на одного пассажира. Чтобы не тратить лишней энергии.

– Ясно... – пробормотал Кромин. – Могу я сейчас переговорить с кораблём?

– Безусловно. Но если вы хотите вызвать с борта транспорт, то мы уже позаботились об этом. Капсула сядет примерно через полчаса.

– Больше вопросов нет, – сказал Кромин. Он поставил оружие на предохранитель и швырнул его в угол. Наюгиры не сделали попытки подобрать его.

* * *

– Как самочувствие? – спросил Кромина Муллавайох в салоне «Лилии Простора», экспедиционного корабля с Терры.

– Такое, что охота напиться. Это возможно?

– Для тебя – вполне. До Терры успеешь и опохмелиться, и выспаться. Но туда ты должен прибыть в лучшей форме: ученики уже ждут тебя.

– Какие, к чёрту, ученики?

– Те, которым ты будешь преподавать наюгиру. Нам нужно много людей, владеющих этим языком. Надо полагать, тут начнётся та ещё торговля, и такие люди будут нарасхват.

– Надеюсь, что меня не заставят передавать им знания по наюгирской методике?

Муллавайох помолчал прежде, чем ответить:

– Надо полагать. Но всё-таки пари на это я заключать не стану. Ты ведь знаешь: у нас на Терре любят перенимать опыт.

– Хочешь сказать, что мы такие же сволочи, как и эти?

– Почему сволочи? Просто прагматики. Жить-то надо?

И Муллавайох, отвернувшись к экранам, стал мурлыкать себе под нос весёлую песенку, выводя корабль на обратный курс.

Триада куранта

1

В комнату вошла пара башмаков.

Нет, не то слово. Пара модных элегантных туфель с закрученными штопором носками и семигранными каблуками. Туфли ступали легко, слегка даже пританцовывая, хотя несли на себе пару толстых ног. На них в свою очередь держалось весьма массивное тело, обладавшее полным набором рук (две) и головой, чьи волосы остались где-то в незабвенном прошлом. Голова была укомплектована парой глаз, чей взгляд не назвать было иначе, как нахальным, а также губами; последние в данный момент активно шевелились, заставляя воздух вибрировать так, чтобы возникали более или менее различимые слова:

– Эй, если ты ещё жив – докажи это по возможности побыстрее. Представь, что на улице раздают деньги, и они вот-вот кончатся. И занимаются этим самые красивые девушки города!

Вместо ответа Ястреб снова закрыл глаза, надеясь, вероятно, что явившийся перед ним призрак Листвена, не получив на свой призыв никакого отклика, незамедлительно рассеется в воздухе.

Упование оказалось тщетным. Как обычно бывало в таких случаях, когда коллега Листвен врывался ни свет ни заря, пользуясь привычкой Ястреба не запирается на ключ. Похоже, что гость каждый раз надеялся застать сослуживца в постели с дамой, чтобы наконец разрушить миф об абсолютной его, Ястреба, неприступности. Так что туфли чётким перестуком обозначили свой путь, остановились рядом с диваном, и в следующий за этим миг одеяло взлетело в воздух, чтобы приземлиться где-то у противоположной стены.

Это действие вызвало у атакованного острое чувство незащищённости, заставившее Ястреба испустить жалобный стон:

– Толстый, дай человеку выспаться! Я только в четыре вернулся! Ну, ради всего святого! Должна же быть в твоей жирной душе хоть какая-то гуманность...

– Она-то мною и движет, – объяснил Листвен, ухватив Ястреба за плечи и таким образом приведя его, хотя и не без усилий, в сидячее положение. – Беспробудный сон сотрёт в тебе последние признаки людского, останется одно лишь птичье. Поставить тебя на ноги? Или отнести в ванную и окунуть? Воду я уже напустил. Ледяную. Брр!

– Слушай: ну неужели...

Листвен не дал Ястребу продолжить, сказав лишь три фразы – с которых, собственно, и следовало начать: их бы вполне хватило.

– Младой ждёт. По тревоге. В конторе – полный раздрай.

– А будьте вы все прокляты, – искренне пожелал Ястреб, окончательно просыпаясь. – И пусть боги нашлют на вас, самое малое, бессонницу, и пусть покарают тебя лично отсутствием аппетита...

Листвен удовлетворённо ухмыльнулся, однако на всякий случай отошёл подальше и занял выжидательную позицию у двери.

2

В конторе «Прозрачного мира», частного сыскного агентства с достаточно высокой репутацией, и в самом деле физиономии у всех, находившихся там, когда пробуждённый возник на пороге, были кислее квашеной капусты.

– Чего это вы так? – поинтересовался Ястреб. – Может, все перешли на лимонную диету? Или закрывают наконец наш приют для бездельников? Нет, неправдоподобно: это означало бы, что среди начальства появился хоть один умный человек, а такого не может быть по определению.

– Сейчас это меня даже обрадовало бы, – и Младой, директор и главный акционер, горестно всплеснул руками, словно собираясь вцепиться в остатки седых волос на своей голове. Одновременно он сделал жалкую попытку усмехнуться, но у него это не очень получилось. Руки медленно опустились, так и не произведя никакого действия.

– Тогда и подавно незачем было отрывать меня от приятного времяпрепровождения.

– Он что – не один был в постели, что ли? – обратился Младой к Листвену.

– Если только она из невидимок, – пожал плечами тот. – Может, он её видел во сне?

– Я тебе сочувствую, – сказал Младой уже Ястребу, постукивая ногтями по столешнице в такт словам. – Больше того, жалею. Но помочь не могу совершенно никак. Ну совершенно.

– Пожалел волк кобылу, – пробормотал Ястреб.

Вероятно, он ещё не пришёл в себя как следует: в разговоре с Младым подобные реплики не сходили с рук, директор требовал полного к себе уважения. Но на сей раз ограничился лишь не очень сердитым:

– Ну, ну, не забывайся. Да ты ведь и не кобыла, а ястреб, разве напрасно тебя так прозвали? «Жеребец» – тебе больше нравится?

– Похоже, что и то и другое не по адресу, – процедил Ястреб хмуро, но уже не столь обиженным тоном. – Поскольку со мной обращаются скорее как с цыплёнком. Я ведь работал Триглазо. Двое суток не спал ни минуты. Ещё какую-нибудь пару часов – и я проснулся бы в лучшей форме и ещё до вечера его закогтил бы. А если вы станете меня отрывать – как бы не пришлось начинать всё сначала: его к вечеру наверняка и след простынет. А я его неделю пас...

– Кого? – произнес Младой с мягкой укоризной в голосе. – Кого, я спрашиваю? Триглазо? Кто таков Триглазый? Тришка. Мелочь пузатая. Не много ли для него чести, чтобы его Ястреб когтил? Не бойся: никуда он не денется. Его перенял Виталич и возьмёт сразу же, как только Тришка выведет на деньги. То была, как говорится в народе, службишка, не служба. От безделья рукоделье.

Младой любил цитировать старинных авторов вперемежку с поговорками.

– Какая же будет служба? – не удержался от вопроса Ястреб. Хотя и старался не проявлять явного интереса.

– Служба будет – Смоляр.

Ястреб только присвистнул сквозь зубы. Подошёл к своему столу, выдвинул все ящики и стал неторопливо выкладывать их содержимое на плоскость. Глаза всех присутствующих провожали каждое его движение.

– Ты что это задумал, а? – после паузы поинтересовался Младой. – Вроде бы до Дня наведения порядка ещё далеко?

– Если хочешь меня уволить, – ответил Ястреб спокойно, – то так и скажи. Без литературных фигур. А то – «Смоляр»!.. Остряк ты!

– Да ты что! Кто тебя...

– Нет, это вы – что, заболели? Случай массового помешательства? Но я тут ни при чём: у меня здоровье в порядке. Разве что хронический недосып – но без этого на такой собачьей

работе не бывает. Сам удивляюсь – как это до сих пор не нажил нервного истощения или чего похуже.

– Уймись, – посоветовал Младой. – Если кто и спятил, то не мы. Ты способен спокойно воспринимать информацию? Тогда слушай. Час тому назад позвонил сам Президент...

– Президент чего? – перебил Ястреб. – Фонда помощи слаборазвитым детям? Или Общества передвижных цирков?

– Президент страны, идиот!

– Ну, я бы не судил его так строго...

– Ты перестанешь паясничать?! Повторяю медленно, чтобы ты усвоил: звонил Президент страны. И просил заняться этим делом. Просил со слезами на глазах. Усекаешь? Нас! Со слезами!

– Ничего себе уха, – проговорил Ястреб, помолчав. – Слезы – это понятно, коли уж больше не к кому обратиться, как к нам. Но если возникло дело Смоляра... Значит, и вправду стало жарко.

– Да, – сказал Младой. – Вот именно. Разжевал, наконец?

– А может, – проговорил Ястреб задумчиво, – мне лучше всё-таки сразу подать в отставку? Не теряя времени?

– Ты что, – едва ли не испуганно пробормотал Младой. – И в самом деле не выспался? Я с тобой серьёзно разговариваю...

– А что, разве нет у нас поговорки: «Послать на Смоляра»? Когда приходит пора от кого-то избавиться? Задание-то на засыпку.

– Нет, – сказал Младой и даже руку приложил к сердцу в знак полной искренности. – Совсем даже наоборот. Если кто-то и может взять его вместе с доказательной базой, то только ты. Поверь: мы тут долго перебирали, каждого подсада разобрали по косточкам. Ты – и никто больше.

– А надо ли? – Похоже, Ястребу очень не хотелось браться за предложенную задачу. – Сказал бы ты президенту, дал бы благой совет: не тронь, мол, его – и оно вонять не будет. Смоляр вроде бы сидит тихо, никого давно уже не доводит до головной боли... Зачем же будить спящую собаку?

– Да довёл уже до зубной и сердечной вместе, – пробормотал Младой хмуро. – Ты успокойся немного, подумай о чём-нибудь нейтральном, по возможности приятном: о женщинах хотя бы. А потом я тебя введу в курс дела со всеми подробностями. Выпьешь чего-нибудь?

– Синильной кислоты с тоником, – ответил Ястреб, пытаясь и в самом деле успокоиться. – И советуешь ты, скажу тебе, ерунду. Женщины! Это, по-твоему, успокаивает? Старейшь, начальник? Да и где они? И где – время на них?

Времени Ястребу и в самом деле всегда не хватало – или, во всяком случае, так ему казалось. Вот почему вместо того, чтобы думать о приятном, Ястреб принялся вспоминать всё, что было известно о Смоляре – ему, да и всем его коллегам по работе в «Прозрачном мире» – и не только в нём, но и во всех вообще Службах охраны порядка Галаксии, великой Федерации.

3

В «Прозрачном мире», как и в любой другой службе такого рода, Смоляр уже много лет был притчей во языцех. О нём знали, кажется, всё – и никогда ничего не могли доказать. Ему приписывалась разработка и организация самых крупных преступных операций за последнюю четверть века; но ни по одному из дел не было найдено ни намёка на соучастников и ни единого свидетеля. Сам Смоляр уверял, что все слухи о нем распускаются завистниками, не прощающими успеха и несомненной популярности: Смоляр недаром считался символом всего на свете, от секса до богатства и власти.

Службы были уверены в его виновности во многих и многих крутых делах хотя бы потому, что методом исключения каждый раз отсеивались все другие подозреваемые – им выполнение проектов такого масштаба было бы просто не по силам. Например, мгновенное – за неделю – разорение могучего «Треста-92», владевшего тремя четвертями добываемых в Галактике уранидов. Акции Треста обрушились после того, как все средства информации опубликовали сверхдостоверные сообщения о катастрофах с трагическим исходом на самых продуктивных разработках. Скотившиеся ниже номинала ценные бумаги были мгновенно скуплены «Галактинвестом», о котором буквально все знали, что принадлежит он Смоляру, во всяком случае – контрольный пакет, хотя юридически это и было недоказуемо: формально этот пятьдесят один процент был разбросан по двум дюжинам провинциальных компаний и банков, ураном никогда не занимавшихся. Как только акции скупили, начали приходить опровержения: никаких катастроф не было и в помине, люди, якобы погибшие, свидетельствовали о полном своём здравии, было подано даже несколько исков к информаторам – о возмещении за причинённый моральный ущерб. Происшедшее, впрочем, квалифицировали просто как злостное хулиганство. Найденный после непростых поисков мелкий репортёр – автор первого сообщения – получил в суде условный приговор за выданную им злостную дезинформацию, приведшую к ухудшению экономической обстановки. Иски же за моральный ущерб судом приняты не были: выступавший по делу адвокат ответчика убедил суд в том, что криминальная информация была, напротив, полезной для каждого истца, поскольку, как известно, если слух о смерти человека оказался ложным, то это гарантирует ему долгий век. В качестве свидетелей выступили люди весьма уважаемого возраста, которым в давние времена тоже приходилось переживать подобное. Зато сочинитель ложного сообщения (впрочем, был ли он автором – так и осталось неясным) был изгнан из журналистики. Однако от позора не застрелился и даже не уехал куда-нибудь подальше, как ожидали некоторые, а приобрёл издательскую фирму и преуспел. Да, все прочие авторитеты третьей власти (какой, рядом с властями государственной и общественной, издавна была власть теневая, правонарушительская) находились, по сравнению с супертяжем Смоляром, в категории – в лучшем случае – пера или мухи.

Что же касается того множества мелких держателей акций «Галактинвеста» – тех, кто разом, словно по команде, бросились скупать – по цене чистой бумаги – ценности «Треста-92» именно тогда, когда падение их дошло до низшей точки, то с ними, разумеется, тоже была проведена работа. Ответы оказались самыми разнообразными: одного надоумил сосед, другого – гадалщик, третий увидел во сне, что надо покупать, четвёртый – потому, что хотелось куда-то вложить небольшие деньги, оказавшиеся свободными, и он взял то, что было в тот миг самым дешёвым, пятый – руководствовался собственным опытом, достаточно богатым, – ну, и так далее. На второй же вопрос – не собираются ли новые владельцы продать эти бумаги теперь, когда они снова котируются очень высоко, ответы были удручающе однообразными: никто не собирался, все рассчитывали на прекрасные дивиденды. И, наконец, на прямой вопрос: знакомы ли они с человеком по имени Смоляр? – лишь один из трёх десятков припомнил, что – да, когда он был ещё ребёнком, то в их местах был старик с такой фамилией. Чем он занимался?

Да вывозил мусор – а чем ещё, по-вашему, мог заниматься человек с такой фамилией? Словом, полный провал; подозрения остались, но дела так и не возбудили из-за полного отсутствия доказательств. Вряд ли нужно говорить, что прямых улик, таких, как орудия преступления, следы ног, отпечатки пальцев и прочая романтика – в такой хитроумной операции искать не приходилось.

Это – вовсе не самое интересное из приписываемых Смоляру дел, и о нём здесь рассказано только потому, что этот файл с материалами оказался первым в достаточно длинном списке подобных же.

Неудивительно поэтому, что неприступный Смоляр всеми давно уже был признан Императором Братства, то есть живым символом третьей власти, и чуть ли не ногой открывал дверь даже и в президентский кабинет, не говоря уже о прочих, рангом пониже. Почему его впускали – несмотря на то, что общественное положение его, во всяком случае формально, было весьма неопределённым? Да просто потому, что – пусть и неофициально – у него был статус Очень Богатого Человека. Следовательно – Сверхважного Лица. Такой титул, как правило, снимает вопросы о том, каким путём это богатство возникло; важно лишь – что оно реально существует. И человек, им обладающий, уже не нуждается в какой-то формальной власти, поскольку принадлежит к Супервласти, которой так или иначе подчиняются все нумерованные. Так что вряд ли стоит удивляться и тому, что Смоляр свободно (хотя и соблюдая все полагающиеся по протоколу знаки почтения) входил даже и в обитель самого Омниарха. И – по странному совпадению – возникал там именно в те часы и минуты, когда совершалось очередное ограбление, ликвидация конкурента, банкротство мешающей фирмы, похищение бесценного полотна или слишком уж рьяного розыскника – выбирать можно по вкусу.

Иными словами, Смоляр находился на виду у всего мира – поскольку ни один визит его на самые верха не проходил, естественно, мимо внимания средств информации. Так что подозреваемому не приходилось доказывать своё алиби, и не было ни малейшего основания даже пригласить его для допроса.

Почему же вообще подозревали именно его?

Скорее всего, по одной-единственной и не очень обычной причине. Дело в том, что на месте каждого преступления, где никогда не оставалось следов, неизменно обнаруживали золотую пластинку формата визитной карточки, на которой столь же неукоснительно оказывались выгравированы изящным почерком старинного стиля (где толстые нажимные линии плавно переходили в тончайшие волосные) следующие слова, всегда одни и те же:

*С сердечным приветом всегда ваш – Смоляр,
Император и Владелец Мира
И всех его окрестностей.*

Этот краткий, но выразительный и не очень скромный текст завершался подписью, которая являлась факсимильным автографом той, что украшала великое множество финансовых, общественных и личных документов. На обороте же пластинки постоянно находилась запись древней песенки «Гоп со смыком» в исполнении, как уверяли аналитики, лично Императора Всех Братков (как иногда не без ехидства называли Смоляра законопослушные граждане в узкой компании, впрочем, чтобы не дай Бог не обидеть сильного человека).

Конечно же, представители правоохранительных служб после обнаружения каждой новой пластинки с песенкой и автографом вежливо просили Смоляра дать объяснения этому факту. Нет, это был ни в коем случае не допрос, а просьба; у обоих этих слов корень один и тот же, но смысл весьма различен. И Император ни разу не отказывал, но объяснения его отличались друг от друга не более, чем одна пластинка от другой. Он со скукой, едва не зевая откровенно в лицо визитёрам, растолковывал:

– Как вы знаете, число недоброжелателей у каждого человека возрастает пропорционально кубу его жизненного уровня, а значит, определить количество моих врагов не под силу даже компьютерному центру, поскольку мой уровень во всех отношениях может быть обозначен лишь математическим символом бесконечности, не так ли? Додумать можете и сами.

– То есть вы утверждаете...

– Утверждать и подтверждать, вообще доказывать – это ваше ремесло, не моё. Я лишь официально заявляю: действие совершено моими врагами, и скорее всего вовсе не из наших кругов – хотя и среди нас, наверное, есть завистники, но они не осмелились бы. А изготовить такую пластинку, скопировать подпись и голос сегодня может любой школьник, не выходя из дому.

– Да, мы понимаем, разумеется; но всё же...

– Работайте, господа; если раздобудете какую-то информацию – убедительно прошу сообщить мне. Если понадобится какая-то помощь с моей стороны – готов оказать её в любой миг.

На этом разговоры заканчивались – без всякой пользы для следствия. В самих же органах всякий раз возобновлялись споры и воскресали старые противоречия:

– Да конечно же, это не он: с какой стати привлекать к себе внимание снова и снова? Известности ему не хватает? Да он и так – самый известный человек в обеих Галактиках!

– В этом-то всё и дело! – возражали оппоненты. – Человек всем может нажраться до тошноты; но уж если есть в нём потребность славы и власти – этого никогда не будет достаточно. Он в Галаксии, надо думать, самый сильный, богатый, значительный; однако – не единственный! Не в одном, так в чем-то другом кого-то можно поставить рядом с ним: Президента Федерации, например, или президента ВКТ – Всеобщей космотранспортной, или... А ему может хотеться, чтобы рядом никого не было! Чтобы и близко ни одним не пахло! Ради такого человек пойдёт на что угодно. А что он сам об этом звонит – приучает нас к тому, что всё в его власти, а наши попытки противодействия – детская возня в песочке, не более. И когда он объявит себя главным во вселенной – никто даже не удивится особенно: мы ведь на самом деле к этой мысли уже наполовину привыкли. Осталась вторая половина – и вот её-то он понемногу и прибирает к рукам...

Такие разговоры велись даже и очень ответственными лицами во всех без исключения Службах – и в «Прозрачном мире» в том числе. Именно об этом размышлял Ястреб – и весь остаток дня в конторе, и вечером, уже в сумерках, когда направился в своё жилище, где так и остался неубранным диван, на котором ему нынче утром не позволили доспать. Зато сейчас (надеялся он) даже мысли о Смоляре не помешают ему возместить потерянное на рассвете по милости Листвена, Младого и самого Смоляра. Президента Галаксии Ястреб, пораздумав, решил ни в чём не обвинять: конечно, знай Глава Федерации о том, что розыскник сладко спит, он строго-настрога запретил бы будить его. Потому что каждый человек имеет право на сон.

А может, и не запретил бы. С этими политиками никогда не знаешь, что в следующий миг придёт им в голову.

4

До своего жилья, которое вполне заслуживало определения, данного ему однажды женщиной, чье имя история для нас не сохранила («Типичная берлога неприкаянного мужика»), Ястреб добрался, в общем, без приключений – если только не считать встречи, не приведшей, правда, ни к каким последствиям, но несколько испортившей ему настроение.

Он уже приближался к дому, размашисто шагая безлюдной и скверно освещённой улицей и мечтая об ожидавшем его гостеприимном диване, когда впереди смутно обозначились фигуры двух людей, неторопливо, прогулочным шагом двигавшихся ему навстречу. Сонливость тут же профессионально исчезла. Ведь встречные могли оказаться случайными прохожими, и скорее всего так оно и будет, но не исключалось и другое развитие событий, к которому следовало быть готовым. Ястреб отлично знал, что на свете вообще – и в этом городе в частности – могло и должно было находиться, и в самом деле находилось несколько десятков человек, никак не желавших ему добра, а среди этих десятков – самое малое полдюжины таких, кто с удовольствием эти желания осуществил бы – подвернись только удобный случай. Как раз таким случаем и могла оказаться нынешняя прогулка. Не замедляя шага, Ястреб приготовился к противодействиям, какие могли понадобиться, если встречные, приблизившись...

Однако по мере сближения напряжение его всё более ослабевало. И не только потому, что один из прохожих оказался женщиной – что уже издали было понятно по походке и очертаниям фигуры. Звонкий женский смех, разнесшийся по дремлющей улице, хотя и мог оказаться лишь средством отвлечения внимания, на самом деле успокоил Ястреба почти совершенно. Люди смеются по-разному, когда беззаботны – совсем не так, как при напряжении перед опасным действием. Главной причиной возникшего спокойствия была его интуиция – свойство, которое Ястреб уже не раз мысленно награждал орденами за вовремя данный совет, помогавший спастись, когда шансов на это почти не оставалось, или выиграть схватку в миг, когда противник собирался запеть победную песнь. Интуиция каким-то своим способом определила: нет, эти двое коротко замкнуты друг на друга, они не по твою душу, они тебя даже не замечают, ты для них просто не существуешь – хотя разделяет вас всего лишь несколько шагов. Так что и ты сам можешь вести себя таким же образом: не замечай парочку, чтобы не нарушить их одиночества, которым они наслаждаются сейчас.

Ястреб почти так и поступил; «почти» – потому, что профессиональный инстинкт все-таки заставил его, поравнявшись и вежливо посторонившись, чтобы не стеснить встречных на узком тротуаре, все же скользнуть взглядом по лицу женщины, сразу же – ее спутника, и вот они оказались уже за спиной. Ястреб мгновенно повернулся и, не ломая ритма, сделал несколько шагов, пятясь; то был привычный приём, чтобы предупредить возможное нападение сзади. Но разминувшиеся с ним люди продолжали идти своей дорогой – и только женщина на мгновение обернулась, глянула на него через плечо, он успел зафиксировать её слегка приподнявшиеся, словно в удивлении, брови.

«Стой. Где-то эти глаза мне уже встречались. Только где и когда? Вот память стала – как решето. Ну-ка, милая, оглянись ещё разок – чего тебе стоит?»

Но никакого продолжения не последовало, парочка удалялась, и ещё через несколько шагов Ястреб тоже повернулся, не прекращая движения, и дальше шагал уже нормально, выдерживая темп до самого крыльца.

Лениво поворачиваясь под душем, он проиграл в памяти этот эпизодик – просто так, по привычке, ничего интересного ведь в нём не было. Или всё же?

Знакомые глаза? Да, в тот миг так показалось. Но сейчас уже возникли сомнения. При таком освещении... А может быть, пресловутое *deja vu*?

Женщина обладала по меньшей мере двумя достоинствами: молодостью и красотой. Хотя в этом не усматривалось ни опасности, ни даже враждебного замысла.

Но, безусловно, такая случайная встреча может нарушить твою настроенность на решение профессиональной задачи. Способствует появлению некоей зависти: почему это не я рядом с нею, а какой-то неприятный тип – за какие такие заслуги ему это дано? А за этим может последовать жалость к самому себе: а ты вот уже сколько времени один, и не видно даже никого, с кем хотелось бы встретиться более одного раза – никого, кто сказал хотя бы: «Милый, и как ты можешь существовать в таком ералаше, или, если точнее, бардаке?» Подобные эмоции расслабляют и влияют на качество работы. Мешают спокойно и аналитически мыслить. И тем не менее – никто не станет всерьёз предполагать, что подобные встречи организуются именно с целью повлиять на ясность мышления известного розысника. Куда проще – пристукнуть его. Если он, конечно, позволит.

Нет, с девушкой всё в порядке. А вот в отношении её спутника у Ястреба такой уверенности вовсе не было. Скорее наоборот: возникла какая-то более глубокая заноза. И она-то грозила отвлечь от нужных деловых рассуждений куда больше, чем милое личико в уличной полумгле.

Ястреб не очень чётко разглядел лицо мужчины: слишком мало было и времени и, главное, света. Но тем не менее откуда-то из подсознания выплыла уверенность: этого человека Ястреб видел раньше. Встречал. И не раз. Хотя со спины он выглядел совершенно незнакомым (узнавание при взгляде в спину уходящему было полезной способностью Ястреба; спины он различал так же отчётливо, как лица). Зато лицо определённо было видно и раньше.

А вот где и когда – совершенно не пропечатывалось. Не приходило на память никакой конкретной обстановки. Времени. Содержания встреч. Получалась бессмыслица: встречал часто – но как бы нигде и никогда.

Это и было занозой.

И действительно, помешало ему перед сном спокойно и неспешно поразмышлять о предстоящих делах. Что основательно испортило Ястребу настроение.

Однако желания уснуть всё же не подавило. Слишком уж хотелось выспаться – и всё меньше оставалось для этого времени. А день предстоял напряжённый. Всё-таки с Президентом Федерации Галаксии встречаешься не каждый день. И не каждый год. И не каждую жизнь.

Ранним утром Ястреб проснулся посвежевшим – за несколько минут до будильника. После гимнастики и душа занялся бритьём: сегодня следовало выглядеть наилучшим образом.

Бритьё требует от человека максимальной концентрации. И, возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что, орудуя ласково жужжащей бритвой, ему удалось проклятую щепку – занозу – если и не совсем вытащить, то хотя бы ухватить ногтями. И без особого напряжения. Вчера вечером он слишком устал просто, и в сон клонило – иначе уже тогда ему всё стало бы ясно не хуже, чем сейчас. Ясно – но совершенно невероятно.

И это ещё больше озадачило.

М-да. Забавно, забавно... Придётся разбираться и с этим.

Хотя и не в первую очередь.

Впрочем, всё это не помешало Ястребу вовремя выйти из дому и без осложнений добраться до «Прозрачного Мира». Никто за ним не охотился. Наверное, не прознали ещё, что он вернулся.

Прекрасное утро – когда тебя не будят ни свет ни заря.

5

– Ну ладно, – сказал Ястреб начальнику, когда разговор на вчерашнюю тему продолжился: надо было выработать единую линию поведения, когда не кто-нибудь, а сам Президент будет задавать вопросы и высказывать пожелания. Главное тут – не зарваться, не наобещать сгоряча чего-нибудь такого, что вообще выполнить невозможно. Пытаясь отделить возможное от желаемого, Ястреб спросил:

– Ну ладно, но в конце концов, есть же оперативная работа! Смоляр существует не в космической пустоте, он не отшельник, его окружают люди – и помощники, и сотрудники, и, в конце концов, наверняка же имеются и женщины!

Быть может, именно некстати возникшее воспоминание о ночной встрече с девушкой и заставило его обратиться к этому предположению.

– Женщины, – повторил Ястреб с такой интонацией, что слово это воспринималось, как напечатанное жирным шрифтом. – Разве не были они всегда лучшими информаторами? Даже если Смоляр не допускает их к своим делам. Но ведь самая крутая компра идёт, как правило, из личной жизни. А нам главное сейчас – зацепиться хоть за что-нибудь. Уверен, что Смоляру не нужна дурная огласка чего угодно, что не сочетается с образом безупречного правителя, каким он собирается стать. И если возникнет такая угроза – он может занервничать.

Младой печально усмехнулся:

– Нет пророка в своём отечестве, и тебе им, похоже, тоже не стать. Думаешь, тебе первому светлые мысли приходят в голову? Да мы с этого начинали! Когда ещё думали, что обойдёмся без тебя.

– Ну, и?

– Ноль целых, ноль десятых. Нету вокруг него женщин, понимаешь? Холост; любовниц не установлено, хотя мы затребовали все данные наблюдений за последние годы. Как-то он ухитряется жить без них. У его шестёрок есть, конечно, а вот у него – пусто.

– Неужели и без секретарш? Хотя бы одной? Знаешь, бывают такие: юбочка выше пояса, ножки точёные, глаз не отвести – разве что на это вот... такое... – и Ястреб показал жестом, что имел в виду.

– Не захлебнись слюной, – посоветовал Младой; впрочем, тон его был скорее сочувственным, чем ироническим. – Нет у него секретарш. Ни одной. Всё сплошь секретари.

– Ага! А может, тут-то собака и зарыта? Как у него с ориентацией? В смысле однополой любви.

– Да чисто! – ответил шеф с досадой. – Уж поверь, тут не мы рыли, вернее, не мы одни, а главным образом казённые Службы. Во всю свою мощь. Ни-че-го. Как-то ухитряется он обходиться без секса. Скорее всего – всё это перегоняет, сублимирует в жажду власти или что-нибудь в этом же роде. На планирование и осуществление своих делишек, например.

– Ну, может быть, – не очень уверенно согласился Ястреб. – А делишки действительно стоящие? То, о котором вчера говорили, производит впечатление.

– После «Треста» он провернул дельце ещё более лихое, – произнес Младой невесело. – Вот только что. Из-за чего все и засуетились. До тебя, может, ещё и не дошло...

– О таких делах чем меньше знаешь, тем легче жить, – откликнулся Ястреб, стараясь, чтобы голос прозвучал весело. – Но горю желанием услышать.

– Тоже хулиганство, – объяснил Младой. – Только мелким его уже не назовёшь.

– Понятное дело, – согласился Ястреб. – Разве иначе меня позвали бы?

– Дело такое: был проект перенести Материнский трансгалактический Космостарт с нынешнего места, с Угры, на Аргенор.

– И чего им на месте не сиделось? – удивился Ястреб.

– Ну, на то и начальство, чтобы выдумывать разные штуки. Рабочие места, и всё такое прочее. Правда, аргументы действительно были: Угра уже совсем зашивается, грузопоток только за последнюю декаду увеличился в два с лишним раза... Короче: проект разработали, а когда собрались приступить – было это как раз вчера, – Аргенор пропал. Не оказалось его на месте, и всё тут.

Ястреб засмеялся.

– Тебе весело, да? – поинтересовался до сих пор молчавший Листвен. – Знаешь, мы все тоже смеялись, рассчитывая, что этим делом займутся казённые Службы. Они и занялись, да. Но там и делать было нечего: на орбите остался маячок, а в нём – ну, ты сам уже догадываешься, что нашли.

– Золотую визитку?

– Её.

– А он что?

– Как всегда – слово в слово, те же отговорки. Ему, мол, эта планетка совершенно без надобности, а зря тратиться он не любит. Но в обитаемых мирах просто нет другого человека, который смог бы повернуть такую операцию. Не говоря уже о том, что же он сделал, как уничтожил, а если нет – куда вообще девал планету? Загадка.

– Ну, а в самом деле – зачем ему Аргенор?

– Не понимаешь? – удивился Младой. – Да просто, чтобы показать, кто в Галактии хозяин.

– Лихой мужичок, – признал Ястреб едва ли не одобрительно. – Ладно, а от нас чего же хотят?

Младой склонил голову к плечу, высоко поднял брови:

– Насколько я понял Президента, речь не о том, что Смоляр уже сделал, а о том, что лишь собирается. Верхи считают, что его надо обуздать раз и навсегда. А ещё лучше – вообще нейтрализовать. Любой ценой. «Мир без Смоляра» – такой вот лозунг.

– Красиво звучит, – охотно согласился Ястреб. – Хотя это скорее «лозгун», то есть – нечто бессмысленное. Раз они так уж настроены – чего же медлят? Ну, устроили бы ему аварию – на планете или в пространстве. А мы тут при чём? Это же не наша специальность.

– Думаешь, не пробовали? Авария точно состоялась; только погибли наши, а не он. Если точнее: были убедительные оперативные данные, что он вышел в пространство на одной посудинке из его эскадры. Совершенно точные. Федерация послала вдогон перехватчик. А Смоляр, когда понял, что ему сели на хвост, вместо того чтобы попытаться слянуть, описал циркуляцию и пошёл на таран. По сути, на самоубийство! Смоляр! До последнего мгновения никто не мог поверить: ждали, что он просто испытывает – чьи нервы крепче. А когда поняли, что это – всерьёз, отворачивать уже поздно было. Результат? Оба корабля – в пепел, спасённых, понятно, не было. Власть высказала глубокое сожаление и сочувствие, испытывая на деле искреннюю радость: погорел император окрестностей на веки вечные! Если бы! Но он назавтра объявился живой и здоровый – лично прибыл на самый верх со своими соболезнованиями по поводу, как он назвал это, несчастного случая. Выходит, вместо факта оперативникам подсунули дезу, другого объяснения не придумать. Теперь ищут – кто да как, а толку никакого. Так что стало понятно: известными способами его не достать. Думаешь, иначе они стали бы опускаться до нашего уровня?

– Понятно. Что же он на сей раз задумал такое, что даже у начальства нервы сдали?

– Президент обещал рассказать при личной встрече.

– Что, он собирается заехать к нам на чашку кофе?

– Юморист. Он ждёт нас через сорок минут.

– Надо понимать – всю команду?

– Нас с тобой. У Листвена – другая задача.

- Какая честь! – сказал Ястреб и зевнул.
- Так что времени у тебя в обрез, чтобы одеться поприличнее. Давай, беги. Подхватчу тебя у твоего дома.

6

Проходя в сопровождении разодетых камер-стражей по анфиладе президентского дворца, Ястреб, оказавшийся тут впервые, лишь крутил головой и щёлкал языком – от восхищения, надо полагать: всё вокруг было в золоте и самоцветах, парча чередовалась со светящейся синтетикой, ноги увязали в коврах едва ли не по колено. Похоже, за их проходом наблюдали; во всяком случае Президент Стойк, поднявшийся из-за стола навстречу вошедшим, начал со слов:

– Похоже, наша резиденция вам понравилась?

Младой лишь почтительно улыбнулся и покивал головой. Ястреб же вполне серьёзно ответил:

– Производит впечатление. Наверное, обошлось недёшево?

– Можете быть уверены, – сказал Президент. – Всё делалось на века. Жаль, что простоит так недолго.

– А что? – безмятежно поинтересовался Ястреб. – Подпочвенные воды? Или ожидается землетрясение страшной силы?

– Я рад, – проронил в ответ Стойк, – что вы в хорошем настроении. Жаль, что придётся его испортить.

– А может, не надо? – попросил Ястреб.

– Могу вас успокоить в том смысле, что ни воды, ни иные природные катаклизмы нам не грозят, – Президент внимательно посмотрел своему визави в глаза. – А огорчить – тем, что нас ожидает нечто худшее. В недалёком будущем есть такая вероятность, всё это разлетится вдребезги.

– Такая роскошь?..

– Если бы речь шла только о дворце, я не стал бы отвлекать вас от ваших дел, безусловно важных.

Ястреб только поднял брови, ожидая продолжения.

– Уничтожение грозит всей планете. Всей Матери.

Ястреб позволил себе слегка улыбнуться:

– Вы полагаете, это возможно?

Президент Стойк вздохнул:

– Это обещано мне человеком, до сих пор неуклонно выполнявшим все угрозы. И я не думаю, что на сей раз он шутит.

– Вы имеете в виду Смоляра?

– Никто другой не решился бы... – Президент не договорил.

– Похоже на нормальный шантаж, – сказал Ястреб. – Чего он хочет?

– Вот этого.

И Президент похлопал ладонью по полированной поверхности стола.

– Он хочет сменить мебель?

– Не время для шуток, – проговорил Президент достаточно грозно (Младой даже вздрогнул). – Он хочет получить этот пост. Стать Президентом Галаксии. Законным. Он может получить легитимность, если я официально назначу его моим преемником, а потом подам в отставку. Вы знаете, что по закону это равносильно всенародному избранию.

Откровенно говоря, Ястреб этого не знал: высокая политика его никогда не интересовала. Однако он кивнул головой так выразительно, словно собирался боднуть Главу Федерации.

– А потом, – продолжал Президент Стойк, – он объявит себя Императором. Не только всей шпаны. Всей Галаксии. Как это пишется на этих его бесстыдных карточках. – Тут в голосе верховного политика прозвучало раздражение, которого он не смог скрыть. – И никто не смо-

жет помешать этому, поскольку все его действия будут законными, целиком конституционными.

– Не люблю самодержавия, – сказал Ястреб. – Я воспитан в твёрдых демократических убеждениях.

(Вообще-то о своих убеждениях он никогда не думал всерьёз: работа ничего такого не требовала, да и жизнь – тоже. Но сейчас – он чувствовал – следовало произнести что-то, приличествующее обстановке.)

– Как и все мы. Поэтому думаю, что не придётся объяснять и доказывать вам, что ему необходимо помешать. Обезвредить его. И, как выяснилось, в этом деле мы можем рассчитывать только на вас.

Ястреб ухмыльнулся:

– Вот не знал, что один я сильнее Вооружённых сил и всех Служб Галаксии. Вы мне дали повод потребовать повышения оплаты моего труда. Значит, военный министр теперь будет приветствовать меня первым? А как ко мне станут обращаться? Пожалуй, «Ваша крылатость» звучало бы неплохо. Или «Окрылённость», как по-вашему?

– Уймись, Ястреб, – не выдержал Младой. – Дело более чем серьёзное. Простите его, Президент, он любит прикидываться дурачком, но на самом деле...

– Знаю, – сказал Президент. – Меня предупреждали. Хотя должен заметить, господин Ястреб, что вы ведёте себя не совсем...

Он махнул рукой:

– Хорошо, вернёмся к делу. Думаю, что у вас успели возникнуть вопросы.

– Ну, если вы действительно полагаете, что задача нам по силам, то введите нас в курс дела полностью. Он грозит взорвать планету? Это реально? До сих пор я полагал, что такое бывает разве что в сказках.

– Сказки не всегда лгут, господин Ястреб. И кроме того – об этом говорилось не только в сказках.

– В чём же народное творчество право? Какой сверхвзрывчаткой можно разнести в пыль такой солидный объект, как Мать? И куда такой заряд надо – и можно – заложить? А кроме того – каким образом он ухитрился проделать это в одиночку? Ведь Смоляр до сих пор не имел соучастников, верно?

– Они не понадобятся ему и сейчас. Не нужно много сил, чтобы проговорить несколько слов – если знать, что это за слова, а также где и когда их произнести.

– Вот что. Пресловутая Триада Куранта? А я-то всегда думал...

– Что это болтовня старух, понимаю. Я и сам всю жизнь считал так же.

– Что же разубедило вас? Постойте, постойте, кажется, я... Это Аргенор?

– Его исчезновение. Он вовсе не был уведен с орбиты, как мы вначале предположили. Его даже не разнесло в пыль. Он просто исчез.

– Интересно. И вы вправду полагаете, что это – воздействие Триады?

– Её можно услышать – на звуковой дорожке. Нам – мне – прислали запись. Больше не было смысла держать её в тайне: ведь у каждой планеты – своя триада, три формулы, на которые отзывается она – и только она.

– А на звуковой дорожке, кроме этого...

– Да, было и другое. Предупреждение: «Следующий – Горм. За ним черед Матери». Вы ведь помните мифологию: Горм породил Мать из своего левого бока, а затем она...

– Это мы учили в школе. Даже раньше: в детской когорте. Скажите, а голос...

– Нет, конечно: голос искусственный. Но подтверждение – золотая визитка – доставлено за пять минут до его личного визита.

– Как Смоляр получил доступ к этой самой триаде? Почему он, а не вы? Где вообще все эти триады находились? Никто ведь не знал...

– Как получил? Какая разница? Купил или вынудил сообщить ему. Где они хранились? Но вы, наверное, даже не знаете, как и когда они возникли? И кто такой – Курант? Это, по моему, не входит в программы детских когорт?

– В моём образовании имеются большие пробелы, – ответил Ястреб хладнокровно. – Но помню, что и в школе этого не проходили.

Президент вздохнул.

– Ну, хорошо. Вкратце: Курант жил пятьсот с лишним лет тому назад, в Век Больших Открытий, и по образованию был вакуум-физиком, а по службе – только не улыбайтесь – монахом в Великой Обители.

– Это в той, что тут, рядом с Капитом?

– Не перебивай Президента! – прошипел Младой. Ястреб только отмахнулся.

– В этой самой, – подтвердил Стойк. – В те времена там ещё находилась резиденция Омниарха. Итак, Курант занимался теологией и физикой пустоты; возможно – старался перебросить между ними какие-то мостки, этим в разные времена занималось немало народу. Не знаю, каковы были бы его успехи, если бы перед Матерью вдруг не возникла угроза уничтожения.

– А что – тогда тоже жил какой-нибудь Смоляр? Не предок нашего случайно?

– О Смоляре история умалчивает. Угроза же заключалась в приближении небесного тела – оно обладало кометной орбитой, но представляло собой монолит, весьма и весьма увесистый. Столкновение с ним привело бы к катастрофе, во всяком случае – к гибели всего живого на Матери, и столкновение это казалось неизбежным; у человечества не было способов не только уничтожить тело, но даже просто изменить его орбиту. К счастью, тело было замечено, когда до столкновения оставалось ещё около года.

– А Курант...

– Похоже, что он поверил в свою миссию спасителя человечества. Видимо, на поиск его натолкнули древние апокрифы, потому что в канонических текстах о подобных формулах говорится очень мало и невразумительно. Я специально консультировался по данному поводу с Омниархом, он подтвердил это. Что же касается вакуум-физики, то в ней учёный монах ушёл дальше своих современников; в Обители тогда существовали прекрасные лаборатории, то была старая традиция; так или иначе – ему удалось сконструировать эти триады. Сам он полагал, что это было озарением свыше. Формулы как-то выводились из параметров небесного тела – ну и, разумеется, там хватало того, что у нас называется – и тогда называлось – магией. Он применил триаду – и угрожавшее Матери небесное тело исчезло, как если бы его и не существовало вовсе.

– Куда же оно девалось?

– Как говорят специалисты, перешло в пустоту – такую, которой мы не знаем, в подлинную, не ту, какой она представляется нам. Причём здесь не могло произойти прямого перехода вещества тела в энергию: эффект был бы сильнее, чем от взрыва Сверхновой. Нет – оно ушло тихо-мирно, крайне вежливо. Вот оно есть – и вот его больше нет. Лично я подозреваю, что на самом деле мы наблюдаем – а тогда наши предки наблюдали – просто переход в смежное пространство, хотя пока у нас нет других доказательств его существования. Математически же...

Президент запнулся – поняв, видимо, что разговор ведётся совсем на другую тему. И закончил сухо:

– Одним словом, тело исчезло без следа.

– Как сейчас Аргенор?

– Совершенно так же.

– М-да, это убеждает.

– Во всяком случае, самого Куранта убедило настолько, что он немедленно занялся конструированием – или вычислением, или сочинением, это уж как вам будет удобнее – таких же триад для миров, которые уже в те времена являлись значительными. И в этом преуспел.

– Интересно, как человечество отблагодарило своего спасителя?

– Никак. Пока оно раздумывало, какие почести ему воздать, Курант умер. Точнее – покончил с собой.

– От обиды, что ли?

– Скорее с горя. Дело в том, что коллеги-богословы обвинили его в занятиях магией и астрологией, а это противоречило вероучению. И сколько Курант ни доказывал, что без применения триады было не обойтись, его отлучили от церкви. После этого – такова, во всяком случае, официально принятая версия – он наложил на себя руки.

– Я бы на его месте... – проговорил Ястреб задумчиво, – вместо этого... Ну, ладно. А что стало с его наследием? Я не имею в виду его рясы и подштанники.

Президент пожал плечами:

– Какие-то ссылки на его работы по вакууму можно найти в соответствующей литературе, но ведь всё-таки полтысячи лет минуло. Ну, а что касается триад – вас ведь именно это интересует? – то о них было велено забыть, все его записи, касавшиеся их, подверглись уничтожению, и даже лабораторию его разгромили...

– Зависть?

– И зависть, и догмы... Так вот, пятьсот лет считалось, что триады утрачены – и никто не старался их восстановить. Но вот выяснилось, что они сохранились. Как, где и кто их скрывал, каким путём они попали к Смоляру? Это вам предстоит выяснить.

– Зачем – если они уже у него?

Президент покачал головой:

– Кроме комбинации звуков необходимо – разве я не сказал? – уметь оперировать некоторыми магическими символами, но главное – знать время и место произнесения формул. Если ещё живы люди, обладающие этой информацией, Смоляр мог...

– Пятьсот лет – многовато даже для долгожителя. Или есть прецеденты?

– Господин Ястреб, обещаю вам устроить состязание в остроумии с непременно вашим участием – когда опасность минует. Если она минует вообще. Речь идёт о передаче устной информации из поколения в поколение, которая существовала всегда – начиная от семейных преданий и анекдотов до действительно серьёзных тайн. И в нашем случае такая передача, несомненно, имела место – иначе формулы триад не дошли бы до Смоляра. Способы хранения и продвижения этой информации реальны. И если вы сможете отыскать их, задача намного упростится.

– Но почему бы просто не взять его, и...

– Чтобы взять, нужно, во-первых, иметь для этого правовые основания. Которых нет. И во-вторых – нужно его найти. Потому что сразу же после визита сюда – в связи с гибелью двух кораблей – Смоляр исчез. Брать его здесь, во время официального визита? Не имея даже чётко сформулированного обвинения? Такая мысль возникала, но это выглядело бы, согласитесь, позорно – и резонанс общества, которое далеко не всегда сочувствует властям, мог бы оказаться чересчур сильным. Так что где Смоляр сейчас – никому не ведомо. Когда он нам нужен – его никогда нет. Зато когда мы его не желаем видеть, он возникает спонтанно.

– А раньше? После уничтожения Аргенора? Было у него и на этот раз пресловутое алиби?

– Было, к сожалению.

– Оно проверено?

– В этом не было нужды. В тот день, час и минуту Смоляр находился в этом самом кабинете. Сидел на том месте, господин Ястреб, где сейчас сидите вы.

Ястреб поёрзал по стулу.

– Впору прибить к нему табличку: «Здесь сидел Смоляр». Простите, опять меня занесло. Значит, задача: найти его, выяснить, когда и где он собирается приступить к делу. Так я понял?

– Совершенно правильно.

– Что же, – сказал Ястреб. – Это интересно. Сколько вы даёте на это времени?

– Не я, – сказал Президент. – Смоляр. А сколько – это вы узнаете сами, как только найдёте обладателей той информации, о которой мы говорим.

– Ясно, – кивнул Ястреб. – Дело становится ещё интереснее. Вы позволите приступить к работе?

– Именно об этом мы вас и просим. И желаем больших успехов.

Покидая кабинет, Ястреб мысленно похвалил себя за то, что за время разговора успел снять церебральные поля Президента Стойка. Ястреб не знал, зачем сделал это; скорее всего по привычке. Да и, как говорится, своя ноша не тянет. Он шагал широко, словно боясь, что догонят и отберут ценные данные, так что Младой настиг его только у самого выхода.

7

Вернувшись в контору, они сразу же принялись за дело.

– Отказаться от такого предложения просто невозможно, – заявил Младой категорически. – Методика нам понятна, не так ли?

Ястреб кивнул. Методика у него была для всех случаев одна.

– Вопрос только в том – где взять его частоты?

– Запросить Министерство безопасности?

– Если у них и есть, пройдёт уйма времени, пока мы от них что-либо получим. А ведь это не главное и не единственное. Тут идеальным был бы личный контакт. Но для контакта надо найти Смоляра. А чтобы найти, нужно знать характеристики его полей, тонких тел и всё такое. Порочный круг. Давай-ка думать быстро: время уже пошло.

Однако они не успели и начать, как ожила связь.

– Тебя, – удивлённо произнес Младой, передавая трубку Ястребу. – Что-то ты вдруг пошёл нарасхват.

– Есть же на свете справедливость, – хмуро откликнулся Ястреб, поднося трубку к уху. – Да, к вашим услугам?

Голос, услышанный им, Ястребу не то чтобы не понравился; голос этот сразу же вызвал странное ощущение опасности: как будто кто-то зашёл за спину и теперь неторопливо прицеливается ему в затылок.

– Вы – Ястреб?

– Гм, – произнёс названный глубокомысленно. – С точки зрения зоологии я не уверен в точности этой характеристики. Если же говорить об устоявшейся привычке, я бы даже сказал – традиции...

– Вы – шутник. Постарайтесь быть серьёзным. С вами говорит Смоляр.

– Нет, – сказал Ястреб, стараясь по возможности не выказать овладевшей им на миг растерянности. – Шутник – это вы.

Собеседник рассмеялся. А потом заявил:

– У вас есть возможность проверить ваше утверждение. Я хочу встретиться с вами для непродолжительного разговора. Гарантирую вашу полную безопасность.

Ястреб почувствовал, как сердце непроизвольно перешло в другой режим работы – деловой.

– Согласен. Время и место?

– За вами заедут через... пятнадцать минут. Вы будете один.

– Ну да, – усмехнулся Ястреб понимающе. – И без оружия, разумеется. Я правильно понял?

– Я не ставлю ненужных условий; можете взять с собой даже стратегическую ракету, только она вам не понадобится: вам, повторяю, не будет угрожать никто и ничто.

– Хорошо. Где я – вы, видимо, знаете. Итак, через пятнадцать минут...

– Теперь уже через двенадцать.

– Предложение принято.

– Жду с нетерпением.

8

Ястреб загонял в память под давлением, чтобы уж не забыть никогда:

«Рост – сто семьдесят пять. Телосложение хрупкое. Худошавый. Волосы чёрные, зачёсаны назад, приглажены. Гладко выбрит, или вообще растительность на лице выведена. Уши небольшие, правильной формы, прижаты к черепу. Брови горизонтальные, сросшиеся у переносицы. Нос небольшой, узкий, спинка вогнута (возможно, в прошлом перелом). Глаза большие, чёрные, чуть навывкате, взгляд уверенный: сознание превосходства. Рот маленький, губы узкие, изгиба почти нет. Особых примет не видно. Лицо, в общем, легко запоминающееся, отличимое без усилий. Далее: жестикуляция – сдержанная, движения выверены. Речь гладкая, свободная, без слов-паразитов и пауз – речь хорошо образованного человека. Богатые интонации. При разговоре смотрит прямо в глаза. Часто откидывает голову, полуопустив веки...»

– Ну, что же? – прервал описываемый собеседник сам себя. – Закончили словесный портрет?

– Практически – да, – ответил Ястреб, не улыбаясь.

– Зря потратили время. Моих фотографий – целые альбомы в каждом полицейском участке, есть и живописные портреты неплохих, должен сказать, мастеров – один из них в Президентской галерее, кстати. Мой дар. Так или иначе, я продолжу. Думаю, вы уже поняли: страхи, которыми с вами, без сомнения, поделился уважаемый Глава нашего государства, существуют лишь в его воображении. Меня не нужно разыскивать: я здесь, перед вами, и если имеются хоть какие-то законные основания для того, чтобы задержать меня, – пожалуйста, вот телефон, номера соответствующих служб вам известны, не так ли? Далее: я намерен – с вашего позволения, разумеется – передать вам расписание моих действий на ближайший месяц; на более продолжительные сроки я не планирую. Обладая этим документом, вы сможете контролировать все мои передвижения – и даже, если угодно, сопутствовать мне; разумеется, я не обещаю посвящать вас во все подробности моих дел, промышленные и коммерческие тайны останутся тайнами, не взыщите. Согласитесь, однако, что в такой ситуации мне было бы чрезвычайно трудно, я бы даже сказал – невозможно исчезнуть с планеты, чтобы совершить то, в чём меня подозревают, и что, скажу вам откровенно, мне вовсе не по силам: уничтожить планету, на которой мы с вами сейчас находимся и предполагаем оставаться и в дальнейшем. Так вот, если вы хоть на минуту всерьёз задумаетесь над сказанным мною...

Ястреб, однако, в эти мгновения думал совершенно о другом. Выставив хорошую защиту (лучшую из всех, какими он обладал), он, всем своим обликом выражая уважительное внимание, настроился, наконец, на церебральные поля Смоляра и сейчас закончил их анализировать. То же произошло и с тонкими полями собеседника. Теперь оставалось лишь произвести подсадку.

– ...Должен сказать – вы убедили меня если не на сто, то уж на девяносто пять процентов определённо, – одновременно отвечал он собеседнику. – И опасения Президента сейчас не кажутся мне совершенно обоснованными. Конечно же, я крайне благодарен вам за предоставление плана ваших ближайших передвижений и встреч...

– Вы возьмёте его, не так ли?

– Было бы бестактно не воспользоваться вашей любезностью.

– О, я думаю, вы уже поняли: при этом я преследую и свою выгоду. А именно: мне представится прекрасная возможность разобраться в способах, какими вы будете меня контролировать. Ведь если они окажутся обычной полицейской методикой – наружное наблюдение, прослушивание, жучки и тому подобное, – я просто начну думать о вас хуже, чем думаю сейчас, и тогда, возможно, захочу пересмотреть наше соглашение. Вы меня поняли?

– Да, конечно же.

– Это меня бесконечно радует.

– Благодарю вас. Могу ответить лишь тем же самым.

За этим последовали поклоны и улыбки. И обратный путь – сперва в сопровождении двоих непонятно кого: на типичных телохранителей они не очень походили, но и на домашнюю прислугу – тоже; скорее всего их можно было бы принять за ассистентов профессора. Зато водитель лимузина, доставлявшего Ястреба обратно в контору «Прозрачного мира», был похож именно на шофёра и ни на кого больше. «И на том спасибо, – подумал Ястреб, глядя на него. – Так или иначе, главное я сделал: посадку произвёл. Пусть теперь Смоляр разбирается, какими такими способами мы будем его контролировать...»

9

– И ты ему поверил? – фыркнул Младой. Каждое слово шефа просто щетинилось иглами сарказма.

Ястреб пожал плечами:

– Он предложил правила игры – я их принял. А дальше – посмотрим, насколько честно он будет их придерживаться. Главное-то я сделал: подсел в него. Так что в любой миг могу определить его место и действия.

– К примеру, сейчас?

– Это нужно?

– Настоятельно.

– Ну, коли так...

Ястреб расслабился в кресле. Закрыл глаза. Стал настраиваться. При этом он ожидал какого-нибудь подвоха: Смоляр мог, например, ощутив подсадку, выставить крепкую защиту, какой-нибудь непробиваемый блок – а в том, что у наблюдаемого таких был целый арсенал, Ястреб не сомневался. Но опасения не оправдались: настройка прошла без помех, и он стал видеть, не открывая своих глаз, потому что сейчас воспринимал мир чужими: глазами Смоляра.

В этом и заключался дар Ястреба: подселившись, то есть открыв для себя канал в сознание другого человека, по желанию видеть его глазами, слышать его ушами и даже обонять его носом; что касается проникновения в мысли, то это удавалось не со всеми – только с теми, кто не применял даже самой простой, зеркальной защиты.

– Ну, что ты видишь? – нетерпеливо спросил Младой.

Ястреб, однако, его не услышал: слух его тоже был, как и зрение и все прочие чувства, отдан сейчас Смоляру. Он выждал, пока не рассеется неизбежный туман перед глазами; а когда аккомодация закончилась – увидел часть просторной комнаты – не той, в которой разговаривал со Смоляром, но соседней, смежной, в которую успел заглянуть тогда через полуоткрытую дверь. В отличие от первой, гостиной (как ее условно определил Ястреб), это был скорее кабинет, и в той его части, которую сейчас видел Ястреб (и сам Смоляр тоже), располагался длинный стол, уставленный приборами и аппаратурой – в первую очередь, как определил Ястреб, относящейся к связи, ближней и дальней, акустической и графической. Стол начал приближаться – то есть это Смоляр направился к нему; проходя мимо зеркала на стене (зеркала у Смоляра были, похоже, в каждом помещении), мельком повернулся, чтобы оглядеть себя; так Ястреб смог убедиться в том, что он видит сейчас действительно глазами Смоляра, что канал не переадресован кому-то другому.

В следующее мгновение перед глазами оказалась клавиатура, но только на секунду; затем – экран. Смоляр работал профессионально, не глядя на клавиши, так что Ястребу не было видно, что именно набирает хозяин дома; можно было лишь определить, что текст шифруется сразу же: на экране, перед глазами, возникали одни лишь точки.

Ястреб попытался услышать, как работает клавиатура, – иногда это помогало определить хотя бы среднюю длину слова, из чего можно было уже сделать предположение о языке, на котором делалась запись. Но на сей раз не было слышно ничего.

Потом взгляд резко переместился на дверь; в ней стоял человек – один из тех двоих, что провожали Ястреба, когда он покидал этот дом. Губы вошедшего шевелились; он что-то произносил, но Ястреб не услышал ни слова, как не донеслось до его ушей и ничто другое: шаги, например... Движения губ, артикуляция не соответствовали ни одному из четырёх самых распространённых в Галаксии языков; других же, даже не считая диалектов и наречий, существо-

вали тысячи, если не десятки тысяч; какой из них применялся при общении Смоляра со своим персоналом, не стоило догадываться: на это просто не было времени.

Смоляр, вероятно, ответил на сказанное – судя по тому, что вошедший кивнул, повернулся и вышел; но и из сказанного Смоляром Ястреб не воспринял ни звука. Иными словами – слух наблюдаемого оказался защищённым от подсадки лучше, чем зрение; да и не только слух, наверное: пальцы Ястреба тоже ничего не ощущали – а ведь кончики их должны были чувствовать прикосновения к клавишам; это, кстати, порой тоже помогало расшифровать текст: у профессионала каждый палец ведаёт строго определённой группой знаков. И обоняние тоже равнялось нулю: Ястреб понял это сразу же, как только Смоляр, вновь обратившись к клавиатуре, прежде чем возобновить работу, вынул из ларчика на столе длинную, тонкую сигару, понюхал её (она оказалась прямо перед глазами, как и державшие её пальцы), обрезал кончик, раскурил; но ни малейшего запаха Ястреб не почувствовал.

Подсадка оказалась весьма ограниченной. Но это ещё не было причиной для уныния: зрение, как известно – самое важное из человеческих чувств, несущее максимум информации. Значит, Смоляр принимал всё-таки меры предосторожности, но на зрение их не хватило. Ну что же, неплохо: противник, надо полагать, усмотрел в Ястребе достойного оппонента.

Смоляр снова работал. Теперь уже не с текстом; вместо точек на мониторе появился он сам, словно в зеркале; губы изображения шевелились, видимо – то была запись какого-то обращения к кому-то или выступления перед кем-то, и Смоляр перед отправлением ее адресату хотел проверить и, возможно, отредактировать. За спиной Смоляра – не в фокусе, несколько размыто – виднелось с полдюжины людей в лабораторных комбинезонах, столы, на которых вроде бы работали с какой-то химией, что ли? Люди двигались; вдруг в помещении появился ещё один человек, совершенно голый, остальные окружили его, но Смоляр на экране даже не повернул головы в ту сторону. Ястреб снова попытался прочитать по движениям его губ – что же он говорит; но это, видимо, был опять другой язык, хотя и не тот, какой применялся только что в кабинете; Ястреб либо не знал его вообще, либо же не смог опознать сразу. Текст оказался достаточно коротким; через двенадцать секунд Смоляр убрал изображение и не стал загружать ничего нового.

Он встал и – судя по тому, что находилось и двигалось в поле его зрения, – вознамерился выйти из этого помещения; но не через ту дверь, в которую вошёл, а в противоположную, пониже и поуже. Приблизился. Дверь распахнулась, и хозяин дома шагнул в нее.

Интерьер нового помещения оказался совсем другим. Не лабораторным. И даже не кабинетным. Взгляд быстро скользнул по комнате слева направо. Переливающаяся ткань стен, на которых – несколько небольших пейзажей (лес, поле, морская гладь), три дверцы стальных шкафов, маленький столик на причудливо изогнутых ножках, низкий полукруглый диван...

И сидящая на нём женщина. Чьи глаза показались Ястребу знакомыми. Да и лицо... Если взглядеться как следует...

Но этого сделать как раз и не удалось. Потому что план вдруг резко укрупнился – кажется, женщина вскочила, и оба присутствующих там человека стремительно приблизились друг к другу, так что уже через мгновение осталось видным только её лицо, на котором возникла радостная улыбка...

Стой! Да это ведь та самая, кого я случайно встретил ночью на улице. Она, она! Её глаза, готов поклясться чем угодно.

Но в то же время...

Они сейчас одного или почти одного роста – ну, может быть, она чуть-чуть пониже. Но её рост он успел оценить ещё вчера, в этих делах глазомер его был точен. Рост же Смоляра – по совсем недавней и опять-таки точной оценке Ястреба – должен был, наоборот, примерно на столько же уступать ей. Получается нелепица: или она – не она, или он – не он. И в самом деле:

рост человека, чьими глазами Смоляр сейчас видел происходящее где-то там, был примерно таким же, как рост и самого Ястреба; разница со Смоляром – больше, чем полголовы.

Впрочем... что там ещё? Господи! Слушайте, вы, там, перестаньте! Это просто неприлично – вас же видят...

Господи, какой взрыв страстей!

Теперь видны только её глаза. Изображение колеблется, как при съемке ручной камерой. Туда-сюда. Следствие ритмичных движений. А вот они медленно закрываются. Но и закрытые, они, кажется, выражают... Ну, как это назвать? Экстаз? Счастье? Оргазм, наконец? Тьфу!

А вот и вообще ничего больше не видно. Смоляр – или кто это там – тоже закрыл глаза.
– ... Ястреб! Ты что – уснул?

Названный, выйдя из контакта, медленно поднял собственные веки, возвращаясь в служебную обстановку.

– Что с тобой? – Младой явно был обеспокоен. – Весь в поту! И дышишь, как грузчик...

– Да нет, – язык повернулся с трудом. – Всё в порядке. Сейчас, сейчас, только соберусь с мыслями.

Не очень-то много информации; однако главное установлено! – так решил сформулировать свои впечатления Ястреб, окончательно придя в себя в привычной обстановке.

– Ну, что там? – Младой нетерпеливо домогался ответа.

– Всё по правилам. Он у себя дома – как и предполагалось по его плану. Вечером он собирался на званый обед, адрес указан; проверим его и там.

– Очень интересно... – пробормотал Младой.

– Да что у тебя свербит? – Ястреб был уже готов не на шутку рассердиться.

– Свербит? Вот именно. Это. Погляди.

И он щелчком перебрал по столу сложенный пополам бланк донесения. Ястреб развернул. Прочёл.

«СВУ. Сегодня двадцать шестого восемнадцать тридцать две с четырнадцатого скрытно стартовал „Сатир-8“ с Омегой на борту. Установлено личным наблюдением. Вероятность 100 %. Листвен».

Листвен, также как и Ястреб, являлся главным агентом «Прозрачного мира», а СВУ означало – секретность высшего уровня. «Омега» – такое кодовое имя со вчерашнего дня носил не кто иной, как Смоляр.

– Ну? – спросил Малый.

Ястреб пожал плечами:

– Кто-то ошибся. Листвен или я. По-моему, Листвен. А по-твоему?

– Возможно, вы оба правы.

– Ну конечно. И ты, жена, права тоже!

– Ты не допускаешь, что разговаривал с двойником?

Ястреб поджал губы. Покачал головой:

– Конечно, как говорил тот аббат, «чувства могут нас обманывать, а Аристотель никогда не ошибался». Но только чувства тут ни при чём. Мы получили его карту из Президентской команды, верно? Я уверен, что каждая характеристика в ней соответствует истине. Так вот, я общался с человеком, в котором всё было согласно с картой – все девятнадцать позиций. Ты полагаешь, что у двух разных людей возможно совпадение по всем девятнадцати?

Младой помолчал. Потом пробормотал:

– Первая ошибка в послужном списке Листвена? Тоже невероятно.

– Но он-то вряд ли мог сделать анализ по девятнадцати?

– Скорее всего, не мог. Но и ошибиться – просто так? Такого не бывает. Тогда – на «Сатире» улетел двойник? Куда, зачем? Чтобы совершить уничтожение номер два? Думаешь, Смоляр рискнул бы передать ему, да и вообще кому угодно, формулы триады, время, место?..

- Есть и разгадка попроще.
 - Ну-ну?
 - Это не Листвен. Это как золотые визитки: демонстративная подставка Смоляра. И авторы – те же. Хотя мы не знаем пока – кто это.
 - Хочешь сказать, что некто владеет нашим шифром этого дня и часа и самого высокого уровня? С поправкой на расположение планет?
 - Сообщение пришло именно так?
 - Естественно. Иначе я не стал бы и читать его.
 - Не знаю, – сказал Ястреб после паузы. – А куда ушёл «Сатир»?
 - Ищем. Пока не обнаружен. И власти шарят – с тем же результатом. С нулевым.
 - М-да.
 - Что будем делать?
 - Думать – что другого остаётся?
 - В какую сторону думать?
 - А по всем сторонам. Думать и искать. Где-то должны же храниться и сами триады, и условия их применения – раз уж Смоляр разыскал их...
 - Допускаю, что всё это уже – в его личном архиве.
 - Хранители такой информации редко не оставляют её копий хотя бы. Будем искать копии. Мы ведь не коллекционеры, мне нужен текст – пусть он даже будет записан на нестиранной портянке.
 - Обозначим это как направление один. Дальше?
 - Надо полагать, где-то у властей имеется достаточно точный реестр всего, чем владеет Смоляр?
 - Я уже спрашивал. Такой есть. Немалая коробка кристаллов – названия, расположение, характеристики и всё прочее.
 - Это нужно мне – немедленно.
 - Надеешься...
 - Да ни на что я не надеюсь. Но надо же что-то делать!
 - Надеешься. На удачу.
- На этот раз Ястреб промолчал. В свою удачу он верил всегда. Но никогда в этом не сознавался.

10

Главное – система. Ястреб всю жизнь исповедовал это правило, и если бы не оно, он вряд ли извлёк бы какую-то пользу из той кучи кристаллов, какую представлял собой реестр собственности Смоляра, поскольку на всех без исключения обитаемых мирах Галаксии её было очень, очень много. Промышленные предприятия. Финансовые. Торговые. Научные. Юридические. Строительные. Транспортные. Развлекательные. Добыча, обработка, переработка, перевозка, продажа изделий, технологий, территорий и вообще – всего, что только можно купить и продать по закону, а если по закону не получалось – Смоляр не унижался до его нарушения: он просто-напросто добивался принятия нового закона в ста случаях из ста. Деньги могут всё.

Таким образом, размышляя Ястреб, с лихорадочной быстротой просматривая то один, то другой кристалл, по сути дела, Смоляру принадлежало уже восемь десятых, если только не девять, всей собственности, какая вообще существовала в Галаксии; даже некоторые из планет (не из крупных, разумеется) находились в его полном владении: в своё время он ссужал власти деньгами под залог этих небесных тел; возратить долги властям оказывалось, естественно, не под силу, и залоговые объекты в соответствии с законом переходили в собственность кредитора. Создать такую империю на протяжении всего лишь одной жизни было бы невозможно. И действительно, на самом деле Смоляр лишь продолжил дело, начатое давным-давно многими Домами и Семьями; самому же ему удалось лишь объединить все кланы в единый организм по формуле «2У»: убедить или убить. Поэтому из всей гигантской номенклатуры собственности непосредственно на его имя было записано не так уж много; однако аналитики Служб без особого напряжения проследили все связи и убедились в том, что от великого множества компаний, трестов, концернов, холдингов и групп нити неизбежно приводили в одну и ту же точку, и в этой точке всегда находился Смоляр, и никто другой.

Было лишь одно, чего он до сих пор не смог купить официально: полная и законная власть. Будь Смоляр к этому времени постарше, он, возможно, удовлетворился бы тем, что фактическая-то власть всё равно была в его руках; управлял бы без особых забот из-за кулис, являясь режиссёром всего гигантского спектакля Бытия. Но он был в расцвете лет и сил, ещё в возрасте актёра, а не постановщика, и ему, кроме прочего, хотелось ещё и оваций, и букетов.

Стыдно сказать, думал дальше Ястреб, но могучий владыка вернее всего просто завидует чёрной завистью какому-нибудь патлатому сутенёру, которого принято сегодня считать сладкопевцем номер один и который на самом деле стоит не больше пачки сигарет; вот зависть его и погубит, как многих уже губила...

И в самом деле: покупая поодиночке и целыми пачками депутатов и министров, генералов и прокуроров, он никак не мог стать собственником того, что все они, вместе взятые, и составляли: государственной власти. Потому что для этого следовало или быть назначенным в качестве официального преемника – а это было в возможности одного лишь Президента Галаксии; либо же победить на всеобщих выборах. Смоляр, надо полагать, понимал, что второй путь успеха ему не принесёт, сколько бы денег ни вложить в избирательную кампанию: рядовой гражданин не любит супербогачей, сколько бы добра они ему ни сделали и чего бы ни сулили. Не любит и потому, что завидует, и ещё поскольку убеждён: таких денег честным трудом не нажить, значит, неизбежным было воровство, а его самого не раз так или иначе уже обкрадывали. В былые времена магнаты на выборах пользовались успехом; но с тех пор людям надоело разочаровываться. Так что вложи он сколь угодно большие деньги – их возьмут, пообещают – но проголосуют против, если даже к каждому избирателю приставить своего парня: народ давно научился втирать очки, безмятежно глядя при этом прямо тебе в глаза. Не было бы проблемы, если бы подсчёт голосов вёлся людьми; но этим с давних пор занималась

электроника, а она находилась под контролем Служб, Службы же (если говорить не об отдельных работниках, а об организациях в целом) воспринимали Смоляра как изначальное зло и постоянный упрёк им; иначе они и не могли бы существовать. Те же в Службах, кто мыслил реалистически и вовсе не отворачивался от возникавших искушений, прекрасно понимали, кроме всего прочего, что золотые ручейки текут в их сторону лишь до тех пор, пока Смоляр не пришёл к законной власти, потому что тогда – зачем он станет на них тратить? Поэтому их вполне устраивал статус-кво, и если они не очень стремились Смоляра уничтожить, то во всяком случае никак не хотели возводить его на престол: в Службах тоже не дураки сидят.

Так что оставался лишь путь номер один: стать наследником, преемником верховной власти. Для этого и купить-то надо было самую малость: Президента и его ближайшее окружение; окружение – затем, чтобы Президента не ликвидировали в тот миг, когда станет ясно, что он собирается сделать, поскольку из этого круга людей каждый видел преемником самого себя, у персон такого уровня вирус власти быстро справляется даже с микробом жадности и остаётся единственным правящим чувством. Однако микроб жадности никогда не умирает; он может закапсулироваться до поры до времени, но создай ему нужные условия – и он оживёт, и его носитель начнёт всё более убеждаться в том, что хорошо откормленная синица, переданная из рук в руки, на самом деле куда предпочтительнее тощего журавля в небе, которого одновременно с тобой выщеливает ещё дюжина охотников.

Так что Смоляр купил бы всех – если бы тут не вмешивались личные чувства. Они-то и стали тем порогом, преодолеть который для Смоляра было невозможно – или, по крайней мере, крайне маловероятно. В общих чертах об этом знали все, хотя детали не были известны никому; говорилось только, что корни взаимного неприятия Смоляром Президента Стойка, а Президентом – великого собственника, неприятия, чтобы не сказать «ненависти», уходили в прошлое, чуть ли не в студенческие ещё времена. Именно тогда, по слухам, один из них – а именно Смоляр – нанёс второму смертельную обиду; предполагалось, что дело не обошлось без женщины, как оно чаще всего и бывает. Так или иначе, факт оставался фактом: вынужденные время от времени официально встречаться, соблюдая все протокольные требования, оба властелина никогда не смогут договориться ни в чём, тем более – в вопросе наследования власти. Для Президента Стойка это было бы вторым поражением в жизни – и последним: после этого ему оставалось бы лишь покончить с собой, а если бы он этого и не понял, то ему помогли бы. Так что убедить Президента Смоляр не мог бы, даже пообещай он взамен все, чем уже владел, и все, чем овладеть ещё только собирался.

Но понятие отступления Смоляру было чуждо. И он нашёл единственно возможный, как ему представлялось, путь: поставить Президента перед выбором: не хочешь отдать мне власть над миром – тогда я этот мир уничтожу. Не сразу, но часть за частью, и тогда посмотрим, долго ли люди потерпят у власти человека, который не в силах защитить от уничтожения не что-нибудь, но сами планеты, вместе с населяющими их народами. Массы не любят воров, верно; но слабаков они просто не переносят, считая их из двух зол – большим...

Но Смоляр, человек опытный, не может не понимать простой вещи: он припёр Стойка к стене, и у Президента просто не остаётся другого выхода, как уничтожить Смоляра, уничтожить физически, просто и грубо. Пусть это многим не понравится – сделав это, можно будет оправдаться, особенно теперь, когда процесс уничтожения Смоляром миров, по сути дела, уже начался – пусть пока и с необитаемой планеты, но перспектива была ясна любому, способному хотя бы в самых общих чертах оценить обстановку. Что предпринял бы на месте Смоляра я? Засел бы в самом надёжном убежище и не высовывал нос и даже при достижении договорённости постарался бы обеспечить собственную безопасность самым серьёзным образом. А он? Разгуливает и разъезжает, словно неуязвимость ему дарована свыше, и вдобавок рассуждает на тему «Я не я, и лошадь не моя» – хотя в это вряд ли поверит и слабоумный. Логично? Да ни с какой стороны. В наивности его никак не заподозришь. Какой же вывод? Только один:

тут кроется какая-то хитрость, в которой я пока что не могу разобраться. Не вижу системы; её-то мне и не хватает.

В чём можно не сомневаться? Прежде всего в том, что тут разгуливает именно он, а никакой не двойник: девятнадцать совпадающих признаков – это убедительнее даже, чем Писание. Дальше? Он продолжает активно работать: я сам видел на экране, правда – в записи, как он произносил что-то на каком-то из своих предприятий. Причём было это до того, как некто, принятый нашим пузатым агентом за Смоляра, вылетел куда-то и растворился в пространстве. Что, кстати, за предприятие? Может быть этот, второй, туда и направился?

Там, помнится, фон напоминал что-то вроде химической лаборатории. Ладно – а какая в его собственности находится химия? Ну-ка, ну-ка? Где она тут? Ага: семнадцатый кристалл. Поставим его. Зададим ключевые слова. Какие они у нас? Ну, скажем – столы, реторты, халаты, баллоны, всё прочее. И пусть дают картинки. А мы тем временем ещё разок полюбуемся на будущего императора – или, может быть, будущее ничто? Насколько он соблюдает правила игры...

Смоляр соблюдал. При этом он вовсе не предавался кейфу; Ястреб подумал, что будь у него самого хоть малая толика смолярского богатства, он бы в этот час – законное рабочее время давно кончилось – вернее всего, предавался бы приятному безделью. Смоляр же сидел за клавиатурой, словно у него работа продолжалась круглые сутки.

А может, так оно и было: во всяком случае, человеком он был незаурядным, чего доброго, и в отдыхе не нуждался – иначе как успел бы он совершить всё то, что успел? Если бы он треть жизни проводил во сне, как обычный смертный, то в одиночку наверняка не справился бы – потребовалось бы двое, а может даже и трое таких, как он, чтобы одновременно вершить множество дел – и добиваться столь блестящих результатов. Ну-ка, что, интересно, сочиняет он в этот поздний час? Какими муками творчества страдает?

Ястреб без особых усилий подключился к зрению Смоляра. Снова перед глазами оказался экран, на котором возникал текст. Хотя нет, то был уже не текст – адрес. Смоляр успел составить какое-то послание и сейчас явно собирался отправить его. По сети. Но не по общей сети, понятно: у него имелась собственная, точно так же раскинутая по всем уголкам Галактики. И система адресов, разумеется, своя собственная – судя по тем знакам, которые он сейчас набирает...

Ястреб, не глядя, нашарил ручку, стал вслепую записывать, не рассчитывая только на память: она нередко подводит, когда знаки не подчиняются вроде бы никакой логике, как это и происходит в шифрах. Так. Записано. Адресат? Странная фамилия: Корень. Хотя – что такого, если разобраться? Ну, а где же сам текст? Ага, вот он наконец!

Только радоваться было нечему: текст был предельно краток и, по сути дела, не содержал никакой полезной информации:

«Весьма срочно. Прилагается сообщение #86. Уважительно – Лист».

Само же сообщение, естественно, не появилось, ушло файлом. И что в нём содержалось – так и осталось неустановленным.

С одной стороны, всё-таки была выяснена вроде бы немаловажная вещь: Смоляр выполнял обещанное и благополучно находился на планете, в этом городе и даже в своём доме. Ну да: званые вечера, даже и те, которые почему-то называются обедами, в высшем кругу обычно начинаются где-то к полуночи и продолжаются до утра; так что объект лишь сейчас станет собираться. Ладно, попозже побываем с ним и на вечере. А пока мы всё-таки выудили одну-другую тему для срочного размышления.

Первая: куда ушло послание? Не составило бы труда установить сетевой адрес, будь это открытая, общедоступная сеть. Но увы... Существует ли реестр адресов смолярской сети? Ею несомненно пользуются люди из системы Смоляра. Система эта огромна, следовательно, и людей в ней – множество. Им могут понадобиться самые разные адреса. Вывод: такой ката-

лог есть. Вопрос: где он находится и как до него добраться, чтобы установить – с кем Смоляр состоит в важной, по-видимому, переписке? Важной – потому что обычное сообщение пошло бы в нормальное время, а не на ночь глядя, да ещё с пометкой «Весьма срочно». Вот и тема.

А вот и вторая; она заключается в одном слове – «Уважительно». Так пишут даже не равному, и уж подавно не низшему. Скорее – кому-то, кто выше отправителя по положению. Но кто в мире может стоять выше самого Смоляра – по крайней мере, по его собственному мнению? Президент? Нет, даже не он. Таких людей в Галактии просто не может существовать.

Оли-голи. Что означает: крайне интересно. И наводит на неожиданные размышления. Связанные, как бы это ни казалось странным, с давешней ночной встречей на улице – с девушкой и её спутником. Ее спутник... Хотя, может быть, это просто ошибка? Обман зрения? Или – ещё вероятнее – просто атака на моё зрительное восприятие: я предполагал возможность физического воздействия, а по сенсорной линии у меня стояла лишь обычная защита, не очень-то мощная. И меня достали, пусть на мгновение, но там больше и не нужно было: заставили увидеть не то лицо, каким в действительности обладал спутник девушки, а совершенно другое – хотя бы для того, чтобы я потерял время на эти вот размышления...

Но в таком случае – встреча была не случайной. Кто-то следил за мной. Но ведь я, ещё выходя из конторы, просмотрел обстановку – ничего не было, ни намёка. Применили какую-то методику, мне неизвестную? Не верится, что такая существует... Зря я не подумал сразу, тогда, когда ещё можно было снять его параметры; но не станешь же это проделывать с каждым встречным? К тому же (Ястреб невольно усмехнулся) я, собственно, этим и был занят в те секунды, пока они удалялись, – только не с него снимал, а с девушки, которая при взгляде на меня чему-то удивилась. Если тому, о чём я думаю, то...

Собственно, если это замысел, то он достигает цели: заставляет меня вот сейчас отвлекаться от более насущного дела. Хорошо. Отложим до лучших времён. А что там наковыряла для нас железяка?

Ястреб вернулся в собственное зрение. Глянул. И приуныл. Более полусотни названий. Прямо хоть нанимай работников, чтобы с таким множеством разобраться. Попросить у Младого людей? Ну даст шеф человек пять – всех, кто сейчас не в разбеге. А толку? Никто из них не видел помещения, в котором находился Смоляр в подсмотренной Ястребом записи. Только он сам может опознать место. И нужно немедленно поставить этот объект под самое пристальное наблюдение, которое и даст материал для дальнейших выводов и действий. Пусть Младой выделит не пять, а пятьдесят агентов – выход информации всё равно останется нулевым.

Однако что-то эти люди сделать могли бы. А именно: где-нибудь разыскать книгу сетевых адресов Смоляра. У Младого есть пара неплохих хакеров. Пусть пошарят по сети, вход в которую постороннему пользователю закрыт. Можно было бы ночью совершить налёт на любую контору, входящую в систему Смоляра, и выкрасть реестр оттуда. Пусть Младой против таких методов – его наверняка удастся уговорить. Но заранее ясно, что это не даст результатов: адреса эти вряд ли существуют на бумаге, только на кристаллах. Украсть кристаллы? Но сколько часов, а то и дней понадобится, чтобы среди них отыскать нужный – адресную книгу? А времени как раз и нет. Жаль, но этот простой метод, кажется, отпадает.

Ястреб позвонил Младому. Тот, понятно, был давно уже дома, наслаждался благами семейной жизни. Сидел, небось, в пижаме и смотрел какой-нибудь сентиментально-романтический фильмик – шеф обожал такие вещицы. Судя по недовольному голосу, так оно и было. – Ну, у кого там бессонница? – Не человек, а лев рыкающий, честное слово.

Однако Младой быстро перестроился, узнав, о чём речь, и сразу же пообещал немедленно вызвонить хакеров и усадить их за работу.

Так, одно дело сделано. Теперь посмотрим хоть что-нибудь из отобранных картинок...

Картинки, выловленные железякой, были – да и могли быть – только из тех, которые хоть когда-то, хоть раз да пропускались через сеть. Через общую сеть; а то, что видел Ястреб, шло,

как он понимал, через закрытую. Так что именно ту обстановку он увидеть и не рассчитывал. Но хоть что-нибудь похожее. Для установления профиля предприятия. А кроме того какая-то часть этих заведений не всегда принадлежала Смоляру, а значит – раньше могла попадать и в общую информацию. Ну-с?

Он запустил просмотр. Картинки запрывали – каждая задерживалась всего на несколько секунд. Нет, непохоже... Нет... Нет... А вот это похоже, но не то. Сделаем закладку. Дальше. Нет... Нет... И снова нет. И снова...

Стоп.

Неужели оно?

Ястреб всматривался ещё и ещё.

Кажется, и в самом деле повезло. Ну-ка, давай вытащим всё, что об этой картинке известно.

Вытащил. Внимательно прочитал. Нахмурился. Задумался. М-да. Намечалось что-то очень интересное. Мысль вертелась где-то рядом, но пока ещё никак не формулировалась. Сейчас надо было сесть и основательно подумать...

Но это как раз и не получилось. Помешал телефон.

Младой, оказывается, всё ещё не лёг.

– Ястреб? Слушай внимательно, это срочно. Только что удалось договориться с Духовным Управлением. Тебе позволят несколько часов поработать в Великой Обители – в Библиотеке древних рукописей. Никак не хотели, уговорить их смог только сам Президент. Знаешь, где это? Немедленно лети туда. И не выходи, пока не найдешь того, что нам нужно.

– Постой. Может, они просто нам дадут записи, кристаллы...

– Нет никаких записей. Они никого со сканером и близко не подпускают, дрожат за сохранность документов. Да и в самом деле... Ты учти – там у тебя за спиной будут стоять и глядеть тебе на пальцы – не дай Бог, не так прикоснёшься. В общем, веди себя тише воды, ниже травы – иначе просто выгонят в лучшем случае. Не забудь: в чужой монастырь со своим уставом не лезут. А это и есть монастырь.

– Понял, – ответил Ястреб без особой радости: почувствовал вдруг, что устал, пришло желание полежать, расслабиться, подумать о чём-нибудь нейтральном и приятном. Но тут выбирать не приходилось: по сути дела, это была такая же удача, как и то, что удалось по картинке установить не только предприятие, его профиль, но и местонахождение. Так что вместо отдыха приходилось настраиваться на новую работу – самую, может быть, важную. Если только нужное там действительно есть. Требуется ещё одно везение, настоятельно требуется...

11

Машину Ястребу пришлось оставить по эту сторону стены, настоящей крепостной стены, окружавшей старинные строения Обители. При всей древности укрепления его и сегодня взять штурмом оказалось бы очень нелегко: в старину строили основательно. У ворот приехавшему популярно объяснили, что никакой транспорт в пределы Обители не допускается; пешком, только своими ножками, медленно, достойно, с каждым шагом всё более проникаясь чувством святости этого места.

Пришлось идти, ощущая, как из дырявого мешка жизни падают и исчезают крохотные, звонкие горошинки времени, запас которых никто не в силах пополнить. «Кроме господ», – беззвучно отвечали ему на это молчаливые башни, в которых светились лишь редкие окошки – узкие, как амбразуры.

Дорога от ворот шла в горку, и с каждым шагом всё большая часть монастырской территории открывалась взгляду. Становилось ясным, что не везде тут царили мгла и безмолвие; самый дальний отсюда край освящённой земли, похоже, и среди ночи продолжал жить другой, не свойственной башням жизнью. Яркие ртутные лампы на высоких мачтах освещали громадный прямоугольник строившегося здания, доведенного уже до четвёртого этажа и, похоже, ещё не собиравшегося остановиться в своём стремлении ввысь, к небу. Если вслушаться, можно было уловить и звук моторов: работали краны, поднимая на верхний уровень новые порции материалов. К всплывавшим снизу платформам тут же устремлялись люди в рабочих комбинезонах и касках – да, то явно не были подрясники и клобуки. Работа, одним словом, кипела. Ястребу захотелось даже остановиться на секунду-другую, чтобы увидеть и запомнить как можно больше – просто так, на всякий случай. Однако сопровождавший его от ворот монах пресёк это намерение:

– Здесь нельзя останавливаться, сын мой. А чем оглядываться без пользы, лучше бы молились – если помните молитвы, разумеется.

– Расширяетесь? – всё же не утерпел Ястреб.

– Возводится новый корпус – с благословения его святости Омниарха.

– Богато живёте.

Проводник не сказал больше ни слова – только слегка нажал на плечо, заставляя идти дальше. Ястреб повиновался: его уставы здесь действительно хождения не имели.

Он рассчитывал, что примет его отец настоятель: как-никак, Ястреб оказался здесь с благословения (если пользоваться местной терминологией) самого Президента Галаксии. Однако тут шкала ценностей явно не соответствовала мирской, существовавшей по ту сторону валов. И провели Ястреба всего лишь к отцу библиотекаря, не старому ещё мужчине с внушительной фигурой и уверенными движениями; лицо его затенял монашеский капюшон, и видны были лишь глаза – светло-голубые, пристальные, холодные.

– Ступай на своё место, брат! – Это было обращено к проводнику. А к Ястребу: – Благословен твой приход. Моё имя – отец Исизель, твоё мне известно. Садись, сын мой, и изложи дело, приведшее тебя в нашу обитель. По возможности сжато и конкретно.

Смещение речевых стилей заставило Ястреба улыбнуться – разумеется, только внутренне, на лице же он сохранял выражение покорной смиренности. Чтобы изложить дело, ему понадобилось три минуты и не более полусотни слов. Отец библиотекарь выслушал его внимательно, не перебивая. Когда Ястреб умолк, библиотекарь не промедлил с ответом ни на секунду:

– Я искренне сожалею, сын мой. Но святая Обитель ничем не в состоянии помочь твоим разысканиям.

Тут Ястреб позволил себе выпустить улыбку и на лицо:

– Позвольте не согласиться, отец. То, о чём я говорю, хранится именно у вас. Может быть, об этом известно лишь немногим посвящённым...

– Здесь нет ничего, во что я не был бы посвящён, – после секундного молчания ответил монах. – Тем более если дело касается каких-то текстов, включая и древнейшие и самые священные. Поэтому могу заявить с полной ответственностью: мы не обладаем формулами существования мира – так на самом деле называется то, что ты ищешь.

И, не дожидаясь возражений, повторил – уточняя:

– Более не обладаем. Увы. И должен сказать – утратив их, каждый из нас испытал чувство облегчения: слишком страшная сила таилась в них, сила, какую нельзя было доверять людям.

Этого Ястреб, откровенно говоря, не ожидал.

– Пойдите, пойдите. Вы говорите, отец, что эти тексты были у вас – и исчезли? Украдены? Значит, они сохранились после гибели Куранта пятьсот лет назад? Но ведь тогда должны были остаться хоть копии!

Библиотекарь покачал головой:

– Никаких текстов никогда не было. Это лишь ложный слух.

– Но формулы ведь были!

– Несомненно. Церковь не любит выбрасывать что-либо. Однако именно эти тексты всегда существовали только в изустной передаче. В стенах обители всегда наличествовал один человек, знавший формулы и всё, с ними связанное, на память. Живая запись, если угодно. Лишь чувствуя приближение конца, он брал ученика и в течение некоторого времени передавал ему сокровенные знания. Только в это время в обители было два обладателя формул. А потом, как ты понимаешь, снова оставался один. Один-единственный. Так шло веками и тысячами лет. Так было ещё и совсем недавно.

– Это же громадный риск – без подстраховки...

– Известно: что знают двое – знают все. Даже если бы у них не возникло ни малейшего желания выдать тайну ещё кому-нибудь – но они не могли бы удержаться от желания поговорить о ней хотя бы друг с другом. Всякая тайна время от времени требует проветривания, ей начинает казаться, что она залежалась и плесневеет; а любой разговор может быть подслушан – тем более при современном уровне электронной слежки...

– Вы неплохо разбираетесь в этом, отец?

В глазах библиотекаря промелькнула улыбка:

– Прежде, в миру, я служил в Двойке...

«То-то он прячет лицо. А глаза эти я раньше видел, точно. Теперь ясно – в какой связи», – подумал Ястреб.

– Тогда тем более вы должны знать: с одним человеком всегда что-нибудь может произойти...

– Посвящённый – защищённый, так говорят у нас. Говорили... Этот человек – я подразумеваю каждого, исполнявшего эту обязанность когда-либо, а не только последнего – не занимался более ничем. Он жил отшельником даже среди нас. Давал – и соблюдал – обет молчания. Никогда не встречался ни с одним мирянином. И его келья проверялась ежедневно – ежедневно, понимаешь? – на предмет наличия средств подслушивания и подглядывания. При последнем я сам проводил этот просмотр! А перед тем как получить благословение на приобщение к тайне, он проходил через такую проверку – до седьмого поколения, – какой нам с тобой никогда не устраивали. Происхождение, биография, здоровье, связи, слабости, пристрастия – всё, всё. Такому человеку ты мог бы положить в постель свою юную невинную дочь – и с нею ничего не произошло бы, и даже ей не удалось бы выжать из него ни слова.

– И всё же – что-то произошло?

– Увы. Мы лишь предполагаем, а Господь...

– Каким же механизмом он воспользовался? Надеюсь, не взрывчаткой?

– Не богохульствуй хотя бы в этих стенах. Всё случилось очень просто. Посвящённый вышел на ежедневную прогулку, после которой, как всегда, уединился в нашей церкви и молился. Но оттуда не вернулся в свою келью, а поднялся на звонницу. Никто не мешал ему: наверху никого не было, так что никакого общения произойти не могло. Со звонницы он, ни на миг не задерживаясь, бросился вниз. Пятьдесят метров – и гранитные плиты внизу. Без причин. Без... без какой-либо мотивации. Ещё накануне он был совершенно здоров и в своём уме. Почему он покончил с собой – до сих пор никто из нас не понимает. Мгновенное помрачение ума – разве что... Именно с этой звонницы бросился вниз Курант в своё время – может быть, и это сыграло роль...

– В результате вы остались без формул?

– Да. И, как я уже сказал – испытываем облегчение.

– Вы – может быть, – пробормотал Ястреб. – Только не я... Скажите, отец Исиэль, а эта ваша новостройка – к ней он не имел никакого отношения?

– Совершенно никакого. Я ведь сказал уже: он не соприкасался с миром. Только обитель... Разве что если считать участием его присутствие на встрече с человеком, ссудившим обители средства для осуществления строительства.

Как показалось Ястребу, в комнате явственно запахло жареным.

– И это был Смоляр – я не ошибся?

– Угадать было нетрудно: его благотворительность воистину не знает пределов.

– На каких условиях он кредитовал вас?

– Он не выдвигал никаких условий.

– Он сталкивался с Посвящённым лицом к лицу?

– М-м... Возможно – когда расходились, на миг возникла лёгкая суতোлка – но только на миг.

– Вы после этого бывали в келье?..

– Посвящённого? Не раз. Ежедневно.

– После этой встречи – там не возникло ничего нового?

– Н-нет, разумеется. Хотя, как ты понимаешь, я ведь не обыскивал келью. Пользовался лишь тестерами для обнаружения электроники. Только. Иные методики не нашли бы поддержки у отца настоятеля.

– Скажите: каким было финансовое положение обители до получения ссуды от Смоляра?

– Гм. Вообще-то... Сформулируем так – не блестящим. Тут, – монах повёл вокруг рукой, – как ты мог заметить, давно уже требуется очень серьёзный ремонт. И мы просили, собственно, только на восстановление. Но он предложил намного больше, чтобы мы могли построить новый корпус, перебраться в него – и тогда уже всерьёз реставрировать древние стены. Очень щедро, не так ли?

– Конечно. Ну, что же, эта тема, мне кажется, исчерпана. Но вот вопрос: а условия применения триады – время и место – они тоже передавались из уст в уста?

– Нет – да это было бы и невозможно: слишком много специальных составляющих – и стояние небесных тел, и положение самого оператора, назовём его так, и точный миг галактического времени – вряд ли всё это можно запомнить так, чтобы потом воспроизвести безошибочно, а ошибка перечёркивает всё прочее. Эти данные действительно существуют в записях.

– И я могу получить к ним доступ?

– Ну, поскольку тебя послали люди весьма авторитетные... Только к чему вам условия применения, если применять нечего? И ещё: зачем вам понадобилось и то и другое? Надеюсь, что вы не собираетесь уничтожить какое-нибудь небесное тело? Вроде бы ни одному из миров Галактики ничто не угрожает – а ведь формулы эти существовали только для того, чтобы снова спасти мир в случае, если ему будет угрожать столкновение с другим небесным телом – исклю-

чительно для этого. Но сейчас – а мы тут внимательно следим за космической обстановкой – ничто нам не грозит, уверяю...

– Вы так полагаете? – ушёл от ответа Ястреб. – Знаете, что я сделал бы на вашем месте? Внимательно осмотрел келью покойного. А если там ничего не окажется – тот мусор, который из неё выбрасывался. Буду очень удивлён, если вы там не найдёте ничего интересного...

– Ты всё же подозреваешь Посвящённого? Зря. Он был истинным патриотом нашей обители...

– В том-то и дело. Но это потом; а сейчас я хотел бы поскорее увидеть то, о чём мы говорили: условия применения.

– Что же, идём. Но ты понимаешь, мы не сможем дать тебе ни листка с собой. Этим рукописям пять тысяч лет, и...

– Достаточно будет сфотографировать их.

– Что ты! Никаких вспышек... ради всего святого!

– Никаких вспышек и не будет. Обещаю.

12

Пришлось пройти несколько – а если точнее, четыре – длинных сводчатых коридора. В тот миг, когда Ястреб собрался уже обидеться, полагая, что отец Исиэль просто водит его по периметру (коридоры совершенно не отличались один от другого), библиотекарь остановился перед массивной даже по виду, хотя и невысокой, закруглённой сверху дверью. За нею оказалась уходящая вниз лестница, каменная, узкая и крутая. Пришлось спускаться, придерживаясь за стену: оснастить лестницу перилами то ли забыли, то ли сочли излишним. Лестницу освещали тусклые плафоны, редко расположенные, конец спуска не был виден, так как лестница не была прямой, но закручивалась вправо. К такому штопору нелегко подобрать пробку, подумал Ястреб, отсчитывая ступеньки не по необходимости, но по привычке; количество их могло дать представление о глубине, на которой они в конце концов окажутся.

Он насчитал сто сорок четыре, когда лестница наконец покончила с собой, доведя снижавшихся до небольшой круглой площадки, из которой вытекал новый коридор. Ястреб недовольно пробормотал:

– Надеюсь, ваш архив не в самом центре Земли? А то я не взял зонтика.

– А мы уже и пришли, – ответил Исиэль так же приглушённо; как-то не хотелось здесь говорить громко – то ли из боязни обрушить своды, то ли – скорее всего – из уважения к залежавшему на такой глубине прошлому, которое и само было глубоким.

Действительно, новый коридор оказался совсем коротким и, обходясь без всяких дверей или иных преград, неожиданно распахнулся, превратившись в обширный зал, неярко освещённый десятком настенных светильников, судя по их облику, некогда служивших держателями для факелов; хотя стены были, похоже, недавно побелены, но не смытая перед тем вековая жирная копоть местами уже пробивалась сквозь водоземлюсионный слой. Свет матовых рассеивателей озарял совсем не то, чего ожидал Ястреб от архива: не клетки стеллажей с картонными коробками фондов хранения, а кряжистые шкафы резного дуба, неподъёмные на вид, перемежающиеся сундуками, такими же слоноподобными, но ростом пониже, около полутора метров – если только освещение и ощущение глубины не искажали восприятия увиденного. Странно, подумал Ястреб, что дышится легко, воздух свежий и сухой, не возникает и тени мысли о плесени и гниющих бумагах, а может быть, и пергаментях. Не пахнет крысами и прочей нечистью. Хотя (он протяжно втянул воздух носом, проверяя впечатление) – да, несомненно, запах здесь существовал. Совершенно неожиданный. Что угодно можно было предполагать, но уж такое...

Мысли его не удалось завершиться, потому что боковым зрением Ястреб увидел какое-то движение в противоположном конце зала и повернулся туда.

То был человек невысокого роста, хрупкого телосложения – «не боец», как сразу намётанным глазом определил Ястреб. Он был облачен в такую же чёрную рясу, что и отец Исиэль, с остроконечным капюшоном, закрывавшим лицо. В тени угадывались только глаза. Вынырнувший откуда-то из-за дальних шкафов монах мелкими шагами приближался к вошедшим, плохо различимый, потому что на входе светильник не горел – из экономии, может быть, или просто пришла пора сменить лампочку. Подойдя, склонился к руке отца библиотекаря. Проговорил едва слышно принятое здесь приветствие, получил в ответ благословение, отступил на шаг. Склонил голову, ожидая распоряжений.

– Послушник Ридан, – объяснил отец Исиэль гостю. – Разбирается тут с нашими архивами. С недавних пор мы смогли позволить себе даже и такую роскошь. Деньги, друг мой, всё – деньги... Каковы успехи, сын мой? – повернулся он к послушнику. – Далеко ли удалось продвинуться в лабиринтах восьмого века?

Что-то странное почудилось Ястребу в интонации библиотекаря; но он не понял – что же.

Послушник чуть поднял лицо, чтобы взглянуть на спрашивавшего. Глаза стали видны – но только на миг.

– Хвала Господу, – всё так же тихо, почти шёпотом, проговорил он. – Хроника Эстимата идёт к концу.

– Похвально. Однако придётся ненадолго прервать это занятие. Сын мой Ридан, со мной пришёл из мира человек по имени... м-м... рекомый Ястребом...

Послушник на миг поднял голову, блеснули глаза – и в этом мгновенном взгляде светился страх, почти ужас – или Ястребу только почудилось, может быть, он просто чересчур сильно настроился на всякие неожиданности? Нет, скорее всего показалось – судя хотя бы по тому, что в следующий миг Ридан, повернувшись к Ястребу, поклонился ему в пояс и вновь обратил взгляд к своему наставнику.

– У него возникла нужда в нашей помощи, – объяснил отец библиотекарь. – Поэтому он здесь. Он сам изложит тебе свою заботу. Ты сделаешь всё, что в твоих силах. При этом так скоро, как только возможно. Благословляю тебя на это. А теперь оставляю вас – дела требуют моего присутствия наверху. Ястреб, я за тобой зайду. Сколько тебе нужно времени – час, полтора?

– Отец Исиэль, я позвоню, когда господин Ястреб завершит свои дела, – первым ответил послушник.

– Благословляю, – повторил библиотекарь. И вдруг, после мгновенной, но всё же заметной паузы, пробормотал, почему-то сердито:

– И вы тут это самое... Не глупите, в общем. Ведите себя...

Сказав это, отец Исиэль повернулся, взмахнув лапами одеяния; шаги его простучали по каменному полу и заглохли уже где-то на ступенях. Ястреб лишь пожал плечами, недоумевая по поводу последних неожиданных слов библиотекаря. Послушник же, оставшись внешне невозмутимым, снова поклонился Ястребу, уже не так низко, как прежде, а скорее по-светски, изящно и вежливо, и жестом руки указал направление, в каком следовало идти.

– Только после вас, – отказался Ястреб. И объяснил: – Я тут просто заблужусь. У меня совершенно отсутствует чувство ориентации. Не дал Бог.

Послушник Ридан едва заметно покачал головой – то ли в знак сочувствия такой обделённости гостя, но может быть, просто не одобряя употребления имени Божия по столь незначительному поводу. Затем движение это перешло в кивок – в знак согласия с приведенным аргументом. Он повернулся и такими же мелкими шагами, какими приближался, направился туда, где, видимо, располагалось его рабочее место. Эх он семенит, мельком подумал Ястреб. Но другая мысль, более важная, не позволила и дальше рассуждать о походе архивного служителя.

Что же было в этой интонации Исиэля? Вот какой вопрос не давал покоя Ястребу те секунды, пока он следовал за послушником, отставая шагов на пять, чтобы держать его фигуру в поле зрения – не потому, что была в том потребность, но опять-таки по привычке, превратившейся в рефлекс. Что, у бывшего коллеги сменилась ориентация? И именно по этой причине он решил уйти из Службы? Или даже не сам решил... А в монастырях, помнится, такой грех всегда присутствовал, более или менее, как, скажем, в тюрьме и вообще везде, где масса состоит из представителей только одного пола. Ай да библиотекарь!.. А хотя – это уж никак не моё дело. Его проблемы. И, разумеется, этого юноши. Вообще тут надёжно, однако по части утех, особенно плотских – полный провал. Можно только посочувствовать.

Как и тебе самому, – мысль тут же перескочила на другое. Ты не монах вроде бы, а по этой линии ничем от них не отличаешься. Только что мальчиков не любишь, а вот женщину – любил бы, конечно, если бы – если бы нашёл такую. Ту самую – свою половинку, как полагали в древности.

Да вот...

– Садитесь, пожалуйста. – Голос послушника, высокий, почти мальчишеский, заставил Ястреба отвлечься от сексуальной темы. – Чем могу быть вам поле... полезен?

Ястреб послушно сел на указанный ему старинный высокий табурет – словно в баре присел перед стойкой – мелькнуло не к месту. Послушник отступил почему-то на два шага – словно слишком малое расстояние от мирянина несло в себе некую опасность.

– Простите – вы не могли бы снять этот ваш капюшон? Я как-то не привык...

Отрицательное движение головой:

– Не имею права. Условия моего послушания не допускают подобного – в присутствии мирянина. Итак?

– Ну, раз уж правило... Значит, так. Мне нужно...

Ястреб быстро изложил своё дело. Архивный послушник не выказал ни удивления, ни... вообще ничего. Дослушав, кивнул:

– Благоволите обождать. Я принесу.

– Ещё мгновение. Не могли бы вы объяснить – чем это тут пахнет? Здесь даже сильнее, чем там, у входа?

Казалось, юноша на миг смутился – судя по тому, что ответ послышался не сразу:

– Не знаю... По-моему, здесь ничем не пахнет. Но у меня с обонянием то же, что у вас с ориентированием: его просто нет. Увы. Правила копирования вам известны?

– Да, отец Исиэль объяснил.

– Я должен буду следить за тем, чтобы вы их не нарушали.

– Понимаю. Хорошо, несите, – проговорил Ястреб, готовя к действию свою портативную аппаратуру.

Послушник стал подносить коробки – одну за другой, неспешно. И хотя Ястреб протягивал руки, чтобы принять каждую, Ридан, как бы не замечая их, пронесил свой груз мимо и опускал на стол на дальнем его конце, так что приходилось тянуться, чтобы приблизить материалы к себе.

– Да вы что – боитесь меня, что ли? – не выдержал Ястреб. – Я не кусачий.

– Это – последняя. – Ридан положил толстую папку на принесенный перед тем короб, отошёл в дальний угол и застыл там, не двигаясь и даже, могло показаться, не дыша.

13

Исиэль спустился за Ястребом, как и обещал. Когда они, попрощавшись с юным послушником, вернулись из подземного лабиринта, в котором хранилось архивное богатство Обители, отец Исиэль, облегчённо вздохнув, отворил одну из книжных полок, оказавшуюся фальшивой, достал внушительную бутылку и два стаканчика:

– Не откажешься?

Ястреб не отказался. Отсалютовав друг другу, выпили. Отец библиотекарь промолвил:

– Далеко ушла электроника за последние годы...

Он имел в виду ту технику, которой Ястреб воспользовался для копирования документов.

– Ты, наверное, давно ушёл из Службы?

Он намеренно обратился к монаху на «ты»: дал тем самым понять, что признаёт в нём своего. В Службах на «вы» обращались к начальникам и подчинённым, но не к равным.

Глаза под капюшоном сузились:

– Разве из Службы уходят?

Ястреб улыбнулся в ответ: да нет, разумеется, куда из неё уйдёшь? Кроме крематория, конечно. Вслух же произнес:

– Отец Исиэль, могу я тут у тебя на несколько минут расслабиться?

Была половина четвёртого утра, и раут, интересовавший его, сейчас должен был находиться в самом разгаре.

– Ну конечно же, сын мой. – Исиэль понимающе кивнул. – Я тебе помешаю? Могу и выйти.

– Вовсе нет.

– Тогда займись своими заботами. Я не стану шуметь: мои дела делаются тихо.

Он уселся за стол и зашелестел какими-то бумагами.

Ястреб закрыл глаза, чтобы через несколько секунд увидеть мир уже взглядом Смоляра.

И как раз угадал. Потому что первым, кого он увидел, был сам Президент Стойк. Именно с ним разговаривал сейчас наблюдаемый.

По-прежнему Ястреб ни слова не слышал, прочесть же что-нибудь по губам не удавалось, хотя язык на сей раз наверняка был понятным, своим. На уровне рта Президент удерживал высокий, почти полный коричневатой жидкости стакан, сквозь который не было видно совершенно ничего. Зато глаза над стаканом были видны прекрасно. Сейчас они смотрели прямо в глаза Ястребу – то есть, конечно же, Смоляру. И Ястреб подумал, что во взгляде этом можно прочесть куда больше, чем удалось бы понять из слов, даже если бы они вдруг оказались слышимыми. Это был очень интересный взгляд.

И в самом деле. Лицом к лицу стояли два давних заклятых врага, два соперника, конкурента, наверняка ничего в жизни не желавшие сильнее, чем скорой и бесповоротной кончины нынешнего собеседника. Разумеется, это не должно было выражаться в словах, которыми они сейчас обменивались; но это не могло не отразиться в их взглядах. Подлинный обмен мыслями мог в этой обстановке происходить лишь при помощи взглядов; наши глаза не подчиняются ни политесу, ни протоколу, как не подчиняется ему душа в отличие от привычного к повиновению тела. И как бы ни старались смертельные враги, глаза вынуждены были – пусть только мгновениями – говорить правду, ненависть должна была вспыхивать в них, как молния в ночном мраке. Это Ястреб и ожидал увидеть.

Но не увидел. Потому, что этого и не было в глазах Президента: ни ненависти, ни страха, ни торжества человека, надеющегося одержать победу, ни даже простого холода. Взгляд выражал спокойную доброжелательность – пожалуй, со слабым, едва уловимым оттенком иронии.

Это было для Ястреба неожиданно и непонятно.

Тогда он сделал то, на что в других обстоятельствах скорее всего не решился бы. Известно было, что каждая попытка проникновения в сознание официального объекта будет им фиксироваться – для этого высокопоставленные особы были соответственно подготовлены, – и неизбежно последует суровое наказание. Такое проникновение могло осуществляться лишь при крайней необходимости и только с высочайшего разрешения. Так что Ястреб рисковал сейчас очень многим. И однако пошёл на этот риск, не размышляя долго, потому что времени для сомнений и логических умозаключений не было. Через секунду-другую собеседники могли разойтись в разные стороны, всё ведь происходило в публичной обстановке, на глазах у множества людей, и никакой серьёзный разговор здесь состояться не мог. Ястреб подстроился к полям Стойка, чтобы увидеть то, что сейчас своими глазами видел и сам Президент.

То есть – глаза собеседника. Глаза Смоляра. Его лицо. И всю фигуру. А фоном – людей, находившихся поблизости. «Интересно, – мелькнуло вдруг где-то на задворках сознания, – а девушка – ну, та самая – сопровождает его в таких случаях?» Но девушки в поле зрения Президента не оказалось. «А жаль, – снова пробежала тень мысли, – она ничего себе...» Но совершенно не ко времени было думать о девушках.

Он смотрел в глаза Смоляра, уже заранее догадавшись, что можно будет прочесть во взгляде подпольного Императора. Да то же самое: этакую понимающую доброжелательность и с тем же оттенком иронии, с какой и Президент глядел на него.

Друг на друга смотрели два человека, разумеющие нечто, чего не ведают другие и что касается прежде всего их обоих. И взгляд каждого выражал: «Я знаю, что ты знаешь это, и знаешь, что я знаю то же, что и ты; но это – только наше знание, и ничьё больше».

Этого было достаточно. И Ястреб поспешил покинуть президентские поля. А Президент, кстати, никак не отреагировал на его вторжение. Не успел? Не счёл нужным? Или ещё почему-то?

Такие мысли промелькнули в голове, пока Ястреб возвращался в зрение Смоляра. Мелькнули – чтобы тут же забыться.

Кажется, Ястреб при обратном переходе от Президента к Смоляру применил слишком большое усилие – просто потому, что волновался. Расстояние тут было минимальным, и можно было обойтись небольшой затратой энергии. Ястреб же явно перестарался. И получилось что-то непонятное.

Он снова должен был увидеть Президента: ведь прошло всего лишь две-три секунды. Глазам же открылось совершенно другое.

Большая, комфортабельно обставленная комната, скорее даже зал – без единого человека. Низкий потолок. Стены не вертикальные, а заметно наклонённые вовнутрь. Два широких окна. А за ними – темнота. Но не полутьма городской окраины, а плотный мрак пространства, густо нашпигованного далёкими звёздами. Источник явно искусственного, жёлтого света снаружи – где-то наверху, возможно, на крыше; луч его рассекает темноту, не размываясь, не дробясь. За стенами, вернее всего, нет атмосферы. И упирается луч этот в стоящий неподалеку корабль, застывший на широко раскинутых посадочных лапах. Это, надо полагать, не населённый людьми мир, даже мирок, один из множества блуждающих в Галактике. Именно там находится человек, чьими глазами сейчас стал видеть Ястреб.

Но – всего лишь на несколько секунд. Потом изображение исчезло, на миг снова перед глазами оказался Президент – теперь удаляющийся, видимый со спины. А потом и это пропало. Застучало в висках. Наступила усталость.

Ястреб медленно открыл глаза. Отец Исиэль участливо смотрел на него:

– Утомился?

– Не без того, – признал Ястреб.

– Стаканчик?

– Подойдёт. И сразу же поеду.

– Может быть, стоит отдохнуть? Полежи, найдём тебе келью, подремлешь, силы вернутся...

Ястреб уже открыл было рот, чтобы вежливо, соблюдая этикет, отказаться. Но, так ни звука и не издав, медленно сомкнул губы.

Потому что понял: он и в самом деле устал. Проникновение в чужое сознание, видение чужим зрением требует такого расхода энергии, какой можно сравнить разве что с марафонским забегом. И сейчас всё в нём – и физика, и психика – громко и согласно запротестовали против того, чтобы садиться за руль и гнать в сырой темноте по скверно освещённой и тряской дороге. Можно было бы, конечно, доверить всё кибердрайверу и, задав ему маршрут, продумать до самого дома – однако против этого возражала осторожность: комп, конечно, не совершит наезда, избежит столкновения и не свернёт куда не надо, но он не умеет распознавать другие опасности – простую засаду хотя бы, он не испугается обгоняющей машины, в которой стрелки уже готовы открыть огонь, – ну, и так далее. Человеку, включившемуся в серьёзную операцию, а тем более – имеющему при себе относящиеся к этой операции очень интересные документы (пусть лишь копии, всё равно), – такому человеку следует самому быть постоянно начеку, не передоверяя машинам заботу о своем благополучии и успешном ведении дела. Организм это понимает, но у него нередко бывает собственное мнение, на которое трудно повлиять. Вот так. Ну, а кроме того, чем скорее можно будет в спокойной обстановке пропустить новую информацию через фильтр анализа, тем раньше появится возможность оценить результаты, сделать выводы и использовать их в деле.

– Знаешь, я соглашусь на твоё любезное предложение. Если это не шутка, разумеется, и не форма вежливого прощания с надоевшим гостем.

Вот такие слова прозвучали, когда Ястреб снова открыл рот.

– Гостеприимство – наш закон, – ответил Исиэль с лёгкой улыбкой, – даже и для людей не столь заметных, как ты.

– А во сколько тут у вас будят? Наверное, с самого с ранья?

Отец Исиэль чуть ли не обиделся:

– Во сколько бы мы ни поднимались – к гостям это не относится. На всенощном бдении обойдутся без тебя. Спи до упора. Ни одному брату и в голову не придёт нарушить твой покой.

– Ты просто мастер уговаривать. Ещё раз благодарю. Я и в самом деле немного расклеился.

Усилие, с каким Ястреб поднялся со стула, подтверждало это признание.

– В таком случае следуй за мной, сын мой.

– С большим удовольствием.

Помещение, в котором они вскоре оказались, не очень отвечало тем представлениям о монашеской келье, какое до сей поры существовало у Ястреба. Кое-что, правда, соответствовало, но очень немногое: распятие на стене и образ – один-единственный. Лик на нём был изображён не Спасителя, а чей именно – Ястреб затруднился определить, спрашивать же не стал – и для того, чтобы не обнаружить свое невежество, и ещё потому, что ему это было безразлично. Всё остальное в этих стенах скорее наводило на мысли о неплохом гостиничном номере – не президентского класса, конечно, однако средней руки бизнесмен таким вполне удовлетворился бы. Кровать под цветастым покрывалом даже на взгляд казалась мягкой, Ястреб начал позёвывать, как только увидел ее. Было куда повесить одежду, было всё для туалета (Исиэль распахивал дверцу за дверцей, гордо демонстрируя), свет – верхний и надкроватный...

– Блеск, – признал Ястреб. – Лучше, чем дома. Умно я поступил, оставшись. Чего доброго, завтра и уезжать не захочется. И много у вас таких – гостевых?

Отец библиотекарь пожал плечами:

– Они не отличаются ничем от келий братии.

– Богато живёте!

– Живём по времени. У тебя – у всех вас, мирских – просто устарелые представления. Но если даже на военных кораблях, в отличие от прошлых веков, вместо общего кубрика – даже у юнгов отдельные каюты (Исиэль, словно сам был корабельщиком, сказал именно так, пользуясь профессиональным жаргоном, а не «юнг», как полагалось бы), а чем же служители господни хуже военных? И те и другие исполняют свой долг, служат – одни господу, иные Федерации. Так что твоя совесть да будет спокойной: у тебя тут нет никаких привилегий по сравнению с любым братом нашей Обители. Ну, теперь подумай – не нужно ли тебе ещё чего-то на сон грядущий, и я оставлю тебя в покое и – заверяю – в полной безопасности.

Ястреб ещё раз внимательно огляделся, хотя и очень хотелось поскорее сбросить одежду.

– Вроде бы всё, что нужно... Стоп. А как здесь закрыться изнутри? Не вижу ни замка, ни даже задвижки какой-нибудь. Это как?

Исиэль усмехнулся:

– Это, пожалуй, единственное, чем мы не можем похвалиться. В обители нет запоров. Братьям нечего скрывать и не от кого. И каждый может войти к каждому в любое время, ибо раз он так делает – значит, возникла у него для того серьёзная причина. Шутники и болтуны у нас не уживаются, посидеть вечерком за рюмкой, сам понимаешь, не принято, тут своя специфика... – Монах укоризненно покачал головой: – Знаю, какие мысли у тебя сейчас вертятся. Нет, Ястреб, не волнуйся: этого у нас нет – и никогда в сей обители не бывало. Наши братья все просвечены, ещё в пору послуха, вдоль и поперёк – или ты полагаешь, что я тут случайно оказался? С моей-то квалификацией?

– Успокоил, – сказал Ястреб; он и в самом деле поверил Исиэлю. – Тогда не стану больше отнимать твоё время. Спокойной ночи, отец.

– Благослови тебя Господь.

Наконец-то Ястреб остался один. Разделся, одежду убрал в шкаф. Дома не стал бы делать этого, а тут как-то стыдно было не соблюдать порядок – ещё и потому, что все подобные недостатки будут братией отнесены на счёт и его коллег, так что не стоило подводить корпорацию – кому-то другому тоже может потребоваться помощь Обители. Недолго постоял под душем, расслабляясь – хотя и так уже весь был почти в растворе. Снял покрывало, откинул одеяло – и (ура, ура!) с наслаждением растянулся на чистой простыне. Сон был уже рядом, совсем рядом...

И прошёл мимо, разэтак его так! Бывает же!

А вместо сна явились мысли. Из маленькой точки возникла и раздулась, как воздушный шарик, как мыльный пузырь, потребность ещё раз пережить всё, что этим вечером было видно и слышано в монастырских стенах, проанализировать, сделать выводы – словом, всё то, что он решил было отложить на завтра, на свежую голову, вдруг понадобилось сделать сейчас. Пусть голова была и не первой свежести, зато следы – прямо со сковородки. И надо с ними работать, пока они не остыли.

«Ничем не пахло? – думал он вместо того, чтобы мирно похрапывать. – Обоняние у него не в порядке? Свежо предание... Запах был, точно, и теперь я, кажется, понял, какой именно. Не сразу сообразил, потому что самому давно уже не приходилось встречаться: в конторе нашей пользуются дезодорантами, естественно, мужскими. Совсем другой букет. А там, в подвале, в архиве, пахло духами. Даю что угодно на отсечение. Ду-ха-ми! И самое смешное – никак не мужскими. Женскими, друг Ястреб! Тонкий, горьковатый аромат. Вывод? Одно из двух: или там где-то была спрятана, кроме прочего, и дама – или же пользуется женскими духами молодой человек. И скорее второе. Вспомни: эта походочка... Фигуру под рясой, конечно, определить я не старался, но паренёк узкоплечий, это видно сразу. Или, если всё изложить одним словом – женственный юноша, архивный послушник. Тогда становятся на место и странные слова Исиэля, те самые, неожиданные, которые он, видно, хотел – и не смог удержать в себе.

Насчёт поведения. Ах ты, отец библиотекарь!.. Что это в тебе вдруг взыграло, если не простая ревность? Может, этот мальчик, Ридан, податлив на ласку? Говоришь, в обители такого никогда не бывало? Может, ты и прав, и братия к такому греху не причастна, зато ты сам – выходит, грешешь? Ну да: быкам нельзя, но ты-то – Юпитер, не иначе! А я было тебе поверил. И зря. Если ты тут с этим юношей разводишь амуры, думаешь, об этом никто не знает? В таком замкнутом пространстве всё становится явным, а дальше – известная психология: если уж начальство грешит, то нам и подавно можно, тем более, что известно испокон веку: не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься...»

Так размышлял Ястреб вместо того, чтобы спокойно отдыхать, восстанавливать силы. Всё получалось вроде бы логично. Ну ладно, ладно. Непонятно только – а зачем об этом вообще думать? Какое отношение это имеет к Смоляру? К делу? И близко не лежит. И всё же раздумье продолжалось. Скорее всего потому, что подсознательно Ястреб чувствовал: не было под этой логикой чего-то такого – твёрдой основы не хватало, интуитивной уверенности в своей правоте. Что-то мешало её возникновению. Что же?

И вдруг он понял: глаза.

Глаза этого самого послушника. Лицо постоянно оставалось в тени капюшона, но с глазами его Ястреб несколько раз встретился взглядом. И вот в них было что-то такое...

Стоп, стоп. А ведь, похоже, не первый раз он заглядывал в эти глаза.

Соберись с мыслями. Быстро, пока ощущение не исчезло. Значит, видел я их...

Додумать ему не позволили.

14

Каждый брат в Обители, как было сказано библиотекарем, может прийти в келью другого, если у него возникла серьёзная потребность.

У кого-то она возникла.

Дверь без замка, без задвижки. И вот она медленно, беззвучно отворяется. И человек в рясе, смутно различимый в проникающем сквозь окно лунном свете, делает шаг вперёд. Входит. Так же осторожно затворяет дверь за собой.

Первая мысль: киллер.

Но оружия не видно. И вошедший не делает никаких угрожающих движений. Наоборот. Медленно протягивает руку к выключателю. Зажигает малый свет.

Ах ты, проходимец! Распутник хренов!

– Ридан! Послушник! Стыдись...

Ещё одно движение вошедшего: неременный капюшон слетает с головы и повисает за плечами. Высвободившись из него, чёрные волосы падают, обрамляя лицо.

И тонкий, горьковатый запах наполняет комнату.

– Ястреб, – проговорил вошедший – да нет, вошедшая же! – негромким, но теперь звонким голосом, требовательно и с обидой. – Как ты нашёл меня? Зачем? Ты меня предал? Ты враг? А как же?..

Она не закончила, нервно сглотнув – для того, быть может, чтобы сдержать слёзы.

– Простите? – Ничего другого не смог выжать из себя опешивший розыскник. – Не понял.

– Это он тебя прислал?

– Он? Кто?

– Не притворяйся! – Теперь предполагавшиеся слёзы сменились несомненным гневом. Она даже топнула ножкой – не очень эффектное в монашеских сандалиях, но всё равно проявление чувства. – Так вот: передай ему, и сам прими к сведению: я не вернусь! Никогда! Миллион раз говорила ему: я к нему совершенно равнодушна, и всегда такой останусь. Не нужна мне его слава и власть! Они стесняют!

Тут слёзы наконец одержали верх. И уже сквозь всхлипы она проговорила совсем тихо:

– А ты, ты!.. После всего, что было... Где же все твои клятвы? Где вся твоя любовь? Или это тоже было его задание?

О, господь всеблагий и всемогущий! Да что же это за напасть на мою голову? Может, это всё мне мерещится? Крыша поехала? Или сон такой идиотский? Ну, знаете ли...

Ястреб вскочил с постели, отшвырнув одеяло, потому что заявления, которые он собирался сделать, совершенно не вязались с горизонтальным положением.

– Послушайте, девушка, или кто вы там! Во-первых...

– Во-первых, я тебе давно запретила разгуливать голым: мы не нудисты. И ты не эксгибиционист. Приведи себя в порядок, будь любезен!

Выволочка эта была сделана совсем иным тоном: светски холодным.

Ах ты, нечистая сила! И в самом деле: жарковато было, и пижамы, тут имевшейся, Ястреб на ночь надевать не стал. Надо же – довести человека до такого состояния, чтобы он забыл об этом.

– Приношу извинения. – Он наскоро закутался в одеяло. – Но это ваша вина: ворвались среди ночи и вывалили целую кучу нелепостей. Теперь послушайте меня. Я с вами познакомился часа три тому назад в вашем архиве, до этого никогда вас не видел, ни в каких отношениях не состоял, клятв не приносил, и так далее, и тому подобное. Я даже не знаю вашего настоящего имени, поскольку вас представляли как мужчину. Поэтому постарайтесь уяснить, что я вас не искал, никто меня за вами не посылал, и о каком предательстве вы тут бормотали

– не понимаю. Усвоили? Или нужно повторить? Если такой надобности нет – желаю вам спокойной ночи и прошу освободить меня от вашего присутствия немедленно!

Она, однако, не сдвинулась с места. Надменно подняла головку:

– По-твоему, я должна принимать всю эту болтовню за правду?

– Вся она, до последнего слова...

«Соответствует истине», хотел он сказать. И вдруг запнулся. Потому что понял: нет, правдой тут было не всё. Просто у него не сразу связалось – наверное, неожиданная и глупая ситуация повлияла. Если бы он ещё полчаса полежал спокойно в постели, то наверняка в своих рассуждениях добрался бы и до этого. Не успел – она не позволила.

Неправдой было то, что он её раньше не встречал, не видел. Встречал – один раз. И видел мельком – тогда. А второй раз – глазами Смоляра. Когда наблюдаемый объект пытался, вернее всего, уложить её в кроватку. Кстати, судя по её только что сказанным словам, не преуспел в этом. Мелочь, но приятно – то, что и у Смоляра не всё и не всегда получается. Эта мысль взбадривает.

Ястреб вздохнул. И произнес уже нормальным тоном:

– Ладно. Давайте разбираться. Присядьте, пожалуйста. – Он указал на кресло у кофейного столика. – С вашего позволения, я оденусь. («Раз уж спать всё равно не придётся. Да и нельзя больше: кажется, в деле возникает новая линия».)

Он вернулся из ванной минуты через полторы и выглядел теперь вполне прилично. Присел на край кровати. Извинился:

– Не могу вам предложить ничего. Хотя чашка кофе сейчас не помешала бы.

– Ну, наконец-то ты стал приходить в себя.

– Для начала могу спросить, как ваше имя? Или хотя бы – как к вам обращаться?

Во взгляде девушки мелькнуло сожаление:

– Всё-таки у тебя не всё в порядке. Ты здоров, Кося?

Кося, сиречь Константин. Его собственное имя. Из-за которого в детстве его дразнили «косым» – именно потому, что для родителей он был Косей, а не Костей. По этой причине он имени своего не любил, и даже в «Прозрачном мире» его мало кто знал, и уж подавно – не употреблял. Из фамилии сделали кличку – она и прижилась. А гостья – откуда она знает?

– Да от тебя же – ты сам мне сказал, – услышал он в ответ. – Правда не помнишь? В первый же вечер, когда мы... ну... остались вдвоём.

При последних словах она слегка покраснела. Хотя при этом освещении поручиться было трудно.

– Я видел вас два раза в жизни, – начал Ястреб своё объяснение. – Впервые – три дня тому назад, в начале ночи, возвращаясь домой. Вы шли навстречу – с мужчиной. Вас я запомнил: ваши глаза. Вы ещё оглянулись на меня и как будто удивились.

– Господи, ну всё навыворот, – проронила она, всплеснув руками, едва ли не в отчаянии. – Совершенно наоборот.

– Вот как?

– Да конечно же. Я шла с мужчиной, да. С тобой. Мы возвращались с прогулки, из парка – запомнил? И навстречу действительно попался прохожий. Я оглянулась и удивилась тому, что он был – или показалось – очень похож на тебя. Если бы ты в то мгновение не был рядом и я не держала бы тебя под руку, я, пожалуй, издали могла бы принять... Но ты был. Так же, как есть теперь.

– Очень интересно. Значит, мы с вами – или тогда уж с тобой – знакомы и даже близки – так?

– Вот это – действительно правда.

– Давай вернёмся к истокам. Ну, хотя бы потому, что у меня и в самом деле с памятью что-то в последнее время бывает неладно. Когда, где, как мы встретились и познакомились? Ты помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.